

ВИКТОР БОНДАРЧУК



**АФГАН,
ЛЮБОВЬ
И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ**



Виктор Бондарчук

Афган, любовь и все остальное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17190155

ISBN 9785447447731

Аннотация

Действия разворачиваются в Сибири с начала восьмидесятых и по наши дни. По жанру произведение относится больше к мужскому роману. В котором присутствует война, криминал, любовь.

Афган, любовь и все остальное

Виктор Бондарчук

© Виктор Бондарчук, 2016

© Evgenij Sazanov, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Теперь я знаю что такое жизнь до того и после. Вчера была радость, солнце, весна. А сегодня, 28 апреля 1982 года, все это осталось где то там далеко, за тяжелыми дверьми военкомата. Я обязан отдать воинский долг маме – Родине. Страшные, какие то кирпично – тяжеловесные слова: должен и обязан. И никого не волнует что у меня есть моя личная жизнь. Моя и только моя, и которая сегодня мне уже не принадлежит. Сейчас я один из многих, которых, прикрываясь красивыми и высокими словами о долге маме – родине, кинут в неизвестность. Из которой, как выяснится позже, кто то и не вернется. Все что было вчера. И осталось за невидимой чертой – границей. Это уже прошлое, которое не вернешь, и которое было счастливым и безмятежным.

Самолет, резко задрал нос, ушел в ночное московское небо. И через двадцать минут, набрав нужную высоту, лег курсом на восток. «Тушка» летела домой, в Сибирь. Конец

августа, отпускники возвращаются домой. Самолет под завязку. В конце салона внимательно вглядывается в иллюминатор молодой солдатик. Новенькая, камуфляжная хэбэшка, голубой берет под погоном, тельняшка: атрибуты славного воздушно — десантного воинства. Этот крутой воин я: Боровиков Дмитрий Викторович. Закончил срочную службу, и в звании старшины возвращаюсь домой. Два года отделяют от того дня, когда другой самолет, военный транспортник, в своем мрачном брюхе, унес меня и еще сто двадцать таких же молодых и зеленых пацанов на войну. На жестокую и страшную. Где стрельба, взрывы и смерть, вещи ежедневные и в общем то обыденные. Вот только ни как не привыкнуть к этой страшной обыденности. Кстати из нас, новоиспеченных сержантов, мало кто вернется домой живым — здоровым. Ведь мы учились боевому, военному ремеслу целых четыре месяца. Смехота да и только. И нас, как крутых специалистов, использовали в самых гнилых местах. Вот потому то не все младшие сержанты встретили свое двадцатилетие, а вместе с ним и дембель. Нафиг эти грустные воспоминания. Впереди дом, где ждет меня мама, сестры и родня. Все будет хорошо, ведь самое страшное уже позади. Хочется думать о чем то светлом и радостном, а не получается. Настроение почему то пакостное. А гул самолетных двигателей будет воспоминания. Закроешь глаза и видишь темное нутро Антея, в котором солдатика, притихшие гаврики на жестких лавках.

Сейчас почти осень, а тогда был май, теплынь, праздники. И вдруг повестка. Неожиданно, как гром с ясного неба. В армию то я не собирался, думал по лету поступить в институт. Ведь я июньский, и мой призыв осенний. Так думал – предполагал, так мечтала мама. А вот военкому нужны пацаны в Афган. Там уже третий год гремит война. И ей, этой самой войне, нужны молодые и здоровые, которых она перетирает в прах тысячами, требуя все новое и новое пополнение. Вот и приходится крутиться полковнику – военкому на мягком кресле. А чтобы усидеть на нем, надо выполнять план, выцепляя пацанов на войну. Ведь времена уже не те, что десять лет назад. И в армию, а тем более на войну мальчишки совсем не рвутся. Особенно городские не хотят отдавать долг маме – Родине. Хотя какие могут быть долги у молодых и зеленых. Половина из которых не целованные. И мне плевать на высокие слова о том же долге. О том, что каждый должен отслужить хотя бы затем, чтобы стать настоящим мужчиной. А мужчиной меня сделала не армия, а девчонка с нашего двора Танюшка Осипова. Которая на год младше меня, и опытнее в этих делах на три.

После двадцать пятого апреля все закрутилось – завертелось, и в три дня закончилось. У меня, в общем то почти домашнего мальчика, не курящего, не пьющего, прилежно занимающегося лыжным спортом, началась новая жизнь. И мама не успела пожаловаться кому следует, что сыну еще не исполнилось восемнадцать лет, как я с кружкой и ложкой

был на вокзале. Мамины слезы, пьяный смех и песни под гармошку, рывок вагона и все. Родной город остался позади. Одно только успокаивает, едем на восток, в другую сторону от войны. Туда я не хочу. Я просто не хочу никого убивать, и тем более быть убитым. А еще того хуже появиться дома безногим инвалидом в неполных двадцать лет. Вот так поворот судьбы. Вчера еще были радужные планы, была свобода, а сегодня тупик. Хочется завить от безнадеги. Ведь это так долго. Это целых семьсот двадцать дней и ночей. И мне уже знакомо подобное чувство, испытал. Дыхнуло тогда жуткой безнадегой. Когда лучший друг, Серега Ситников, год назад возвращался домой по ночному городу. Проводил подружку. Привязались какие то чмыри, и конечно драка. Один получил точно в подбородок и упал головой на бордюр. Ему кранты, а Серега в эту же ночь оказался на нарах, вместо своей теплой постельки. И плевать суду что защищался, что тех четверо было. Семерик влепили, когда еще вернется. Армия конечно не зона, и два года это не семь за колючкой. Но все равно на душе пусто и тоскливо. И такое чувство, что домой никогда больше не вернусь. И если бы вокруг не были такие же пацаны, я наверное заплакал бы навзрыд. А так только от бессилия кусаю губы и стискиваю зубы.

Но всего через час от тоски – безнадеги не осталось и следа. Достали домашние припасы и конечно водку. И понеслась крутая пьянка. Все вдруг стали друзьями – товарищами. Водка лилась ручьем. И с собой взяли не мало, и про-

водники подкидывали поллитры за двойную цену. В общем отвязались кто во что горазд. Случилось пару драк, которые к счастью не вылились в массовое побоище. Но немногочисленных пассажиров напугали так, что многие перебрались в другие вагоны. Еще были песни, и в конце концов будущие воины качественно обрыгали весь вагон. Пока наконец не поотрубались, не заснули тяжелым пьяным сном. Сопровождающий нас старлей и четверо сержантов – танкистов ехали в соседнем плацкарте, и благоразумно в нашем не появлялись. Свалили все на транспортную милицию, которая тоже особого рвения не проявляла в наведении порядка. Я на все это смотрел как бы со стороны. Хоть от народа и не отстранился, но и в его самую гущу не влез. Выставил на общий стол бутылку «Пшеничной», курицу и домашние пирожки. Посидел для порядка, выпил пол стакана, закусил. И при первом удобном случае, когда веселье еще не набрало обороты, залез на вторую полку и сделал вид что сплю. Водка разогнала немного хмарь с души, а вот мышление осталось четким и рациональным. И я думал не о своей, так неудачно начавшейся жизни. Какой уже смысл раздрачивать себя этим до слез. А прикидывал, как максимум выжать полезного из не проходной ситуации. Еще и удивлялся своему этому рационализму. Вообще-то я такого от себя не ожидал. Ведь проще влиться в ряды своих товарищей и элементарно напиться. Но я не хочу пить. Как и не хочу вливаться в эту массу народа. Почему то не отожествляю с себя с этой тол-

пой. Судьба, а как это еще назвать? В самом начале жизни подкинула мне крутое испытание. То что оно станет крутым, я не сомневался. А вот для чего не понять. Может чтобы я стал сильным, закалился душой и телом. Опять же зачем? Я не собираюсь становиться суперменом. Меня мирное бытие совсем не напрягает. Нафиг какие-то приключения. Вот не было бы этого призыва, и все было бы ладненько. По осени поступил бы в институт, и пять лет в общем то беззаботной жизни гарантировано. Женился бы курсе на третьем. А там жена, дети, работа. Что еще нужно? Я в душе не против такой спокойной и размеренной жизни. Но где то в самой ее глубине, мне так прозябать совсем не хочется. Ходить по своей родной улице в детский сад, потом в школу, институт, на работу. А потом по этой самой улице и на кладбище. Прямо как то тускло и скучно. А разве я хочу что-то другое? Я же никогда и не думал уезжать из своего родного города за какой-то романтикой. Никогда не примерял на себя приключения походной жизни. Меня это совсем не интересует. А коли так, то нефиг голову забивать всякой мутью. Надо напрячься, отслужить, как говориться с наименьшими потерями. И снова вернуться в свой город, к своей спокойной и предсказуемой жизни. Думаю, что это у меня получится. Ведь я вот и сейчас здраво разрулил ситуацию. И от коллектива не откололся, не противопоставил себя всем. И в то же время остался при своих интересах. Сколько хотел, столько выпил, сколько захотел, столько покушал и все. Сам себе ве-

лосипед. А все-таки для чего мне это испытание? Наверное пойму, когда пройдет не один год после этой самой армии. Жизнь сама даст на него ответ. Засыпая, усмехнулся, прямо философ доморощенный. Одного жалко, Танюшку не помусолил недельку. Интересно, а кому она после меня достанется? А какая разница. Ведь точно знаю, что уже в ее планах не присутствую однозначно. Наши дворовые девчонки простые и веселые. Чего им пустяками заморачиваться. Им выпить, погулять весело и конечно «покувыркаться» при случае. Был бы я рядом, и тоже в накладе не остался бы. Как раз на майские праздники собирались на недельку в тайгу своей компанией махнуть. С палатками, все по парам. А вместо этого поезд летит на восток в полную для меня неизвестность.

Поздним утром следующего дня офицер и сержанты попробовали было проявить командирские качества. Попытались заставить нас помыть вагон, как и воспрепятствовать неотвратимой похмелке, и разумеется дальнейшей пьянки. Но были посланы куда подальше с такой ненавистью, что предпочли поскорее свалить от греха, пустив дело снова на самотек. К обеду пропили последние рубли, а тут уже и Чита. Первый пункт нашего славного воинского пути. Быстренько расселись в два камуфлированных Урала и уже через час оказались в сержантской школе танковых войск. Так что скоро скажу гордо: я танкист мама. Хотя это еще очень даже под большим вопросом. Ходят слухи, что часть

призывников куда-то перебросят, возможно даже в другие войска. Потом стрижка наголо, баня. И когда мы впрялились в мешковатую форму, то стали однородной зеленой массой. Мы уже себе не принадлежим, и недавняя пьянка в поезде казалась чем-то совершенно фантастическим. Попробуй сейчас пошли сержанта, не говоря уже об офицере. Процесс деланья из пацанов солдат начался. И нет времени ни думать, ни тем более рассуждать. Да к тому же мы голодные, так как нам на этот день вроде как был положен сухой паек, которого никто в глаза не видел. И только в восемь вечера нас отвели в столовую, где получили по миске рисовой каши, ломтю хлеба и кружке жидкого, чуть послащенного чая. Каша хоть и без масла, но на молоке. И кажется такой вкусной, ведь мы последние сутки ничего толком не ели, в основном закусывали. Потом казарма и наконец долгожданная команда «Отбой». Первый мой армейский день закончился в общем то благополучно.

Утро, как наверное во всех армиях мира, началось в шесть утра. И что удивительно не с громового «Подъем». Наш непосредственный командир, старший сержант Власов, прошел между коек, и как то буднично и спокойно повторяя: «Подъем воины, подъем» – а потом до семи утра мы учились наворачивать портянки. Сколько раз мы проделывали эту операцию я не помню. Но точно знаю, что и теперь, когда прошло столько лет, я наверну портянки так, что они никогда ни при каких движениях не собьются в сапогах,

и не натрут мне ноги. А понятно стало это учение с портянками, когда мы, все шестьдесят семь новобранцев выбежали на плац, возглавляемые сержантом. Пересекли территорию учебки, миновали КП, какое-то поле, жидкий березовый лесок, за которым начался танкодром. И по его рыхлой земле, распаханной траками танков, по кочкам и рытвинам продолжили бег. Вязкая земля, пересеченная местность. В общем дорога еще та. Но и мы вроде бы не спешим, можно сказать ковыляем трусцой за нашим командиром, который задает темп и направление. В семь начали движение, а в десять снова были у казармы. И сорок минут ждали отставших, которых было почти половина. И которые загнанно дыша, шли медленным шагом. Снова сержант заставил всех разуться. Проверил у всех ноги и дал команду умыться, готовиться к завтраку. Хотя дело уже катило к обеду. В двенадцать он и состоялся. Так как мы еще час маршировали на плацу. Как сказал наш сержант, это для аппетита. На обед к рисовой каше с тремя кусочками вареного сала добавилась миска жидкого супа непонятно какого названия. Да, здесь не раскабанеешь однозначно. Правда чай был почти сладким.

После обеда вернулись в казарму, где чернявый майор в ладно подогнанной полевой форме провел с нами часовое занятие. Пока мы переваривали низкокалорийный обед, то узнали одну очень даже неприятную новость. Наверняка многие из нас никогда не станут танкистами. Хоть и находимся в расположении танковой учебки. А кем мы станем,

майор и сам не знает. Будем мол всему учить. А там посмотри что из вас получится. Хотя первым кроссом он доволен. Ожидал более худшего результата. Пятнадцать километров по пересеченной местности без подготовки – это не хило. И все живы – здоровы. Не зря он отбирал спортсменов, в основном бегунов и лыжников. Я кстати КМС по лыжам. На первенстве города был четвертым. И это когда в забеге на десять километров участвовали главные лыжники города. Как позже мы выяснили между собой, большинство были разрядниками. Не мастера конечно, но все же. Не нравится мне такая избирательность. Что-то в этом не так. Я еще в вагоне обратил внимание, что среди призывников не было очкариков, худых и бледных. Как и не было толстожопиков раскормленных. Суператлетов кстати тоже не наблюдалось. Основная масса напоминает сжатые пружины. И сделав эти несложные выводы понял, войны мне не миновать.

Через месяц, после ежедневных пятнадцатикилометровых пробежек по пересеченной местности нас остался сорок один боец. Остальные в наглуую закосили. Сказали что в гробу видели этот лошадиный спорт и были переведены в другие роты. А что мог майор с сержантом сделать, когда после пяти километров парни ложились на землю и говорили, что дальше бежать у них нет сил. Я им завидую, у меня на такое духу не хватит. Буду бежать пока не сдохну.

12 июня на плацу учебки приняли присягу. Этот день у нас прошел за выходной. Правда за пределы части не выпу-

стили, но зато на обед была котлета с макаронами. До самого вечера нас никто не трогал. Занимались так сказать личными делами, в основном письма писали. А что еще солдату в свободное время делать?

13 июня началось как обычно. Но после утреннего построения, наш майор приказал сдать постельное. И уже через какой-то часик мы, а это уже тридцать семь человек из нашего призыва, еще четверо откосили, тряслись на крытом Урале к новому месту службы. А оно оказалось совсем недалеко. В сосновом лесу, на берегу красивого озера Арахлей с песчаными берегами, стояли два десятка палаток. Окруженных жидкой колючей проволокой и табличками «Запретная зона». Деревянная столовая – кухня, к которой примыкает дизель – генераторная. А посередине периметра очень крепкий блиндаж – склад: оружейка. Нас встретили два молодых прапора. Один оказался инструктором по стрельбе, второй по парашютному делу. Оба кстати мастера спорта. Вот почему майор говорил, что мы здесь станем ближе к небу. Получили автоматы. И теперь не расстаемся с ними ни днем, ни ночью. Как и с четырьмя запасными магазинами, снаряженными холостыми патронами. Оружие постоянно со мной. На построении, на зарядке, на занятиях, и конечно на топчане в палатке. Когда засыпаешь, измученный армейской суетой, АК под правым боком.

Крутимся с шести утра до одиннадцати вечера. Нагрузки возросли вдвое, а в отдельные дни и втрое. Подъем и сразу

в полной выкладке марш – бросок на пятнадцать километров, который заканчивается у озера. Оружие и боезапас над головой, и еще полкилометра вдоль берега по грудь в воде. И только когда снова оказываемся на берегу, можно на полчаса расслабиться. Выжать обмундирование, искупаться, перекурить. Потом вольным шагом в столовую, на завтрак. Теперь у нас и каша с маслом, и на хлебе двадцать пять грамм, и чай сладкий. После завтрака и десятиминутного перекура, снова возвращаемся к палаткам, где занимаемся парашютами. В основном пока теорией. Это самое спокойное время дня. И если ты научился слушать в пол-уха, и при этом дремать с открытыми глазами, то честь тебе и хвала. Значит становишься настоящим солдатом. А мысли все об обеде. Ведь аппетитные запахи от кухни долетают сюда. Борщ очень вкусный, почти домашний. На второе хоть всегда свинина, но пятьдесят на пятьдесят, а не голимое сало. Питание на удивление хорошее. Никто по крайней мере на голод не жалуется. В этом заслуга майора, нашего командира. К нему мы относимся, как к отцу родному. И называем его между собой батей. А ему и тридцати нет. Он все знает, все умеет. Два года в Афгане отвоевал. Как и наш старший сержант Власов. Кстати, танки в петлицах сменили на парашютики. Мы теперь десантное воинство. Командир тоже поменял эмблемы. Теперь он, майор Кречет, командир учебной десантно-штурмовой роты. И никто близко не догадывается, что творится в его душе. Он подготовит бойцов – десантни-

ков. Научит их грамотно убивать противника, и при возможности самим остаться в живых. Он много чего им преподаст. А когда этот процесс закончится, то эти пацаны, ставшие ему за сыновей, укатят на войну, а он останется. И останется только потому, что сам страшно боится этой войны. И никому и никогда в этом не признается. И только себе он может честно сказать, как ему до безумия жутко было ждать смерти. Потому что она была неотвратима, и только чудо могло спасти. Что и произошло в конце концов.

Его группа уже вторые сутки была в глухой осаде. Сзади неприступная скала необозримой высоты. Голая, как череп одного из бывших генсеков страны. По ней однозначно не подняться. А впереди два десятка афганцев. Которые стреляют так плотно, что и головы не поднять. Бьют прицельно с расстояния в сто метров, не жалея патронов. И когда они приблизятся на бросок гранаты, то все будет конечно. Связи нет, жратвы нет, и боеприпасы на исходе. К исходу этого дня все возможно и закончится. Из разведгруппы в пятнадцать человек осталось трое. Он, сержант Карпухин и рядовой Смоленко. Восемь бойцов полегли, когда их гнали к этому месту. Четверо уже умерли в этой ловушке, получив раны не совместимые с жизнью. Как врачи обычно говорят. Хотя кто знает, может и выжили бы, попади в нормальный госпиталь к хорошим врачам. А здесь, под палящим солнцем, у них шанса не было. Вот и лежать в сторонке ко всему безучастные, наливаясь чернотой смерти. А пока смерть

не догнала живых, они ведут прицельно – ленивую стрельбу одиночными, выверяя каждый выстрел. Можно бы и почаще, но надо беречь патроны для последнего боя. И пока своим умением классно стрелять, они держат противника в страхе. Ведь те не могут решиться на скоростной рывок, на сближение. Три ствола в умелых руках, которые ударят длинными очередями, могут весь этот почти выигранный бой свести в пользу проклятых шурави. Но к вечеру подойдет подкрепление с гранатометом, вот тогда они и закончат дело. И еще не знают, что эта самая группа нарвалась на русских разведчиков в семи километрах отсюда. И полностью уничтожена в коротком и жестоком бою. И эти самые разведчики двигаются сейчас сюда. И всего через два часа окажутся у них за спиной. Но это еще случится не скоро. Ведь сто двадцать минут на войне очень и очень много.

Иванов, Петров, Сидоров – самые русские фамилии. Если две первые принадлежат людям в основном серьезным и обстоятельным, то третья обычно разгильдяям. Не факт конечно, но такое случается частенько. Вот и курсант Рязанского высшего десантного училища Вячеслав Сидоров относился к этой категории людей. Уже на первом курсе его чуть не отчислили за пьянку. Распивающих после отбоя в каптерке было пятеро. Что конечно много для отчисления. Выгнали двоих худших из великолепной пятерки. Сидоров остался, у него оказались не плохие спортивные показатели. А чтобы впредь о таком он больше не помышлял, дали пять нарядов

вне очереди на кухню. Ну и соответственно добавили строевой в индивидуальном порядке. Вроде наказание по местным меркам серьезное. Но как говорится, горбатого могила исправит. На втором курсе курсант Сидоров попался на самоходе. Целые сутки отсутствовал. И снова угроза отчисления. Но тут подступили соревнования по всем видам спорта на первенство ВДВ. А курсанту Сидорову предстояло защищать честь училища в боксе. В среднем весе. А так как заниматься серьезно этим видом спорта особо желающих нет даже среди десантуры, то сам генерал – майор, начальник училища, лично закрыл дело о самоволке. Но пообещал три шкуры спустить с курсанта Сидорова, если он не займет одно из призовых мест. Тот занял почетное второе. Проиграл победителю исключительно по очкам. И с очень минимальным преимуществом. На третьем курсе Славик, как его звали друзья – курсанты, влез в драку в городском парке на дискотеке. Пытались его взять два милицейских наряда в количестве шести патрульных. Не получилось. Потеряв фуражку, две дубинки и рацию, выбитую ногой десантника, менты отступили. А Сидоров благополучно добрался до училища, где утром был опознан этими самыми милиционерами. Командование училища курсанта не сдало. С трудом, но как говорится «отмазали», задействовав чуть ли на Москву. Командир роты майор Здор пообещал отправить Сидорова дослуживать в стройбат, если он о нем еще хоть раз услышит. Но глянув в спокойные, серые глаза курсанта понял. Это для

него не наказание. И об этом Сидорове он еще услышит. Месяц курсант драил унылую казарму и квадратные километры коридоров. Но на пользу это не пошло. На четвертом курсе пожаловалась девушка, на которой Сидоров не хочет жениться. И которая ждет от него ребенка. За такие пустяки с четвертого курса не выгоняют. Тем более когда в Афганистане гремит самая настоящая война. Для которой требуются квалифицированные, офицерские кадры. Так что в этом случае курсанта Сидорова даже не наказали внеочередными нарядами. Не до этого. Надо огневую подготовку шлифовать. А девушку замполит училища убедил, что разгильдяй Сидоров ей не пара. И ей просто повезло, что она не свяжет с ним жизнь. Кстати, девушка не была беременной. С грехом пополам Вячеслав Сидоров получил звание лейтенанта и всего через год оказался в Афганистане. На самой настоящей войне. Где у него все сложилось довольно удачно. За два года не получил ни то что ранения, а даже царапины. Хотя боевых выходов было достаточно. А вот этот боевой выход сорван однозначно. Приказ предписывал скрытно, обходя душманов десятой дорогой, выйти в заданный квадрат, найти площадку для высадки десанта и ждать. Лейтенант позже узнает конечную цель своего задания. «Вертушка» должна была доставить оружие и боеприпасы для банды, которая якобы перешла на сторону революции. Но скрытно пройти к назначенной точке не получилось. Нос к носу столкнулись с пятью моджахедами, которых расстреляли практически в упор.

Забрали трофеи, отошли на несколько километров от места боя, как снова слышали выстрелы. Стреляли далеко, но не настолько, чтобы не проверить. Кто это там такой боевой выискался? Сработало природное любопытство Сидорова. Тем более, когда скрытность нарушена. Так что со спокойной совестью лейтенант выдвинулся с группой в сторону стрельбы. Через час ускоренного продвижения наткнулись на вялотекущий позиционный бой. А так как оказались в тылу душманов, то грех не ударить им в спину из всех стволов.

Майор Кречет, правда тогда еще капитан, с тоской ожидал смерти в этой безнадежной ситуации. А пока, чтобы об этом не думать, стрелял одиночными по противнику. Чтобы те приближались как можно медленнее. Но их продвижение было хоть и медленным, но неотвратимым. И тактику выбрали беспроигрышную. Вся группа открывает плотный огонь на пару секунд. И в это время трое перебираются вперед на заранее выбранную позицию. Еще два – три часа и душманы приблизятся на бросок гранаты. И тогда все, кранты однозначно. И остается только одно, как можно прицельней бить по этим балахонистым силуэтам. Что тоже в общем то проблематично. Не дает противник своим плотным огнем тщательно прицелиться. А навскидку, какая там точность. И вот когда до смерти осталось всего ничего, сзади по афганцам ударили длинные, автоматные очереди. И всего через пять минут бой был окончен. Спас им жизнь разгильдяй – лейтенант Сидоров. Потом вызвал по радиации «вертуш-

ку» и со спокойной совестью отбыл в распоряжение своей части. Нисколько не терзаясь не выполненным заданием. Где он этот лейтенант, что с ним стало, майор не знает. Не до этого. Ведь у него в душе поселился страх, от которого не может избавиться. Так что дослуживал в Афганистане на автомате. И добровольно отправиться в район боевых действий он уже не сможет однозначно. И чтобы хоть как то оправдаться перед собой. Как то замолить грех не достойный воина. Он добился назначения в учебную часть. Где, как ему самому казалось, он сможет принести больше пользы солдатам, отправляющимся на свидание со смертью. И сейчас все силы и знания отдает «зеленым» пацанам, на долю которых выпало очень тяжелое испытание в самом начале жизни.

Почему у меня такое плохое настроение? Как тогда, когда летели на войну. С теми далекими днями все понятно. Тогда неизвестность давила очень сильно. А вот сегодня, сейчас почему я не в настроении, когда возвращаюсь домой, где меня любят и ждут. И когда все страшные испытания позади, на душе тоска хоть вой. А заплакать я уже наверное не смогу. И в этом был совсем не прав. Буду плакать, да еще как, когда погибнет нелепо мой друг, наставник, почти брат. Буду рыдать, когда все в делах вроде наладится, а жизнь потеряет смысл. Ровно гудят двигатели, стюардессы разносят завтрак. И когда с ним покончено, откидываюсь в кресле, закрываю глаза. И снова воспоминания о тех первых днях, когда мой путь воина только начинался.

После обеда час отдыха. И снова парашюты. Укладываем, распускаем, снова укладываем. Говорят через неделю прыжки. Вроде и хочется, и сердце от страха замирает. Полуденная жара спадает, и мы плавно, без перекура переходим к занятиям по рукопашному бою под названием БАРС. К нам присоединяется майор. Приемов много, но надо овладеть всего пятью. Правда в совершенстве. А дальше по своему желанию. Рукопашка нравится всем. Понимаем, на гражданке это лишним не будет. Вот только пока не догадываемся, что до этой самой гражданки доживут не все. Майор, видя наше желание, продлевает занятия на час, а то и больше. Условие простое. Сдал зачет по главным приемам защиты и нападения, шлифуй другие, уже по своему усмотрению. Техника у нас в основном ударная. Один удар на противника, не больше. У вас не будет времени на разные борцовские приемы, наставляет майор. У меня оказывается к этому делу просто талант. Все получается почти с первого раза. Майор говорит, что я прирожденный боец. На гражданке продолжишь, так чемпионом станешь. Вот только где я и эта гражданка. Еще обещает лучшим выписать корочки инструкторов рукопашного боя. Мол будете в мирной жизни пацанов этому делу обучать. Какой ни какой, а заработок.

С семнадцати до девятнадцати стрельбы. Два рожка одиночными в поясную мишень на сто метров из положения стоя. Тридцать выстрелов навскидку на пятьдесят метров в такую же мишень. Кто из тридцати навскидку всадит пят-

надцать в поясную мишень, получает приз: банку сгущенки. К сентябрю я, как и многие, ей объелась.

17 июля стали настоящими десантниками. Не скажу что это дело мне понравилось, но в общем-то прикольно. Теперь прыжки ежедневно. В одиннадцать дня, разобрав парашюты, выдвигаемся к заброшенному полю, где прогревает мотор АН – 2. В три захода «Аннушка» выбрасывает нашу роту. Занятие не из приятных. В первые секунды свободного падения сердце замирает от страха. Но когда ты зависишь под куполом, то хочется петь. Многие и поют. Когда приземлился, готов еще раз сразу же прыгнуть. А вот завтра такого желания нет. И ты все делаешь потому, что так делают все. И снова удар ветра в лицо. Мгновенный страх, который исчезнет едва откроется купол. Укладываем парашюты и уже спокойным шагом топаем на обед. От пережитого кушать хочется страшно. И как награда вкусный борщ и рисовая каша с мясной подливкой от пуза. Дальше все по плану. День наконец заканчивается. Чистим оружие, приводим себя в порядок. И самое мучительное из этого, побриться безопасной бритвой при наличии только холодной воды. Пришиты подворотнички. Вечернее построение и наконец отбой. Засыпаю, едва занял горизонтальное положение. Потом, спустя годы на гражданке, увижу в журнале прикольную карикатуру. Комната, фигуристая голая девушка спиной на полу, ноги на кровати, в полном отрубоне. Рядом сидит солдатик только в сапогах и фуражке. На полу десяток презервативов ис-

пользованных. Сочувственные слова этого воина. Мол замаялась любимая, как я по первому году.

18 августа, каждый день одно и то же. Все уже выполняется на автомате. Майор спешит. Он один знает, когда мы соприкоснемся с войной. Мы уже в курсе, нас готовят для Афгана. Набрали по двадцать пять прыжков. Получили на грудь по значку с этой цифрой и забыли про десантирование. Майор бы рад нас научить всему тому чем сам владеет, но нет времени. Дает самое основное, что поможет нам выжить, когда окажемся в пекле войны. У нас у русских все как всегда. Нет времени на учебу, но зато его будет много, чтобы героически умереть за родину. Правда вдали от этой самой родины. И умереть как раз потому, что чего то не выучил, чем то не овладел, что-то не доделал. Теперь мы четыре часа в день стреляем, не жалея патронов. И по-прежнему марш – броски в полной выкладке.

После 7 сентября резко похолодало. Но нам уже это по боку. Ускоренный курс обучения окончен. И мы вот – вот сменяем место службы. И сменили. 11 октября оказались снова в танковой учебке, в той самой казарме откуда начиналась наша служба. Вот только теперь мы уже другие, что сразу видно по нашей форме. Х\Б застирано до бела в бензине, подогнана до миллиметра, сидит что влитая. Не зря, с молчаливого согласия командира, мы отрывали часы от сна, ее перешивая. Нас бы уже отправили куда подальше, но с пятнадцатого в округе большие спортивные соревнования, где

мы должны тоже выступить. И по результату которых майор нам обещает сержантские лычки. Он смеется, кто какие заработает, те и получит. Вплоть до старшего сержанта. Мотивация серьезная, все настраиваются на борьбу до конца.

Выступили удачно, выиграли почти все что можно выиграть. Правда, среди себе подобных. Ведь участие принимали и действующие спортсмены округа. Пять километров бега на скорость, полоса препятствий, подтягивание, стрельба на двести метров из положения лежа. Первое место у спортроты. Но на то они и спортсмены, это их хлеб. А вот десантников из разведвзвода, отслуживших по полтора года, мы уделали одной левой. Уделали так, что разведчики отказались от рукопашки в виду нашего явного преимущества. Прикольное в беге. Когда нам вместо сапог дали кеды, то мы готовы были побить все рекорды, такая легкость в ногах была. Майора поздравляли с отличной подготовкой солдат. А он казалось совсем этому не радовался. Видно знал, что наша песенка спета, и наше пребывание в ЗАБВО совсем скоро закончится. Наш ждет более теплое место, можно сказать даже горячее. Хотя я совсем не против остаться в этом ледяном Забайкалье. Службу то понял, а при сержантских лычках мне уже ничего не страшно.

Двадцать второго октября нам присвоили сержантские звания, дали значки за тридцать пять прыжков, которых в помине не было. А уже двадцать пятого загрузили в мрачное брюхо Антея. Наш курс на Афган. И это уже не для ко-

го не секрет. Среди молодняка летевшего с нами, выгладим старослужащими. К нам даже не цеплялись общевойсковые офицеры сопровождения. Забились в хвост самолета, где потемнее. И едва самолет набрал высоту, уничтожили сухой паек. И как его было не уничтожить, если он пошел под водку, которую прикупили за день до отправки. Выпили, расслабились и уснули так крепко на каких-то брезентовых чехлах, что проснулись уже за пределами нашей любимой родины, неизвестно зачем пославшей своих сыновей в далекую и очень «горячую» точку. Нас всего семнадцать человек. Остальные остались в Чите. Поговаривают, что их родители в этом вопросе подсуетились. Правило первое, которое я усвоил только сейчас. Деньги всему голова. За них конечно от армии не «откосишь», но место службы выбрать можно легко и просто. Мой одноклассник, Димка Шехурдин, у которого мама в универмаге товаровед, служил в нашем родном городе. За квартал от своего дома. И все от того, что его родительница имела доступ к хрусталию. Какой вывод? Надо постараться заработать как можно больше рубликов. Тогда я еще не знал, что большие деньги не зарабатываются, а делаются. И эти деланья почти всегда вне закона.

Я за старшего в нашем поредевшем на две трети подразделении. У меня одного на лычку больше. И совсем не знаю за что майор так высоко оценил мои способности. Может от того, что я учился старательно военному ремеслу и преуспел. Но если честно, то старался совсем по прозаичной

причине. Боялся залететь на любой мелочи и попасть в наряд на туалет, который приводили в порядок ежедневно самые нерадивые бойцы. А глядя на солдатиков, летевших с нами, совсем не подготовленных, в мешковатой форме, считаю, что мне лично крепко повезло. И наверное шансы выжить на порядок выше, чем вот у этих салажат. Я еще не догадывался, что на войне много случайностей, от которых не застрахован даже самый крутой воин. Скорее всего судьба каждого определена на небесах, и ты только можешь ей помогать изо всех сил, чтобы не получить катастрофический результат. На месте нас встретит капитан Бурденко, который возьмет всю ответственность за нашу дальнейшую судьбу. Гул самолетных двигателей чуть ослаб. Вроде идем на посадку. Еще полчаса и откроется новая страница в моей жизни.

В прошлом полгода службы. Какие плюсы и минусы я заработал за это время? Минус один и очень жирный. Я попал на войну. Но и немало плюсов. Во-первых, как ни как а я подготовлен к этой самой войне. И это поможет вернуться домой живым и здоровым. Я в это верю. Во-вторых, у меня и еще троих парней, майор определил ярко выраженные способности к рукопашному бою. А так как он сам фанатик БАРСа, то взял нас под свою опеку. И последний месяц лично натаскивал во всех видах единоборств. Стараясь научить как можно большому числу приемом, как защиты, так и нападения. При этом все повторяя. Главное изучите прием до мелочей, а отработать его всегда время при желании

найдется. И он оказался прав. В войсках времени для этого было предостаточно. Как и солдат, желающих научиться как боевому самбо, так и другим видам восточных единоборств. В итоге у меня и тех парней корочки инструкторов по рукопашному бою. Хотя если честно, то какие из нас инструктора. Так себе третьеразрядные тренеры для необученной пацанвы. Что и подтвердил наш Батя. Не забывайте азы боевого искусства. Шлифуйте его постоянно. Вот тогда и станете настоящими специалистами в этом деле. По большому счету это поможет в вашей не простой жизни. Она у вас сразу началась с испытания войной. И в мирной жизни никогда не будете в роли жертв обстоятельств. Он специально нам говорил про мирную жизнь, чтобы мы верили в счастливое возвращение домой. Боевые навыки, как и спортивные, помогут благополучно выбраться вам их Афгана. Чем человек больше знает и умеет, тем у него больше шансов во всем. А меня даже по плечу хлопнул:

«У тебя вообще талант к этому, парень» – эх, скорее бы домой, до которого нереально долго. Почти вечность. Хотя почему вечность то? Вот уже почти и полгода пролетело. Вроде бы как и незаметно.

Самолет наконец коснулся полосы и затрясся по ней, как по ухабистой дороге. Через десять минут, подгоняемые офицерами, вновь прибывший контингент Советской Армии, высыпал на бетонку аэродрома. Общее построение, и наконец солдатская масса замерла по стойке смирно. От группы

офицеров отделился высокий полковник в невиданной нами еще камуфляжной форме. Он поздравил с прибытием в Афганистан. От него узнали, что это оказывается наш священный и благородный долг воевать в чужой стране. Еще пять минут торжественного словоблудия, в которое никто не вникал. Да и большинство не могло вникнуть по элементарному не знанию русского языка. Половина воинов – интернационалистов оказалось из Татарии. Как они могли попасть сначала в Читу, а потом в Афганистан, одному высокому армейскому начальству понятно. А может быть и нет. Армейские пути вообще неисповедимы, и часто ни какой логике не поддаются. Но это уже дело десятое, к нам спешит черноусый капитан, который и оказывается тем самым Бурденко. У него список с нашими фамилиями, согласно которому мы делимся на две группы. Двенадцать человек он уводит вслед за солдатами из Татарии. А оставшимся пятерым приказано топтать к вертолету Ми – 8, который стоит в ста метрах от нас. Его командир, совсем молодой майор, в курсе. И обещает через час вылет. Вот только кое – какой груз подвезут. Погода какая-то серая, довольно прохладно, хочется кушать. От сухого пайка ничего не осталось. Впялились в шинели. Майор разрешил разместиться в вертолете, на жестких, узких лавках. Это все равно лучше, чем торчать на продуваемой бетонке аэродрома. Ящики с автоматами привезли через три часа. И мы наконец вылетели в неведомый нам Кандагар для прохождения дальнейшей службы.

Судьба подкинула мне подарок, как кстати и моим четырьмя сослуживцам. Мы оставлены в Кандагаре, при военном госпитале, для усиления охраны этого объекта. В нем лечатся не только наши раненые солдаты, но и афганцы, воюющие против нас. Они лежат в трех самых больших палатах на втором этаже, в самом конце коридора. Теперь мы отвечаем за них. Наш пост на этом этаже. Охраняем их круглосуточно.

А жизнь то и не такая плохая штука. Я, как сержант, на посту не стою. И как постоянный помощник дежурного по госпиталю только развожу наряды и проверяю посты. Командир нашего небольшого воинства капитан Овчинников особо службу не правит, лишь изредка делая неожиданные проверки и соответственно разносы, которые правда за пределы госпиталя не выходят. Все просто отлично, все идеально. Питание хорошее, флигелёк во дворе госпиталя, где мы живем, теплый. Служи и наслаждайся. И как мне казалось, я понял службу. Главное не расслабляться, не употреблять горячительное, не говоря уже о «дури», которой здесь немеренно. И забыть даже думать о любом бизнесе. Начиная от уворованных лекарств, и заканчивая боевыми патронами. И тогда все будет тип – топ. На мне сержантские погоны. Дедовщины, о которой ходят страшные слухи, я избежал. Главное год продержаться, а там видно будет что к чему. Вот и Новый год уже через неделю.

1983 год начался для меня, если сказать отлично, то это

просто слукавить. Хотя вроде ничего сверхъестественного не предполагалось. Праздник есть праздник. А для солдата служивого, это обычно дополнительный напряг. Усиленная служба, проверяющие по пять раз за ночь. И все остальное в таком же плане. Но и приятные моменты присутствуют. Спирт медицинский есть, разведенный греческим апельсиновым соком. И тушенка из стратегических запасов родины. Ближе к утру, когда госпиталь уgomонится – затихнет, это все качественно употребиться. А пока правлю службу, так сказать охраняю покой медперсонала и пациентов. И совсем не предполагаю какой царский подарок мне подкинет этот самый лучший праздник в году.

До часу ночи все катилось спокойно и планоно. Три медсестры и два дежурных врача отмечали праздник у себя в ординаторской. Оттуда доносится тихая музыка. Прошел по этажам, проверил посты. Все спокойно, все тихо.

В два ночи сменились часовые. Со сменившимися накатили по стопке. Парни ушли спать. Спирт разогнал кровь, спать совсем не хочется. Хотя можно часик прикемарить. Вышел на улицу. С гор накатывает свежий ветерок, в одной гимнастерке холодно. Снова возвращаюсь в помещение. Поднимаюсь на второй этаж проверить пост и сталкиваюсь с медсестрой Галей. У нее оказывается процедуры. Идет ставить уколы. Не ожидал что обратится, медперсонал солдат вроде бы, как и не замечает. А тут прямо по имени.

– Дима, не сможешь вот с этой штукой. – эта штука –

маленький стеклянный столик на колесах, на котором шприцы, ампулы, таблетки. Как не помочь, очень даже легко. Этой так сказать помощью обычно занимается тот кто на посту. Конечно, когда рядом нет никого из офицеров. Задача часового охранять медработника, когда тот или та заходят в палату к афганцам. Те хоть и пленные, но враги однозначно. Качу, столик в палату, а сам терзаюсь мыслью, что неспроста ко мне по имени обратились. Медсестра вроде бы на меня и внимания не обращает. Через двадцать минут процедуры закончены и мы у дверей ординаторской. Моя миссия оказывается не закончена. Женщина приглашает:

– Заходи воин, за Новый год выпьем, за новое счастье, – надо быть дураком, чтобы отказаться. Что-то волнующее мелькнуло в глазах женщины. Я весь напрягся.

Мое появление никого не удивило. Молоденький терапевт, старший лейтенант Стоценко рядом с медсестрой Любой. Прилип к ее роскошными формами, которые так и выпирают из-под белого халатика. Она его наверное специально берет на размер меньше, чтобы женские прелести достойно и четко смотрелись. Она кстати изрядно подпитая, и совсем не против руки врача, которая лежит на ее талии. Им не до нас. Вторая медсестра Оленька, стройная, почти миниатюрная брюнетка, с красивым аристократичным лицом, спит на дальнем диване, укрывшись толстым верблюжьим покрывалом. Она замужем. Ее муж, подполковник Реутов, начальник штаба десантно-штурмовой бригады. Он наведы-

вається к нам в госпиталь по пять раз на неделе. Хирург майор Колисниченко, пышущий здоровьем мужик, что-то колдует с бутылками и банками с соком. Оказывается он смешивает коктейль из спирта, красного вина и апельсинового сока. Он так увлечен этим занятием, что мое появление кажется и не заметил. Галя наливает себе красного вина, вопросительно смотрит на меня.

– Я со спирта начал. Можно грамм пятьдесят без вреда для службы. – женщина молча наливает разведенный соком спирт. Все так же как и у нас. На столе та же тушенка. Только аккуратно выложенная на тарелочку. Радуют глаз фрукты. Ярко-желтые апельсины, светло-коричневые орехи горочкой. К которым еще никто не прикоснулся. Две громадные грозди винограда в центре стола. Выпил и пора честь знать. Встаю, но Галина удерживает за рукав.

– Не спеши сержант. Давай еще по одной. – сама пьет только вино.

– Спасибо, у меня еще служба. Посты надо проверить.

– Успеешь со своими постами. – замахиваю еще пятьдесят грамм. И теперь без стеснения закусываю мясом, не поднимая глаз. И прямо чувствую взгляд женщины. И снова ее вопрос ставит меня в тупик.

– Помыться хочешь? У нас бойлер в работе. – помывка отдельная тема. Душевая рядом с ординаторской. Раз в неделю этим врачебным душем разрешают пользоваться нам, солдатам. И то всего на два часа. После которых мы делаем в нем

капитальную уборку с хлоркой. В общем просто так не поможешься горячей водой. Поднимаю на нее благодарный взгляд.

– Кто же от горячей воды откажется.

– Ну и молодец. Вот ключи, иди, мойся. – на нас никто не обращает внимания. Кстати, а майор то со своими коктейльными экспериментами уже вдрызг пьян. Забираю ключи, и уже через пять минут плещусь в горячей воде. За шумом воды не услышал как медсестра оказалась рядом. А потом замерло сердце, перехватило дыхание, и все остальное свершилось так, как и должно было свершиться. Я оказался в плену опытной и красивой женщины. Хотя для меня в тот момент все женщины были исключительно красавицами. Эта душевая станет для нас любовным приютом на долгий месяц с небольшим. Ведь больше нет места в госпитале для уединения. Кругом люди, толкотня с утра до ночи. И только глухой ночью, а это где то после двух, все более – менее успокаивается, и мы отправляемся так сказать мыться. Вернее заодно и моемся. И почему хорошее длится всегда так недолго. Пролетает в одно мгновение, уступая место плохому, тяжелому, грязному.

Мы получили ориентировку. На госпиталь готовится нападение. Вроде как кого-то освободить хотят. А заодно и оружие прихватить, которое изымалось у раненых и складировалось в небольшой комнатке, оборудованной под оружейку. Единственное окно наглухо закрыто железным листом. Дверь обшита жестью. Один замок навесной, другой

внутренний. Все вроде бы надежно. Эта так называемая оружейная комната находится на первом этаже, в конце длинного коридора. Часового возле нее нет. Но каждые два часа при очередной смене проверяю замки. Мы тогда еще не знали, что такие сообщения поступают постоянно, и к ним все более – менее привыкли. По крайней мере никто из начальства особого внимания на них не обращает. Но мы были новичками на этой непонятной войне, и ко всему относились еще серьезно. Да и наш командир майор Кречет учил, полагайтесь только на себя, на свое чутье, интуицию. Никогда не сбрасывайте со счетов внутренний голос. Может это и мистика, но она многим спасла жизнь на войне. Эти качества при постоянной опасности очень быстро развивается. И это иногда главный аргумент в принятии решения. И решения частенько судьбоносного. Для меня так и вышло.

Я, как старший караула, должен как то среагировать на эту ориентировку. Принять меры. И я среагировал. После двух ночи, а раньше думаю никто нападать на нас не будет, уединялся в этой самой оружейке. Часовой у главного входа меня закрывал, а другой уже в шесть утра открывал. Все в общем то придумал правильно. Что и самой жизнью подтвердилось. Вот только один момент не учел. Ведь без старшего наряда служба будет нестись ни шатко – ни валко. Щелкал замок и на всех постах мгновенно прекращалась служба. Все в основном падали сразу же спать. Охрана на периметре госпиталя над нами посмеивается, мол молодые еще. Вот скоро

привыкнете и к войне, и вот к таким ориентировкам, и будете спокойно спать по ночам. А меня всю неделю не оставляло чувство тревоги, если не сказать страха. Особенно когда оставался один в маленькой комнатке. По крайней мере мне не спалось. И чтобы избавиться от него, стелил на пол солдатский бушлат, ложился, и, прикрывшись госпитальным покрывалом, предавался мечтам о доме, о невероятно далеком дембеле. Не забывая вставить в замок свернутую пружинкой тонкую проволочку. Если будут открывать, то какое-то время провозятся, пока ее сомнут – сломают. Не думаю что дверь будут взрывать или замки отстреливать. Зачем противнику лишний шум. Своим приказал глаз не смыкать, оружие держать по-боевому. А вот как они этот приказ выполнят, не знаю. Ведь старший, то есть я, сидит под замком.

Четыре ночи прошли спокойно. Я за это время уже и спать приловчился вполглаза, и выспался конкретно. И уже мог до утра совсем глаз не смыкать. Но ночная тишина расслабляет. Госпиталь в это время вообще не функционирует. На дежурстве один врач и две медсестры. И нас девять гавриков охраны. А вот на пятую ночь ориентировка сработала. Я еще толком не успел задремать в приятных мечтаниях, когда услышал явный скрежет металла о металл. А когда звякнул наружный засов, на котором был навесной замок, я понял, ко мне гости. И между нами только внутренний замок. И у меня на все про все только пара минут, а то и еще мень-

ше. Осторожно взвел курок пистолета. С автоматом в тесной комнатке нет маневра. Лег на правый бок, накрывшись полностью одеялом. Нападавшие сразу не поймут что это за бесформенное лежит на полу, а это секунда выигрыша. Да и я соображу кто передо мной, и что мне делать. Как бы своих не перестрелять. Хотя чушь какая. Мои-то, прежде чем сунуться, прикладом три раза в дверь стучат. И голосом определяют. Нет, это чужие. Через дверь слышу не наш говор. А почему это они так громко переговариваются? Может вся моя охрана нейтрализована? Замок хрустнул. Его внутренности просто провернули какой-то специальной приспособой. Я не дышу, палец на курке. Лежать не могу. Осторожно встал, одеяло и ватник в сторону. Теперь перед дверью чисто. А где охрана? Не хочется об этом думать. Да и не до этого. Сейчас все начнется. Чуть придерживаю дверь за ручку, пистолет в правой. Как только потянут ее, сразу же бросаюсь вперед. Жду это мгновение, и вдруг где то на втором этаже ударила длинная автоматная очередь, наверное на пол – рожка. И сразу же короткая в ответ. Резко толкаю дверь, передо мной афганец в своей бесформенной одежде. Он испугаться не успел, как получил пулю в живот. Стоявший за ним и чуть в стороне, дико взвизгнул, рванул автомат в мою сторону, но две пули почти в упор переломили и отбросили его назад. Был еще и третий, который побежал к лестнице второго этажа. И нет у него возможности вырваться из этого коридора. Он понял это, тормознулся на мгновение, и полоснул оче-

редь в мою сторону. Стрелял навскидку, пули прошли высоко над головой. Я уже лежал за убитыми и выпустил прицельно оставшиеся пули в автоматчика. С двенадцати метров я не мог промахнуться. Мгновенно перекатился назад в оружейку, прихватив трофейный автомат. Теперь посмотрим ребята кто кого. Еще одна короткая очередь из глубины коридора. Пули звонко ударили по открытой двери. Высунул ствол и стрельнул в ту сторону. Стрелял для остротки, чтобы и не думали соваться ко мне. А еще через минуту все стихло. Тишина прямо пугающая. Неужели наверху и на улице никого нет в живых? Перезарядил ПМ. Зашевелился и застонал афганец, получивший первым пулю в живот. Ему уже ничего не поможет. Мне его совсем не жалко, я еще в горячке боя. И не осознаю, что это я убил его. В этой непрекращающейся тишине мне становится так жутко, что я готов расплакаться. Но не успел, афганец приподнялся. Я в ужасе наставил на него автомат. И уже готов выстрелить. И выстрелил бы, не подними он руки. Он не поднял, он просто протянул их в мою сторону. Мол смотри, у меня ничего нет. Не выпуская из виду коридор, обыскиваю поднявшегося на ноги противника. Мой взгляд наверное ему сказал, что стрелять буду не задумываясь. Так что мужичок совсем не дергался. Под складками одежды у него оказывается легкий бронежилет. Показываю руками, мол снимай все. В этой куче тряпья можно спрятать что угодно. Совсем не зря я это сделал. На свет появляются два запасных магазина к АК

и маленький никелированный пистолетик, с красивыми темно – вишневыми накладками на ручке. Он чуть меньше моего Макарова. Сунул его за голенище сапога. Немного выдвинулся из комнаты, чтобы лучше просматривать коридор. Кажется стрельбы больше не будет, в коридоре пусто. Слышу на улице рев БТРа, это уже наши. Кричу изо всех сил:

– Не стреляйте, в коридоре никого нет. – услышали, но заходить опасаются. Снова кричу:

– Не стреляйте, выхожу. Со мной пленный. – БТР навел на дверь фары. Осветил весь коридор. Толкая перед собой афганца, медленно выхожу на улицу. Через мгновение я среди своих. Солдаты осматривают госпиталь. Сашка Белобородов погиб от удара ножом. Славик Забелин получил пулю в грудь, но и от его очереди кто-то пострадал. Кровавый след ведет в палату. В ней выломана решетка с окна. И никого нет. Мой третий боец, Костя Башлыков, дежурный врач и две медсестры, целы и невредимы. Они закрылись в ординаторской и не высовывались. Они же и вызвали подкрепление. С врачами понятно, а вот какого хрена Башлык в ординаторской делал имея оружия. Вот сука, слышал же что идет бой, и предпочел тихо отсидеться. Даже не подумал прийти на помощь. Он постоянно шестерит возле медперсонала, вот потому то и оказался среди них. Отдыхавшие во флигеле оборону заняли, но на улицу никто не вышел. Видно побоялись. Для наших двоих служба и война закончились досрочно. Чувствую себя виноватым, ведь я был у них коман-

диром. Солдаты комендантской роты продолжают осматривать госпиталь. Я охраняю своего пленного. Его заберут после зачистки. И когда рядом никого не оказалось, он сказал мне по-русски. Со страшным акцентом, но вполне понятно.

– Сходи в кофейню к Али, у главной мечети. Она там одна. Отдай хозяину мой пистолет, деньги хорошие получишь. – и отвернулся. Больше ничего не пытался говорить. Смотрел в землю безучастно, готовый видно к любому раскладу. Наконец ушли комендатские, увели с собой пленного. В госпитале начали наводить порядок, а я с Башлыком пошел на допрос к особисту. И только после обеда он нам разрешил отдыхать. Разбора большого не было, хоть и потери приличные. Ведь еще трое бойцов с периметра погибли. Но как говорят наши отцы – командиры, война есть война, на которой без потерь ну ни как. Да и какие там потери, всего пять бойцов. Новых пришлют, с этим в России не проблема. Русские бабы еще нарожают. А эти солдатики сами виноваты, ведь службу то несли плохо. Такое резюме начальства. И я с этим согласен. Ведь говорил погибшим, держитесь вместе, не расслабляйтесь, оружие в постоянной готовности. А они все сделали наоборот. Вот и результат. Меня конечно раздолбали. Не должен командир оставлять своих солдат, какие бы благие намерения не были. Ты в засаду, а они спать. Сняли бы с меня сержантские погоны, если бы не взятый в плен афганец. В общем для кого бой, смерть, страх, а для кого обыденность и простые плановые потери. Первое мое боевое креще-

ние, которое показало, надо думать головой. И думать по десять раз на дню.

Потом были три дня мучительных раздумий: идти к этому самому Али или нет. Понимаю – это делать не стоит уже от того, что не знаю всех тонкостей дела. Я задействован помимо своей воли. Я чужой в этой игре. Но слова про большие деньги зацепили конкретно. Думаю, прикидываю, а в глубине души знаю, пойду точно. Оказывается во мне присутствует авантюрист и конкретный. Никогда не думал, что деньги для меня вещь оказывается совсем не последняя. А может они раньше не играли большой роли, потому что их просто у меня никогда не было. В общем, иду и продаю пистолетик, который, скорее всего, что-то значит. Сигнал, наверное, какой-то подаст покупателю. Мол хозяин жив, но в беде, выручайте. А продавца этого глушите на месте. Он враг, братьев – мусульман пострелял. Вполне возможен такой вариант. Но когда твердо сказал себе, что по любому пойду в эту кофейню, то перестал этим заморачиваться.

Через день, взяв в компаньоны Костика, отпросился сходить в город на небольшой рынок за фруктами. Не доверяю Башлыку, а больше взять некого. У остальных госпитальных воинов такая подготовка, что без слез не глянешь. Хотя считают себя крутыми бойцами. Вооружил напарника автоматом, сам взял два пистолета. Одни под гимнастерку, под ремень брюк. Второй в левый карман. Трофейный в сапоге.

Кофейня большая, квадрат наверное десять на десять, ес-

ли не больше. Тускло, со света почти темно. Пахнет кофе, табаком и очень вкусно жареным мясом. Зашли, остановились на входе. И уже через минуту белобородый старичок в чалме провел нас к маленькому столику. На левой половине столика, на правой люди сидят на коврах. Из-под стола достал две маленькие подушки. Положил на резные табуретки. Показал рукой, мол садитесь. Спрашивает по-нашему, что будем. Может покурить желаете. Наши видно частенько здесь бывают, выучился по-русски. Заказали плов и кофе. Пистолетик то по любому уйдет, оружие здесь в цене. Так что рассчитаться смогу. А вот не отравят ли нас, когда этот самый пистолетик им покажу? Так что сначала подкрепимся, а бизнес на десерт. Через десять минут столик накрыт. В большой тарелке плов. Одурающе вкусный запах которого, заставил желудок сжаться. В другой поменьше кусочки баранины, зажаренные под шашлык. С аппетитной коричневой корочкой. Тушеные овощи в остром соусе. Восточные сладости из изюма, кураги и еще каких-то непонятных фруктов, обсыпанные обильно сахаром. Спиртного нет. Оно вообще в этой стране не принято. Коран вроде как запрещает. Вместо него местные всякую дурь покуривают. В общем на столе все и даже больше, что нужно вечно голодному советскому солдату. Служи он на Севере, в средней части страны или за границей, как мы сейчас. Везде одно и то же. Жидкий суп без калорий, каша без масла и бледная, чуть сладкая вода под названием чай. А вот такая еда достается воину, когда он сам подсуется.

Узнают отцы – начальники, что солдат себя едой побаловал, так неизвестно чем ему эти все кушанья отрыгнутся. Сколько себя помню на службе, всегда жрать хотелось. Хотя вроде тушенки и сгущенки, особенно по последнему году, частенько в избытке было. За десять минут отобедали. Все очень вкусное. После солдатской пайки, высший сорт. Пугали нас отцы – командиры, что могут запросто отравить вот в таких забегаловках. Но пока, как говорят старослужащие, таких случаев не было. А вот обкуренных бойцов в плен забирали, и не раз, и не два. Что было, то было. И наверное и сейчас есть. А вообще то, как я думаю, травить нас им просто резону нет. Зачем светить доходное место в центре города. Бизнес то дороже, чем жизнь двух простых шурави.

Откушали, пора и рассчитывать. Отправляю напарника на улицу.

– Через двадцать минут не выйду, поднимай тревогу. Пальнешь пару раз в воздух. Сам сюда не суйся. И на улице никого к себе близко не подпускай. Давай, топай. – понимаю, что это все игра в шпионов. Но все равно расслабляться не стоит. Да и свидетель мне не нужен. Продажа оружия врагу статья почти неподъемная. Хотя этим грешат здесь все и постоянно. Когда старичок подошел рассчитывать, я ему мило улыбнулся и сказал:

– Мне Али нужен. – левая рука сжимает в кармане брюк ПМ. Я не знаю как среагирует этот самый Али, когда увидит знакомое оружие. Старичок замер на мгновение, и тут же

приглашает следовать за ним. Это мне уже не нравится. Но я при оружии и бдителен по максимуму. Иду, сжимая пистолет на боевом взводе. Правая тоже в кармане на рукоятке чужого. Подошли к стене, которая оказалась ковром. Сопровождающий высоко поднял его край, чтобы я увидел ярко освещенную комнату. Видит мой страх. Показывает, мол ничего там страшного нет. Вот зараза, эти проклятые ковры Востока. Пальнут через него и все дела. Не поймешь где цельная стена, где просто тряпка. И выстрела никто не услышит. А все равно зашел. Не отступать же с пол – дороги. Под одним ковром стена. Уперся в нее спиной. Готов мгновенно выхватить оружие. Как бы со страху не пальнуть. Расслабляю указательный палец, но с курка не убираю. Боюсь конкретно. И время идет. Как бы Башлык со страху раньше времени стрелять не начал. Шевельнулся ковер с противоположной стороны. Передо мной высокий афганец. Черные глаза смотрят в упор. И такая же черная борода под эти самые глаза. Я взгляд не отвел. Вес у него за сотню, и силен наверное, что буйвол. От такого надо держаться на дистанции. Афганец опустил на ковер, и тут же старичок вынес ему трубку. Курит, смотрит на мои руки. Понимает что там оружие. Я спокойно, не суетясь, достаю трофейный пистолетик. Вышелкнул на ковер обойму из пяти патронов и протянул оружие бородатому. Тот вроде бы как лениво взял его, секунду рассматривал. Потом хлопнул в ладоши. Снова появился старичок, который перевел мне вопрос.

– Что ты хочешь за это?

– Вы знаете цену, мне так сказали. – я прямо как восточный мудрец. Сам себя зауважал после такого ответа. Бородач достал откуда-то из складок одежды кожаный, большой бумажник. Небрежно сунул туда пальцы и извлек две сто долларовые бумажки. Отдал их старичку, тот передал мне. Не поворачиваясь спиной к афганцам, покидаю комнату. Хавалка за счет заведения, не обеднеют. Левая так же сжимает оружие, правая рука возле пояса. Готова мгновенно выхватить второй пистолет. Никто меня не задерживает. А старичок даже поклонился на прощание. Башлык изнывает от страха в ожидании. Ствол автомата пугливо гуляет из стороны в сторону. Придурак, со страху еще людей постреляет.

– Ну и натерпелся я, тебя дожидаясь.

– Чего бояться то днем, когда у тебя автомат. Ты в центре города. До комендатуры два шага.

– Тебе хорошо говорить, а тут со всех сторон эти душманы так и зырят.

– Потому и зырят, что твой страх видят. Почему бы шурави не поугасть, чтобы он от страха поскорее сдох.

– Я не боюсь, я за тебя переживал. Вдруг ты не появишься. Ну как твои дела?

– Это наши дела. Рассчитался патронами за вкусный и обильный обед. При случае еще сюда заскочим. Вроде как не должны отравить.

В госпитале, в туалете внимательно рассмотрел чужие деньги. Двести долларов. Очень даже приличный бизнес. Если я с этими долларами попадусь, точно трибунала не миновать. Ведь таких денег стоит почти сотня автоматных патронов. Хотя с другой стороны что скрывать то, если конкретно прижмут. Продал трофейный ствол. На то он и трофейный, чтобы на нем бизнес делать. Главное чтобы Башлык не стукнул, а на это надежды мало. Ведь он то кроме вкусной хавалки ничего не поимел. Ладно, поживем – увидим. Денежки сразу же «зарядил» в полупустой тубик «Поморина». Еще один целый рядом положил. Не зря подстраховался. Через день, сразу же после подъема, особист полный шмон провел у нас. Вывернул и карманы, и сапоги проверил, и погоны. Вот он отголосок моего бизнеса. А еще через десять дней моя блатная служба в госпитале закончилась. И меня откомандировали в артиллерийский полк. Вернее в разведку этого самого полка. Башлык остался при госпитале. А через полтора года, этот же самый особист – капитан, за литр коньяка расскажет мне. Как мой напарник по кандагарскому застолию, уже на следующий день после него, подробно доложил ему о нашем походе в гостеприимную кофейню Али за тридцать автоматных патронов. Вот сука, даже количество патронов придумал. И офицер просто решил от меня избавиться, сплавив по тихой в дальнюю, горячую точку. Не стоит шум поднимать из-за тридцати патронов, когда их продажа идет на тысячи. Да и не докажешь этот мелкий бизнес.

Ведь солдаты сколько «наварили», столько и проели. Вещдоков то нет. Так что самое лучшее, это устроить воину передовую. Хотя пули свистят и тут. Недавний случай тому пример. Неделю назад полегло пятеро бойцов. А этот сержантик еще и медсестричку «окучивает». Вообще у него служба козырная, лафа да и только.

Вот так, не зная этих деталей, отбыл на новое место службы. Имея в нычке двести долларов, и на личном счету двух убитых душманов. Кстати, их смерть в суете боя, и в дальнейшей суете службы, прошла как то стороной и меня сильно не задела. По крайней мере я об этом совсем не думаю. Теперь мои шансы остаться в живых уменьшились наверное вдвое. Покидал госпиталь со слезами на глазах. Ведь здесь я соприкоснулся с самой настоящей женщиной. Мне казалось, что жить без нее не смогу. И сердце замирает, когда вспомню, как мы плещемся под дождиком душа. Как она смеется счастливо. А забравшись на маленькую скамейку, становится на голову выше меня. И я взрываюсь от страсти, когда она прижимает мою голову к своим маленьким и упругим шарикам, и они неподатливо плющатся о мое лицо. Гоню эти воспоминания, чтобы не сойти с ума.

Вот и третий этап моей службы. Первые два: учебка и госпиталь проскочили вроде бы как благополучно. И за спиной скоро как год службы останется. Впереди полная неизвестность. Понятно лишь одно, на новом месте, ну ни как лучше не будет. Первые два хоть и были насыщены событиями

ми, но получились довольно короткими. Интересно на сколько следующий затянется. И не сократит ли его пуля. Что-то я все больше становлюсь суеверным. Боюсь, вот от этого и мысли подлые лезут в голову.

В расположение роты артиллерийской разведки добрался только на пятые сутки. И то, благодаря вертолетчикам, которые взяли меня на перегруженный продуктами борт. Лететь надо в горы, и каждый килограмм на вес золота. Но все вроде обошлось, долетели благополучно. Вот и новое мое место службы. Площадка в горах километр на два. Столовая, штаб, два офицерских домика и казарма для солдат. Больше похожая на громадную палатку. Деревянный каркас затянут двухслойным брезентом. Вокруг горы, дико и пустынно. И не видно ни каких пушек. И я вроде бы как уже не десантник, а артиллерист. Вертолет сел прямо у штаба. Идти докладывать о прибытии не надо. На месте два офицера и десятков солдат. Старший по званию майор. Своей чернявостью напоминает первого командира. Обращаюсь к нему:

– Товарищ майор, сержант Боровиков прибыл для дальнейшего прохождения службы. – майор козырнул в ответ, пожал руку.

– Помогай разгружать вертолет, сержант. А потом вот к нему, старшему лейтенанту, начальнику разведки. В его распоряжение. – к старлею так к старлею. И я принялся вместе с солдатами таскать из брюха «вертушки» мешки и ящики. Рис, гречку и тушенку в столовую. Ящики с патронами

в штаб. Через час получил койко-место в казарме и должность помкомвзвода у старшего лейтенанта Иванцова. Не понимаю что к чему. Какой на хер взвод, если вся рота чуть больше этого самого взвода. Чувствую, что служба будет еще та. Предыдущая раем вспомнится. Но самое удивительно, здесь знали все что произошло в госпитале. Я можно сказать героем прохожу. Ну по крайней мере за обстрелянного бойца. Вот значит откуда рукопожатие майора и приказ до утра отдыхать, приводить себя в порядок, осваиваться. А что тут осваиваться то, все просто и понятно. На ужин перловка с тушенкой и крепко заваренный сладкий чай. В общем то не плохо. Офицеров двое. Майор Сапожников командир этой дальней точки. А старлей командир разведвзвода, в котором тридцать семь человек. Экипаж вертолета сам по себе. У них отдельный домик, в котором обитает прапор – радист, и по совместительству он же начпрод. В этом самом домике офицеры устроили крутую пьянку. К застолью допущен прапор, который каждый час мотается за тушенкой в столовую. Он у них видно за гонца. Кто-то в темноте казармы зло выругался:

– Жратву пидоры пропивают. Опять через день на голимую крупу сядем. – и было в этих словах столько ненависти, что сразу подумалось, как с такими солдатами в бой идти. Отношения тут явно натянутые. А как иначе, если офицеры на своем личном примере показывают бойцам как не надо делать. Но я сержант, командир, и потому твердым голосом

приказываю:

– Прекратить разговоры. Команды «Отбой» не слышали? – больше комментариев не было, уснул. А в шесть утра меня тронул за плечо дневальный:

– Товарищ сержант, без пятнадцати шесть. – ничего не пойму, таращусь спросонья. Не понимаю почему солдат не орет команду «Подъем».

– Ну и что? —

– Вам приказано в шесть утра подъем играть и выводить взвод на зарядку.

– Кто приказал? – глупее вопроса задать не мог.

– Майор. – вскакиваю, натягиваю брюки и сапоги. Дневальный рядом, ждет приказаний. В казарме удивительно тепло. Две небольшие печки, сложенные местными умельцами из обычного камня, дают неплохое тепло.

– А где ваш сержант?

– Месяц назад ранен и отправлен в Кабульский госпиталь. – значит и здесь стреляют.

– Понятно. А как зарядка обычно проводится?

– Последнее время у нас ее не было.

– Последнее время это сколько?

– Месяца три, а то и больше.

– Как месяца три, если сержанта всего месяц как нет?

– Так он с офицерами бухал. И в последнее время очень сильно.

– А подъем всегда в шесть утра?

– Всегда. Все по уставу.

– Устав знаем, а зарядку не делаем. Играй подъем и всех на улицу. – дневальный тонким голосом, и как то не очень солидно прокричал «Подъем», солдаты вяло зашевелились. Думается мне, что устав и в этом плане не соблюдался. Через целых пять минут тридцать два «гаврика», поеживаясь от холодного ветра, зевая, стояли в строю. «Дедов» нет, это уже хорошо. Самые старые отслужили чуть больше года. Я избежал «дедовщины», мне повезло. И не собираюсь ее тут культивировать. Но как командира, заставлю себя уважать. Тридцать два в строю, пять в наряде, боевая работа началась. Прохожу вдоль строя, смотрю каждому в глаза. Они должны увидеть во мне командира. Обыкновенные пацаны, разведчики японо – мама. С первого взгляда они не похожи на людей знакомых со спортом. Может это мне кажется. А на самом деле бойцы орлы – соколы. Вот сейчас и определю кто летает, а кто ползает. Командую:

– Направо. Бегом за мной марш. – первый мой марш-бросок по периметру точки. На износ, кто сколько сможет. Посмотрим в деле артиллерийских разведчиков. А смотреть было не на что. Один круг, а все уже красные и потные. Дышат ртом, просто задыхаются. Ничего, стерпится – слюбится. Второй круг быстрым шагом. И третий снова легким бегом. Хорош, на сегодня, а то весь личный состав взвода будет на ближайшие сутки не боеспособен. Еще десять минут помахали руками, десять раз присели. Приказываю всем

разуться. Так и есть, у половины стерты ноги. Вот уроды, не первый же день служат. Так и хочется портянкой по мордасам пройти. Хотя причем тут они. Такие значит у них командиры были. Нас-то в один день этому научили. Когда делали зарядку, краем глаза заметил майора, выглянувшего из домика. Видно удивился шуму на вверенной ему территории. Зарядка закончена. Бойцы занимаются водными процедурами. Четыре ведра воды на весь взвод. Зубной пасты нет. И мыла с таким количеством воды не надо. Вот тебе и желтуха, бич нашего ограниченного контингента. Живут, как в пещере. На завтрак гречневая каша с жиром от тушенки. А чай снова крепкий и сладкий. Это уже плюс. На построении проверяю внешний вид бойцов, который на два с минусом. Все просто элементарно грязные. На построении ни майора, ни старлея. Я было сунулся к последнему на инструктаж и был в упор не понят. Ты сержант, вот и занимайся боевой и политической подготовкой. Тебе с ними на боевые ходить. Все понятно. Спасение утопающих, дело рук самих утопающих.

День прошел быстро, в суете. Расписал наряды. Потом проверка и чистка оружия. Разборка и сборка автоматов на время. И опять результат нулевой. Офицеры проводили вертолет и снова засели в домике. Правда майор нашел для меня минутку, сказал по-простому:

– Готовь ребят сержант, тебе с ними служить. Я скоро отбываю, а Иванцов человек пропащий. Так что действуй по своему усмотрению, тебе и карты в руки. Мешать не бу-

дем. Пока все правильно делаешь. – это для меня хорошо. А вот то, что прапор таскает тушенку на закуску, это плохо. Но тут не моя компетенция. Еще день – два и перейдем на макароны с крупами. А с таким питанием какие могут быть серьезные нагрузки. А вообще-то не понимаю зачем нужна эта точка. Может повезет и просижу тут тихо и спокойно до конца службы. Хотя в это что-то слабо верится.

Прошла неделя. Службой кроме меня никто не замораживается. Прапор с таким рвением таскал тушенку на закуску, что наше питание теперь исключительно вегетарианское. Крупа и макароны. Старлея почти не видно. Майор час в день отирается в штабном домике, так сказать службу выправит и тоже залегает. Кажется спирта у них предостаточно. Через неделю, у протрезвевшего майора выяснил стратегическое назначение нашей роты, находящейся вдали от всего и вся. Оказалось, что среди солдат десять человек корректировщики и пятеро радисты. Остальные для обеспечения охраны этих самых специалистов. И когда потребуются, сформируется боевая группа, которую высадят куда следует наводить огонь артиллерии или авиации. В основном авиации. Сейчас пока затишье, а когда закрутится боевая работа, сюда подбросят десантников, спецназовцев вместе с офицерами. А то что в глуши расположены, так это правильно. Ближе к врагу. Вон до пакистанской границы всего сто километров напрямую. Откуда вся нечисть душманская и ползет. Майор зло выругался непонятно по чьему адресу. То ли

этих самых душманов, то ли по поводу проклятой службы, в которой снова провал. Спирт закончился.

Прошел месяц. И вот уже конец марта. Все пока тихо, и ни о какой боевой работе речь не идет. И слава Богу. Дни стали длиннее и жарче, и время покатилося еще медленнее. В этом скучном однообразии тянем армейскую лямку. Подъем в шесть утра, и пока не накрыла дневная жара, вместо зарядки, до девяти утра таскаем воду. А это метров триста по узкой и крутой тропинке к небольшому ручейку, вытекающему откуда-то из скал. Емкость – бак почти на тонну, завезенный всего две недели назад вертолетчиками, теперь всегда полный. По крайней мере один раз в день, когда под вечер спадет жара, можно слегка облиться водой и немного постираться. Из боевой подготовки только бег на десять километров и сборка – разборка оружия на время. Две составляющие нашего здесь выживания: бег-ходьба на дальнее расстояние и меткая стрельба. Без этого мы просто ходячие мишени случись боевой выход. А он будет обязательно. Майор со старлеем не вмешиваются. Они даже как то спокойнее стали. А что волноваться то, если служба можно сказать катится почти по уставу.

Меня сначала удивляло, что в нашем взводе, именуемом ротой, всего два офицера и один сверхсрочник. А теперь по прошествии двух месяцев понятно, смысла нет сюда больше людей направлять. Тем более командный состав, которого и так не хватает. Боевой работы мало. Точка вдали от на-

чалства, служит больше как склад для керосина. А от скуки и полной бесконтрольности офицеры практически спиваются. Сидеть безвылазно год, а то и больше с видом на голые скалы занятие не для слабонервных. Да к этой скукоте еще и прямая опасность. Не один боевой выход без потерь не обходится. Ведь со стороны Пакистана чуть не строем валят подготовленные террористы. Которым как говорится, палец в рот не клади. Так что умные офицеры избегают нашу точку, как черт ладана.

Жара, однообразная и не вкусная еда. Каждый день одно и то же. Вертолета уже нет месяц, и наше командование без спирта просто изнемогает. Чтобы не скиснуть от этого однообразия, делаю упор на физическую подготовку солдат. Так как на огневую у нас просто – на просто нет достаточного количества патронов. Идиотизм полный. Советская армия одним словом. В день понемногу – полегоньку, наматываем до двадцати километров, изучаем окрестности. Три раза уходили группой по двенадцать человек далеко за ручей. Это уже слегка напоминает боевые выходы. Одна радость, чая и сахара много. Чай по крепости, сравнимый разве что с чифиром, катит без ограничения. У многих любителей такого напитка, лица стали почти черными.

Третье апреля. Майор торчит в штабе у рации. Все пытается видно вертушку вызвать. А старлей без «газа» совсем запсиховал. С утра палил из автомата черт знает куда. Потом, ближе к обеду, попытался гонять солдат строевой. Ко-

гда он это начал изображать, то у бойцов на лицах отразилась откровенная ненависть. В этот момент он для них наверное хуже душмана. Надо это как то прекращать, а что делать не знаю. К счастью сам Иванцов уловил пару – тройку таких зырканий, умирил свой пыл и отвалил наконец, предоставив мне сглаживать острые углы. На мои кроссы бойцы пока что не ропщут. Понимают, это для элементарного выживания. Попытался было скрасить однообразие занятиями по рукопашному бою. Но и как в случае с Иванцовым был не понят. Правда от ненависти не зыркали, но выражали полное равнодушие к изучению приемов. Не хотите, не надо. На гражданке это бы лишним не было. А вот перед майором настоял, не поворачивается язык назвать его командиром, что бы два раза в неделю каждый боец отстреливал по десять патронов. На оборудованном стрельбище в сторону гор, стреляем на сто метров одиночными. Двадцать выстрелов в неделю – это преступно мало. Но и эта малость не позволяет солдатом забыть основы стрельбы. Хотя многие и этими азами не владеют.

Двадцать второго апреля прилетел вертолет. Привез мало продуктов, и на удивление много патронов. Кстати, вертолетчики привезли план боевой работы. И в частности задание на выход в горы. Через три дня надо высадить группу из десяти человек далеко на юг. Почти к самой пакистанской границе. Предстоит корректировка целей. Там где то идет караван с оружием. Его надо отследить, и навести

на него штурмовики. То, что я пойду старшим, узнал за три часа до вылета. Должен был идти Иванцов, но он ни какой. Пьяный в усмерть. И как он говорит, со слов майора, ему на эту боевую работу насрать, наплевать и растереть. Пусть ему сначала мама – Родина даст отгулять отпуск за год с лишним, а уж потом вякает о каких-то дебильных боевых заданиях. Да и сам майор понимает, что нельзя доверять людей человеку с расшатанными от спирта нервами. А пьяному тем более.

Двадцать пятое апреля. Мой первый боевой выход. В группе из одиннадцати человек два коррективовщика и два радиста. Мы обязаны беречь их, как зеницу ока. Ну коррективовщики еще так себе, а вот без радистов никуда. Потеряем их, как ту же «вертушку» вызовем. Все в группе, кроме меня, отслужили по полному году. Но по сравнению с ними, я чувствую себя матерым разведчиком. И что самое удивительное, я в душе совсем не против повоевать.

Что можно сделать за два часа до вылета? Много, если отнестись к делу с полной ответственностью. Задание рассчитано на пять суток максимум. Значит продукты берем на десять. Этому противится конкретно прапор. Ему тушенка здесь нужнее, и хрен ты его переубедишь. Зато он не против дать нам рису без ограничения. И просто звереет, когда я прошу накормить солдат перед вылетом по-человечески. А для этого надо выдать каждому по банке четырехсотграммовой тушенки и банке сгущенки. Говорит ничего не зна-

ет, от майора он таких приказов не получал. Вот сука, урод конченный. Легкий тычок в дыхалку. И удар ребром ладони слегка по шее помогли понять прапору, как он не прав. Эти два весомых аргумента решили спор в мою пользу. Сверкает глазами что душман дикий, но продукты выдает. А галетами мы снабжены вообще на месяц. Не могу отказаться от ручного пулемета. ПК с дисковым магазином штука хорошая. На четыреста метров легко достает. Хоть и жрет беззапас, что бык помои. Правда нет пулеметчика стоящего. Но это ничего. Пулять в белый свет, как в копеечку, и дурак сможет. Не даст противнику расслабиться. А чтобы патроны не жалеть, каждому бойцу к его четырем запасным магазинам, еще и по диску к пулемету всучиваю. Для усиления огневой мощи группы беру СВД, обмотав ствол новыми портянками. Снайпера у нас нет. В этой роли я сам лично. Две трети нашей роты до сих пор не освоилась с портянками. Ковыляют с натертыми пятками. Тупят конечно. И сейчас на этих счастливиц с завистью поглядывают мои бойцы. Майор дает последнее наставление:

– Задание простое. Вас высадят за десять километров до места. За ночь, по темноте выйдете в точку, замаскируетесь и закрепитесь. Наблюдайте и ждите. Когда караван появится, дадите сигнал по радиации. Авиация отработает, посмотрите результат. Доложите и ждите вертушку. Вот и все. Карту изучил?

– Так точно. – я все это уже слышал десять раз. И вид-

но этими бесчисленными повторениями майор пытается доказать себе и успокоить нас, что в этом задании нет ничего сложного. Простая обыденность, с которой справится легко и просто сержант вместо офицера.

За два часа до темноты поднялись в воздух и взяли курс на юг. И уже через час были на месте. Командир вертолета, совсем молоденький, белобрысый капитан, обещал нас забрать через трое суток. Трое так трое, а там как получится. Пока совсем не стемнело, делаем рывок в нужном направлении. Осмотримся по ходу движения. Чем скорее уйдем с места высадки, тем лучше. Растянулись, дистанция друг от друга пять метров. Четные смотрят направо, нечетные налево. Я первый, значит смотрю вперед, задаю темп, выбираю дорогу. А она лежит через небольшое ущелье. Это где то километров семь. А потом резко вверх, на высокий, но довольно пологий хребет. На его вершине нам надо найти такое место, откуда должно хорошо просматриваться другое ущелье. Которое не миновать никому, вокруг отвесные скалы. Вошли в ущелье и сразу потемнело. В горах вообще ночь быстро наступает. По теории все было просто и понятно. А вот сейчас, в темноте, все выглядит совсем по-другому. Да и страшно, что там лукавить то. Теперь мы идем плотно. Интуитивно сбились в группу. И у меня почему то не хватает духу отдать команду держать дистанцию. Когда все рядом, вроде и не так боязно. Вокруг черные скалы, которые давят тебя морально своей угрюмостью. Ты кажешься себе таким маленьким

и беззащитным на фоне их величия. И если что, они нам не помогут. Ведь это не наши, это чужие горы. Медленно, шаг за шагом, почти за три часа выбрались на склон. Поднялись метров на триста вверх и сделали первый привал. Разрешаю съесть по галете и сделать по глотку воды. Вода в этой стране дефицит. И мы совсем скоро будем рады любой луже. Слава Богу, что у нас есть приспособы – фильтры. Но пока эта самая живительная влага не встретилась.

Если по прямой, то до вершины всего километра три, не больше. Но по прямой не получается. Обходим многочисленные расщелины, выверяя каждый шаг. Не дай Бог кому то ногу подвернуть. А это в кирзовых сапогах раз плюнуть. Только подумал, и оно случилось. Радист Костя Загайнов с рацией за спиной подвернул ногу и тяжело завалился на бок. Говорит что-то в колене хрустнуло. Перекурили двадцать минут, отдышались. Колено у парня распухло, на ногу наступать не может. О дальнейшем движении вперед не может быть и речи. Принимаю решение разделиться на две группы. А для начала уходим как можно дальше вверх. Это легко сказано уходим. Мы просто ползем. Два бойца поддерживают радиста под руки. Только через два часа нашли приемлемое место для стоянки группы. Сверх нависает скала, как бы образуя пещеру. По крайней мере при дожде на голову капать не будет. Укрытие метра на полтора. А если выдвинуться чуть вперед, открывается вид с сектором обзора на двести пятьдесят градусов. Здесь останутся

четверо. Оставляю им часть продуктов и снаряжения. Пойдем налегке. Приказ замаскироваться, следить за обстановкой. Надо бы оставить старшим Филлипка, но он в моей группе нужнее. Назначаю старшим Толю Макагона. Боец так себе, ни шатко, ни валко. Но он с Украины. Обещаю, если все пройдет тихо и гладко, представлю его в сержанты. Винтовку и пулемет оставляю. Боезапаса беру по минимуму. Всего по шестьдесят патронов на брата. Продукты на трое суток.

Думал за часик проскочить до места, а не получается. Движение очень медленное по темноте. И мы нагружены прилично. Автомат с одним запасным магазином. Зимний бушлат. Три банки тушенки и десять пачек галет на человека. По килограмму сухого риса. Плюс по две фляжки воды. Это наше питание на трое суток. Навьючились что верблюды. Правду говорят, что десантник один час орел, а все остальное время верблюд. Кстати, мы хоть и артиллерийская разведка, а числимся за десантом. Так что парашютики в петлицах не пришлось менять на пушки. Я по-прежнему в войсках «дяди Васи».

В три ночи делаем привал на двадцать минут. Только за тем, чтобы восстановить дыхание. Доберемся до места, вот тогда и подкрепимся основательно.

На вершину вышли только в пять утра. Прошли по хребту еще километр, пока не нашли укромное место между двух громадных валунов. Они нас отлично прикрывают с двух сторон. А утром между ними можно натянуть плащ-палат-

ки от солнца. Отсидимся здесь оглядимся, а уж потом будем искать место для постоянного лагеря.

С рассветом начали движение. Я впереди, метров за тридцать от основной группы. Так надежней. Не верю я в выучку своих бойцов. Замыкает наш отряд Коля Филипов. Он и посообразительней остальных, и к службе относится вроде бы как не к каторге. По кроссам первый, и стреляет прилично. Сколько еще времени потребуется, чтобы натаскать бойцов хотя бы до его уровня. А это уровень в общем то молодого бойца, и не больше. Он единственный на кого я могу хоть как то положиться. Было бы у солдат желание служить, обучаться, тогда другое дело. Может что-то и быстрее получилось. Не понимают, что хорошая подготовка – это их жизнь. Все время не получится на дурака проскакивать. Столкнувшись с армией, я все больше разочаровываюсь в людях, которые являются ее основой. Сколько уже офицеров повидал за свою короткую службу, и только майор Кречет из ЗАБВО образец воинского долга, эталон офицерства. А большинство как были в школе троечниками, так ими и в армии остались. Вот и этот боевой выход возглавляю я, сержант без году неделя. Веду людей туда, откуда вполне возможно не вернуться. Попутно набираюсь опыта, напрягаю мозги, чтобы предусмотреть все возможные неприятности на нашем пути. Полтора часа в дороге, а прошли чуть больше километра. Много расщелин, которые приходится обходить. Мы в горах, и никто не имеет представления о горно-альпинистской

подготовке. Все правильно. Проще еще прислать новых солдат, чем полгода, а то и больше тратить время на их обучение.

Через два часа первый привал и завтрак. По две галеты на человека и по два глотка воды. Сколько уже прошли, а воды не обнаружили. Это пожалуй станет нашей главной проблемой. Вышли на место только к десяти утра. Выход из ущелья просматривается, но довольно плохо. И по склону дальше не пройти, там такая расщелина, которую обходить день надо. Пришлось спуститься километра на два вниз, оставив за спиной стратегическую высоту. Наконец нашли приемлемое место. Наблюдать можно фактически из лагеря. Участок дороги открылся длинной почти в километр. Обустраиваемся, продукты все на плащ-палатку, фляжки с водой тоже. Все делю на равные пять частей. Пять суток придется провести на голодном пайке. А по воде через день – другой сделаем дальнюю разведку. По темноте спустимся чутка в долину, к дороге.

Один боец наблюдает за выходом из ущелья и дорогой. Другой смотрит за склоном откуда мы пришли. Безопасней конечно остаться бы там наверху. А для дела надо спуститься еще ниже. Так что пусть будет золотая серединка. Тут и мой первый прокол высветился, взяли мало продуктов. А ведь я об этом думал. Надо бы брать в два раза больше. Грузить на солдат еще килограмм по пять без жалости. Хотя кто бы мне дал консервы то? А для риса воды нет. Разложил про-

дукты в пять рюкзаков, четыре из которых завязал накрепко. И пообещал пристрелить любого, кто попытается съесть лишнее. На день получается банка тушенки на двоих, а это грамм по двести чистого мяса. И пачка галет на одного. А вот воды всего двести грамм на человека в день. В общем то паек вполне приличный. Ведь работать никто не будет. Лежи себе и пялься в бинокль. Этот склон теневой. Вполне возможно что в какой-то расщелине вода и сохранилась. Будет вода, можно сварить рис, которого у нас достаточно. А пока занимаемся обустройством и маскировкой нашего лагеря. Из камней и плащ-палаток делаем что-то наподобие пещеры. Вполне приемлемо от палящего солнца днем, и холодного ветра ночью. Для меня наша безопасность важнее всего. В глубине души мне наплевать на задание. Главное не нарваться на противника, вернуться живыми-здоровыми. На бойцов глянешь, так у них вид страшно замученный. Прямо с ног валятся. Вот уроды, вернемся на базу будете у меня по пятнадцать километров бегать каждый день в полной выкладке. Я этот свой прокол точно ликвидирую.

Расставил посты, всем спать. Смена час через два. Первые сутки прошли спокойно, а к утру начался легкий дождь. Туча накрыла нас, видимость исчезла. Вот это как раз тот случай, которого я боялся. Все, вроде бы дошли. Наблюдай себе спокойно, вызывай огонь на цель. А теперь будем здесь загорать, пока не откроется вид на это проклятое ущелье и кусок дороги перед ним. Когда эта туча сползет с нашей горы, кто

ее знает? И дождь такой, что и воды то не наберешь. А вот через какой-то час вся одежда уже на тебе воблая, несмотря па плащ-палатку. И радисту эта туча создает помехи, не может связаться со штабом. Хотя нам туда нечего доложить. Еще один день прошел в томительном ожидании. И дождя толком нет, воды не набрать. И не черта не видно. Тучи постоянно цепляются за этот склон. Надо спускаться ниже, что в конце концов и пришлось сделать. Штаб отдал такой приказ. По темноте спустились на километр. Мы совсем недалеко от дороги. Место нашли удобное, за огромным валуном – утесом. Ни с одной стороны нас не видно. Вот только наблюдателям придется выдвигаться на пятьдесят метров в сторону и вверх. И еще одна удача, нашли в расщелине целую лужу воды. И сразу организовали горячее питание. На сухом спирте сварили рис, залили его тушенкой и славно отобедали. Еще три котелка вскипятили и долили фляжки. Теперь новая проблема. Такими темпами сухой спирт быстро кончится. А он дефицит и на базе. Что за служба, одни проблемы. Пить сырую воду категорически запрещаю. Это гарантированная желтуха, и ни какие фильтры не помогут. Бойцы пока не ропщут, за командира меня признают. Еще не было случая, чтобы кто-то не выполнил моего приказа. За это командирство я обречен на полное одиночество. Начни только по нормальному общаться с бойцами, как грань невидимая сотрется мгновенно. И ты станешь для них своим, с которым можно и спорить, и приказ не выполнить. Так что на-

ше общение только на языке приказов и ни как иначе. Ни какого «базара», только короткие и понятные команды, как с собаками. Почувствуют слабинку, сразу сядут на шею. А я должен быть для них только командиром, свирепым сержантом, приказы которого закон. Мне в этом вопросе лишний головняк не нужен.

Пошли третьи сутки. Днем время идет побыстрее. В мощный, двенадцатикратный бинокль осматриваю серые скалы, пустую дорогу, уходящую в ущелье. Время подумать много. И совсем не сложно прийти к определенным выводам. Допустим мы увидим караван из нескольких машин, пускай даже с оружием. По такой дороге у него скорость где то километров десять в час. Мы доложили в штаб. Артиллерия сюда не достанет. Значит будет задействована авиация. Штурмовики прилетят через час в лучшем случае. За это время караван выйдет из ущелья и окажется на виду. Но это при отличной видимости, по-светлу. Так почему бы мне завтра под вечер не доложить о появлении этого самого каравана. Не верится мне, что наши разведчики прямо так четко отслеживают цели. И кто их знает этих караванщиков, когда они пойдут. Где, и сколько этих самых караванов будет. Доложу за два часа до наступления темноты. А там пусть сами разбираются. Я видел, вот и все. Вполне возможно, что летчики кинут пару – тройку бомб на дорогу и доложат, что караван уничтожили. Всем хорошо. С другой стороны мы вполне можем проходить за контрольную точку. И появившемуся кара-

вану приготовят сюрприз где то в другом месте десантники или спецназовцы. Это вполне реально. Ведь мы задействованы исключительно в качестве наблюдателей. Но опять же, наши ни за что не станут все усложнять. Несколько групп высадить для начальства проблема. И если бы хотели взять караван десантом, высадили бы вместо нас их для засады. Так что рискну, проверю свою теорию на деле. Ну что мне сделают? В крайнем случае лычки сорвут. А это мне уже не страшно, я не салага какой то. Решено, завтра под вечер доложу что появился караван. Мол двенадцать навьюченных мулов и столько же людей. Проверю, нужна ли штабистам наша информация. По любому какая-то реакция будет. Главное, чтобы меня бойцы не рассекретили, и не сдали по прибытию на базу. Принял решение и сразу на душе стало спокойней хоть от какой-то определенности. Нас-то по любому вывозить отсюда надо, продукты фактически кончились. А в итоге не выполнение задания со всеми суровыми выводами. А так есть шанс всем получить свои плюсы. И летчикам, и штабистам, и конечно нам, голодным воинам России. Днем изнывающим от жары, а ночью дрожащим от холода.

Следующий день почти полностью наблюдаю, прямо сросся с биноклем. Просто отличник боевой и политической подготовки. Кстати, у нас нет замполита. Вполне возможно его обязанности возложены на Иванцова. И тот с успехом их пропивает. Мои солдатики маются от безделья и голода. Пытаются спать, но не получается на голодный желу-

док. Да и выпались уже. Только радист по-боевому, все возится с рацией, постоянно ее настраивает. Все правильно, цель может появиться в любой момент. Она появилась, как я и планировал, в шестом часу вечера. Сомневаюсь только в одном. Сколько назвать навьюченных мулов, чтобы было похоже на правду. Останавливаюсь на одиннадцати, потому что это моя любимая цифра. На месте скажу, что могло быть и больше. Мол день наблюдал, не доверяя никому. Вымотался, вот и возможно пропустил голову каравана. Тормошу радиста. Четко доложил о предполагаемом противнике. Штаб подтвердил, донесение приятно. Снова занимаю позицию с биноклем. Бойцы оживились, все ждем что будет. А солнце уже над горизонтом. Через час, ну чуть больше, резко потемнеет.

Удивительно, но все произошло точно так, как я и предполагал. Пара «Сушек» прилетела почти по сумеркам. Сделали два захода. По второму отбомбили горную дорогу на той стороне ущелья. Две сходящиеся горы отличный для них ориентир. А бомб то они сыпанули мало. Мы слышали всего четыре взрыва. Все отлично. Снова доложил в штаб о произведенной, прицельной бомбардировке. А заодно и о кончившихся продуктах. Через час нам приказали сниматься. Идти в сторону высадки. Как прибудем на место, доложить. Вот суки, какая им разница откуда нас снимать. Ну пролетит вертолет на десять километров больше. В общем это не моего ума дело. Надо готовиться к переходу. На остатках спирта

кипятим воду, доливаем фляжки. И варим остатки риса, которого на завтра уже не хватит.

Я кажется от голода просто оступел. Думаю только о еде. Но вида не показываю что очень уж голодный. Мои бойцы хоть и почернели лицом, но вообще-то выглядят совсем не плохо. А с другой стороны хоть и голодовали, но зато и не работали. Отоспались на месяц вперед. Были бы продукты в наличии, можно бы тут сидеть и месяц, и два. Все лучше чем на нашей Богом забытой точке. Идем по той же схеме. С горы я замыкаю, стараюсь глянуть как можно дальше. И идем на удивление быстро. Дорога отложилась в памяти, так что почти не плутаем среди расщелин. И уже к пяти утра вышли на финишную прямую. А когда до наших осталось всего двести метров, вперед пошел я один. Своим приказал залечь. Вдруг часовые начнут стрелять с перепугу. Стараюсь передвигаться бесшумно, готовый мгновенно крикнуть свои. Но свои меня не видят, у них вообще не выставлено ни какого охранения. Подходи и всех режь —стреляй. Соорудили из ватников и рюкзаков удобную лежку и дрыхнут. Поднимаю без жалости пинками. Вскакивают, испуганно лупают глазами.

– Почему часового нет? – в ответ тупое молчанье. Да и что тут скажешь. Махнул своей группе. Они за мной в бинокль наблюдают. Через пять минут все на месте. Приказываю доложить обстановку. Назначенный старшим Макогон мямлит, что мол все в порядке, все тихо. Тут и без него по-

нятно что все у них тихо прошло. Слава Богу, повезло. А теперь самое главное. От чего у меня в животе что-то постоянно урчит, так как жрать хочется страшно.

– Сколько у вас продуктов осталось? Конкретно тушенки, галет и воды?

– Да ничего не осталось. Только крупа. Время то сколько прошло.

– Вам на четверых оставили продуктов больше в два раза, чем мы взяли с собой на семерых. И вы все сожрали. Прохлаждались одним словом. Отпуск себе устроили. Мы с заданий вернулись голодные. Где наша пайка? – молчат. Приказываю:

– Встать, смирно. – надо наказать немедленно, чтобы другим неповадно было. Служба то не завтра заканчивается. И это у нас не последний выход. Я избежал дедовщины. Надо мной не издевались старослужащие. Но я не знаю как поступить по другому. Понимаю, что слова здесь бесполезны. Снова обращаюсь к Макагону как к старшему:

– Так где наша еда? – молчит, глаза потупил. Парняга моего роста, и немного даже потяжелее будет. Вид совсем не замученный службой. Ну нет, сегодня вы у меня молчанием не отделаетесь. Ни какие оправдания не устроят. Армия сильна своим коллективизмом и взаимовыручкой. Бью коротко в дыхалку, и когда боец переламывается, еще залепил ему кулаком в ухо. Тот отлетел на два шага в сторону. Трое стоят по стойке смирно, весь их вид излучает страх.

Снова командую:

– Смирно! – хотя это лишнее. Стоят не шелохнуться. Резко, без замаха, одновременно двумя кулаками тыкаю в губы двоим, ближе ко мне стоявшим. У них мгновенно брызнула кровь, Закрыли лицо руками.

– Руки по швам, стоять смирно. – боятся, но руки опускают. Для них урок крутой. Ведь я рядом, а они по стойке смирно, ни уклонится, ни закрыться. Смотрю им прямо в глаза. Парни замерли от страха. Они не знают что будет дальше, а это еще больше пугает. Ну – ну, потряситесь еще минутку, чтобы до конца службы запомнили этот момент. Удивляет то, что меня так сильно боятся. Неужели я на зверя похож. Наверное это плохо.

Один боец получается не наказан, но у меня уже злости нет. Пусть живет. Да и интуиция подсказывает, хорош на сегодня свирепости. Хотя по большому счету я наверное не прав. Если наказывать, то всех. А так будут коситься на парня, считая его чуть ли не стукачком. Вот так и раскалывают единство. Поставлю его днем на шесть часов подряд в охранение. А ударить без злости все равно не смогу. И вообще еще год назад я не представлял, что смогу ударить человека. Не думал, что меня могут элементарно бояться. Все течет, все изменяется. И к сожалению не в лучшую сторону. Но это с какой стороны посмотреть. Хватит философии, пора службу править.

– Вольно. Осипов, в охранение на шесть часов без смены.

Остальные отдыхать. – радист настроил связь. Удивительно быстро отозвался штаб, словно ждал нашего вызова. Теперь и они в курсе, что вся группа в сборе, на месте, продуктов ноль. Ответ в общем то хороший, обнадеживающий. Мол держите рацию на прием, время вылета – прилета «вертушки» сообщим. Я не очень то этому доверяю. Так что собираю все оставшиеся продукты. А их до безобразия мало. Рис разделил на всех и раздал. Хотите жуйте, хотите нет. Все равно варить не на чем, спирта нет. Галет осталось по четыре штуки на бойца. Фляжки почти пустые. В наличии всего три литра воды. Посылать голодных людей на ее поиски крайне не разумно. С притупленной от жажды и голода бдительностью еще чего доброго на противника нарвутся. Вот тогда будут неприятности настоящие. Остатками еды голод притупшим и день спокойно продержимся.

Наступило утро, а с ним и жара. Когда прибудет борт неизвестно. Я лично думаю, что ближе к вечеру. Время тянется медленно, но спокойно. Дай Бог, чтобы и эвакуация прошла без проблем. После обеда еще раз вышел на связь. Они нас сюда закинули, пусть и не забывают, что бойцы элементарно голодные. В ответ ждите. Вот пидоры, а если бы душманы тут были по близости. Дождешься от них помощи, держи карман шире. Усвоил еще одно железное правило. Надо надеяться только на себя, а не на какое то далекое начальство, которое скорее всего можно с большой натяжкой назвать командирами. Там могут сидеть такие же как и у нас полупья-

ные офицеры, которым на свою жизнь наплевать, не говоря уже о солдатской. И вдруг с нами связался майор. На базе «вертушки» нет, он постоянно теребит штаб. Все в курсе, что у нас напряг с продовольствием. Еще бы это не знать. И по любому это не плохо. Дополнительный шанс на наше скорейшее возвращение.

К обеду все доели, все допили. Продуктов ни грамма. Но вскоре все наши волнения и мученья закончились. В шестнадцать двадцать услышали стрекот вертолета. Через полчаса были на борту. Пока летели, летчики угостили сигаретами. Напоили и дали две большие плитки шоколада из бортового пайка. Вертолет сел, высадил нас и тут же снова взлетел. Видно его где то ждали, и срочно. Ведь темнота подступала конкретная. С этим бортом отбыл в отпуск старший лейтенант.

Прибыли на базу, увидел всю неприглядность нашего серого бытия и подумал. При наличии продуктов не стоило так быстро сюда возвращаться, чтобы смотреть на пьяного майора. Еще одни практичный вывод. Надо использовать армейский бардак себе во благо. Как это будет происходить, буду думать и решать в каждом конкретном случае. Стал бы я теребить начальство, имея в запасе хоть какой мизер еды? Конечно нет. Сидели бы себе в этих скалах тихо. Служба идет, а каждый прошедший день приближает заветный дембель.

Нас встретили обычно, никто ничего не сказал. Правда выделили по ведру воды на помывку. И ужин устроили по-

плотнее. Банка тушенки на человека и гречневая каша от пуза. Чай тоже без ограничения, сладкий и крепкий. Глотаем его и все напиться ни как не можем. И наконец долгожданная солдатская койка, которая после ночевки на камнях кажется периной. Все хорошо закончилось. И дай Бог, чтобы все так и дальше продолжалось. С этим и заснул.

Уже на следующее утро мы бежали на пятнадцать километров в полной выкладке. Первый боевой выход показал, это нам просто необходимо. Майор не мешает, у него снова запас спирта и прапор с тушенкой. Иванцов убыл на родину. И скорее всего мы его больше не увидим. Ну и не большая потеря. Он то убыл, а на его место никто не прибыл. От этого больше страдает майор, у него нет компании. А пить постоянно с прапором ему видно запахло, не дошел он еще до такого состояния.

Пятнадцать дней прошли более – менее спокойно. А на шестнадцатый к вечеру появилась «вертушка», которая привезла продукты и нового заместителя командира роты по политчасти капитана Каракуяна. Почему именно по политчасти, никто не знал. Для которого назначение в нашу роту, можно сказать в глушь конкретную, была полной неожиданностью на грани шока. А вид пьяного майора и грязных солдат этот шок усилил на порядок. Он отслужил больше года при штабе в Кабуле, готовился вот – вот отбыть на родину. И на тебе, приказ срочно заменить офицера на время отпуска. Подменить то не проблема. Живым бы отсюда

выбраться. А родители все ноги сбили, все связи подняли вплоть до Москвы, чтобы его из Афганистана домой вытянуть. Но к сожалению пока все бесполезно. Ничего у них не получается. Армейская система очень уж неповоротлива и инертна в таких вопросах. Здорово армяшке не повезло. Ведь по плану скоро начнется разведка и поиск дальних целей. Боевая работа, которая по большому счету нужна только для отчетности. Мол все у нас вертится – крутится, воюем днем и ночью без передышки. Ну и под все это награды, новые звездочки на погоны и перспективные назначения. Он то лично знает как эти боевые выходы планируются, кем и для чего. Недаром столько времени в штабе просидел. Знает эту штабную кухню. А может и не всю, если попал в такое гнилое место.

Время тянется до жути медленно, один день похож на другой. Ни каких тебе новых впечатлений, не говоря уже развлечений. А может и хорошо, что все идет так однообразно и скучно. Ведь на войне веселье вещь очень уж специфическая. Такой праздник может случиться, что умоешься кровавыми слезами. Так что пусть все идет как и шло: скучно, но предсказуемо. Я разменял второй год. Середина мая на дворе. Мои солдатики подтянулись за это время. По крайней мере кросс на пятнадцать километров в полной выкладке для них не проблема. Конечно за малым исключением. Без таких исключений наверное ничего не бывает. Вот только со стрельбой по прежнему плохо, нет патро-

нов. Но этот вопрос обещал решить новый замполит. У него в штабе дивизии вроде бы как связи приличные. Он по прежнему не в своей тарелке в нашей крутой разведроты. Держится особняком, с майором не пьет. Как и службу править не пытается. Ко мне с замечаниями по крайней мере не лезет. Да и что лезть то, если невооруженным взглядом видно, что почти все бойцы в полной боевой форме.

Второго июня пришел приказ высадить три дальних поста наблюдения. В том квадрате должен пройти караван с оружием. У штабных всегда караван, и всегда с оружием. Наша задача подержать этот квадрат недельку под наблюдением. Держать так держать. И «вертушка унесла пятнадцать бойцов и одного офицера, капитана Каракуяна, в даль дальнюю. Первой высадили мою группу. Нас пятеро, мы на вершине горного хребта, под которым проходит тропа контрабандистов из Пакистана. Так нам объяснили. Остальные две группы высадились дальше на юг в километрах трех – пяти от нас. В общем все в пределах видимости. По крайней мере красную ракету в случае чего увидим, и свою запустим. Помочь то все равно никто никому по большому счету не поможет. Но хоть знать будем, если у кого проблема возникнет. Прямой связи нет, рация только в группе капитана. Я учел прошлые ошибки. По крайней мере с продуктами. Водой и сухим спиртом запаса основательно. Тем более тащить ничего на себе не надо. Вертолет нас привез – увез. И прапор с тушенкой уже не дергается, замполита побаива-

ется. Так же прихватили к ватным бушлатам еще и шинели. В общем устроились комфортно по местным меркам конечно. Четверо бойцов по очереди наблюдают, я в безделье. Ну не совсем конечно сачкую, занимаюсь продуктами, питанием. И чисто от скуки исследую окрестности нашего лагеря. Но через три дня наше безделье закончилось. К нам добрались два бойца из группы капитана. Приказ сниматься в распоряжение его группы. Приказ не обсуждается, и мы ранним утром снялись с насиженного места. Пройти пять километров не проблема. Вот только мы загружены под завязку. Одни ватники и шинели чего стоят. Так что поход продолжался почти три часа. И слава Богу что счастливо закончился. Не знали, что наблюдаем за невидимой тропой не мы одни. Добрались, расположились, заняли круговую оборону. Лагерь замполит оборудовал по всем правилам военного дела. Ощетинились стволами на все четыре стороны. Задание на пять дней. Но капитан сказал, что уже продлили на столько же. Все как обычно. Все как всегда. Значит раньше нас никто отсюда не вывезет. Снова приходится экономить продукты.

Прошло еще трое суток в спокойном, можно сказать ленивом ритме. Капитан переживает. Он видел в бинокль вооруженных людей. Потому и усилился нашей группой. Задача стоит простая, вернуться живыми и здоровыми. А все остальное потом. Я с ним согласен полностью. Его тревожность немного передалась и мне. Надо бы и третью группу

сюда подтянуть, но капитан не хочет рисковать людьми. Ведь надо снова двоих на связь посылать. Третьей группой командует Филипок, как самый способный из солдат. Он и проявил свои способности. Тщательно замаскировался. Его бойцы ничем не выдали своего присутствия. Их афганцы не обнаружили. Вот что значит относиться серьезно к службе. Я наблюдениями не занимаюсь. В моем ведении продукты и проверка постов. Еще одна моя ошибка. Серьезное дело нельзя никому доверять, если тебе нужен положительный результат. Надо бы почаще брать в руки бинокль, может скорее бы обнаружил опасность. Ведь говорил капитан, что видел душманов. Вот мы и прохлаждались не зная, что сами стали объектами наблюдения. Если бы не капитан с его предусмотрительностью, то нашим двум группам пришел бы капек полный. Как позже выяснится, нас засекли на третий день после высадки. Разведка правильно донесла, что здесь пройдет караван. Потому и афганцы выслали в этот район свою боевую группу из двенадцати человек. Они прикрыли опасный участок. А заодно и обнаружили шурави. Но напасть не успели, наши две группы соединились. А вскоре противник получил приказ уйти из этого района. Караван пошел другим путем. Но как вернуться с пустыми руками. Об этом не могло быть и речи. Но что предпринять конкретно, командир афганцев еще не решил. Он уже совершил ошибку. Позволив этим неверным соединиться. Одиннадцать солдат, это уже не пять. Задача усложнилась. Можно

конечно подобраться ближе и прицельно обстрелять, но это в крайнем случае. Толку от этого мало, один шум. А надо сделать не только шум, но и прибыль в карман. А прибыль – это только одно: пленный. И желательно офицер. Значит засада. Там где тропа огибает скалу идеальное место для нападения. Раз в день шурави спускаются по этой тропе за водой. Они считают ее совершенно безопасной. Ведь ручей всего в ста метрах от их лагеря. И сама тропа почти полностью просматривается. Ходят всегда по трое. Офицер обязательно. Он главная добыча. Да и три автомата тоже хорошие деньги. И вот уже с ночи трое за скалой в засаде. Неверные и не подозревают как близко от них смерть. Афганцы не высовываются, ждут сигнала по рации от наблюдателя. Который не спускает глаз, усиленных мощной оптикой, с лагеря русских. В этот раз они за водой не спускались. Всегда ходили, а сегодня нет. Плохая примета, но не отступать же. В следующую ночь в засаду ушли другие. Приказ тот же. Офицера живым, остальных в расход. Все будет отлично. В этом командир афганцев не сомневается. Его воины прошли специальную подготовку в лагерях Пакистана, не первый год воюют. За них он спокоен, главное дожидаться добычу.

Этот день начался как обычно. Сменили ночных наблюдателей, перекусили и через час пошли за водой. Обстановка спокойная, никто ничего подозрительного не заметил. Идет как обычно капитан с двумя бойцами. Почему я пошел вместо рядового Калюжного, я не знаю. Вроде как засиделся,

прогуляться захотелось. Да и возле небольшого ручейка, вытекающего из глубокой расщелины, можно тщательно помыться, не жалея воды. Я не стал брать автомат, ведь нести придется в гору десятилитровый пакет из плотного полиэтилена. Капитан покосился за это, но ничего не сказал. Еще одна моя ошибка. Оружие в горах должно быть всегда побоевому, на взводе, направлено в сторону возможного противника. Сколько я их наделал за свою службу, не сосчитать. Сунул в карман брюк ПМ, в другой запасную обойму. В горах с пистолетом, это все равно что без оружия. Да еще с такой пукалкой, как «Макаров». Хорошо что еще догадался патрон в ствол загнать. На войне каждое мгновение на вес золота. Тронулись. Я впереди, за мной капитан, замыкает солдат. Солнышко только поднимается, еще довольно свежо. Воздух чистый, дышится легко. Ничего не предвещает беду. А она нас поджидает за первым поворотом, за нависшей над тропинкой скалой. Наш шанс оказался в том, что афганцы решили действовать в тихую, ножами. Огибаю скалу, делаю из-за нее шаг. В шаге от меня бородатый афганец. Спасает меня то, что он держит кинжал в левой руке. Я автоматически отклонился вправо, вжался в скалу и одновременно двумя руками, резко и сильно, оттолкнул нападающего. На секунду афганец провалился, вернее прокрутился на внешнюю сторону. Моя левая рука захватила его одежду и еще на секунду не дала ему развернуть ко мне лицом. Дело одной секунды выдернуть из кармана пистолет, одно-

временно взводя курок большим пальцем. И тут же от пояса всаживаю в противника три пули. Он валится на меня. Прикрываюсь им, как щитом, валюсь на тропинку, одновременно разворачиваясь назад. И вовремя. Стреляю из под руки убитого в другого бородача, который в трех метрах от меня водит стволом автомата, не знает куда стрелять. Не решился выпустить очередь в меня через единовеца. И в итоге получил две пули в живот. Нельзя в бою долго раздумывать. Есть возможность стрелять, так стреляй. Потом разберешься что к чему. Главное самому живым остаться. Оттолкнул мертвеца в сторону, вскочил на ноги. Где капитан? Выдернул из кармана запасную обойму. Не помню сколько пуль уже выпустил. Но время перезаряжать пистолет нет. Капитан ниже тропинки метров на пять, в обнимку с афганцем. Слышу его хрип. Душман сдавливает ему горло веревкой. Это я увидел разом, прыгая к ним вниз. Афганец ко мне спиной, не видит меня. Пытается дожать офицера. Две последние пули впиваются ему в спину. Мгновенно перезаряжаю пистолет, поворачиваюсь назад. Но на тропинке больше никого нет. Трое бойцов несутся к нам из лагеря. Молодцы, быстро среагировали. По ним бьет длинная пулеметная очередь. Но парни уже рядом, за скалой. Капитан выбирается из-под убитого, надрывно кашляет. Я его оттягиваю за рукав на тропу, подальше от прицельного огня пулеметчика. Вид у него взъерошенный, панама потеряна. Постоянно утирает потный лоб рукавом гимнастерки. Досталось ему конкрет-

но, если снова прилег на камни. Все ни как не может отдышаться. И что меня сильно в этот момент поразило, так это тоскливый взгляд его больших черных глаз. Васек Кривенко, пацан из Забайкалья, почти земляк, лежит прямо на тропе, свернувшись калачиком. С ним все понятно. Из-под прижатых к животу ладоней вытекла целая лужа крови. В двух метрах от него, подогнув под себя левую ногу, с открытыми в небо глазами, лежит его убийца. Вот она как судьба распорядилась. Вроде дело сделал, ткнул противника в живот кинжалом, а всего через пять секунд отправился на небо вслед за ним. А засаду грамотно устроили. Двое прыгнули со скалы на капитана и бойца. Одного в плен, другого на небо. Втроем на скале не уместились. Вот третий и встретил меня лицом к лицу. Мое счастье, что он левшой оказался. И понадеялся на свое умение работать ножом. Реши стрелять, у меня шанса выжить не было бы. А так спасибо майору Кречету, его боевой науке, которая спасла конкретно. Хорош сопли размазывать, еще ничего не кончилось. Может все только начинается. Кто знает сколько этих душманов вокруг. И неизвестно кто за кем на небо улетит. Надо думать как выбираться отсюда. Хотя по звуку выстрелов понятно, стреляли изда- лека, метров с трехсот. С такого расстояния сложно попасть по движущейся цели. С другой стороны в гору сильно не разбежишься. Но по любому возвращаться надо, не сидеть же здесь до темноты. Обыскал убитых афганцев. Почти семь- сот долларов с троих снял. Но это приблизительно. Не счи-

тать же на виду у офицера. Хотя ему не до кого нет дела. Нашел и отдал капитану его автомат, во время схватки отлетевший в сторону. Тот схватил оружие, проверил и держит так, будто это маршальский жезл. Шиза конкретная посетила замполита. Да и я теперь без «Калаша» шага не ступлю. А ведь именно этому учил нас майор Кречет. Еще из трофеев лично мне достался острый, как бритва нож – кинжал с резиновой черной ручкой. С вделанным в нее компасом. Настоящее оружие диверсанта, которое пропороло мне гимнастерку на левом боку, прорезало левый рукав и оставило небольшую царапину у локтя. Порез пустяк, ведь клинок летел то мне прямо в живот. И благодаря своему первому командиру в далеком Забайкалье, я ускользнул от верной смерти. Не зря сотни раз повторял этот нехитрый прием рукопашного боя. Шаг в сторону от траектории то ли пули, то ли ножа. Поворот корпуса, двумя руками отбиваешь руку нападавшего от себя. И если удалось захватить противника за одежду, то резкий рывок в сторону его инерции. Простое всегда гениально. Так что теперь этот прием будем повторять каждый день, и не один десяток раз. Обидно, что к такому выводу пришел, пока сам на нож не напоролся.

По одиночке, скоростными рывками вернулись в лагерь. Васька положили за скалу в тень, накрыли лицо панамой. Заберем, когда стемнеет. Надо бы и третью группу к нам подтянуть, но она уже этого сделать не сможет, кругом противник. Капитан все еще в шоке, молчит. И я, пользуясь его сту-

пором, связываюсь со штабом. Доложил о случившемся бое. Об одном убитом с нашей стороны, и трех со стороны противника. Через два часа нам ответили. Приказали уточнить детали боевого столкновения. Теперь уже с ними говорил замполит. Он сразу попросил огня по скоплению душманов. Мы мол полностью окружены. И нас спасет только бомбовый удар авиации. И еще настоятельно просил эвакуировать.

Огневой поддержки мы так и не дождались. Видно авиация к этому была не готова. А может мы не стоили ни одного боевого самолета – вылета. По темноте я и еще трое бойцов вынесли погибшего солдата. На ночь усилили наблюдение. Пятеро отдыхают, пятеро вслушиваются в ночную тишину. И так всю ночь, два часа через два. Штаб обещал подослать «вертушку» по светлу. И время как всегда не уточнили. Опять это растяжимое в течении дня. Каждый час Каракуян дергает дальний пост, не дает им расслабиться. А как тут расслабишься, если в твою сторону вылетает сигнальная ракета зеленого огня. Сигнал непонятный, не обговоренный заранее. Думаем Филипок догадался что к чему. Выстрелы то слышал. В горах далеко эхо их разносит. Вот армейский дебилизм. Высадили три группы, а связи фактически нет. На базе все рации сдохли, и не поддаются ремонту нашим местным умельцам. То, что нас завтра отсюда вывезут, поднимает боевой дух. А наступающая темнота, и эти громады гор, давят и заполняют душу беспокойством вперемешку со страхом. Не спят даже те, кому можно и вздремнуть. Я

сам, как взгляну на завернутого в плащ-палатку убитого бойца, начинаю элементарно мандражить. Скорее бы рассвет, днем как то поспокойней. Вот тогда можно будет немного вздремнуть. А пока вслушиваюсь в тишину, пытаюсь выловить в ней враждебные для тебя звуки. И готов мгновенно открыть огонь по любой тени. Понимаю что это все шиза элементарная. Ведь мы заняли оборону не в самом плохом месте. Укрылись за камнями и перед нами хорошо простреливаемое пространство. На каждый ствол по сто пятьдесят патронов, не считая гранат. Если стрелять прицельно и одиночными, то надолго хватит. И ни какой дурак не полезет нас отсюда выкуривать. Себе будет дороже. А вот все равно тревога и страх не покидают. Скорее всего это обычное состояние войны.

Наконец ночь прошла. Когда светло, оно как то веселее. Я еще не знаю, что через каких то четыре месяца, темнота станет моим лучшим другом и напарником. А пока перекусили и стали готовиться к долгосрочной обороне. Это инициатива капитана. Видно не верит, что сегодня нас эвакуируют. Каждый оборудует для себя хорошо защищенное место, с широким сектором обстрела при стрельбе лежа. Каракуян проверяет это лично. Только с этим закончили, как в небе затрещала «вертушка». Через пару минут зависла над нами, и еще через минуту коснулась колесами скалы. Люк распахнулся. Борт – механик машет, скорее на посадку. Нас уговаривать не надо. Через пять минут мы в брюхе вертолета. Взвыл дви-

гатель и машина резко ушла в сторону нашей второй группы. Они видят вертолет и готовятся к посадке. Группа Филипка снята, мы рады, что наш боевой выход почти закончен. Тогда еще у афганцев не было, «Стрингеров», и мы садились в вертолет почти без страха.

Нас высадили на базе, а вертолет ушел в Кандагар, в штаб. Капитан Каракуян остался на борту, как и убитый Васек Кривенко. На прощанье он пожал мне руку:

– Ты мне жизнь спас. С меня наше лучшее вино и коньяк. – вертолет улетел. И я не представляю, когда замполит угостит меня лучшим армянским вином и коньяком. Ведь по всей видимости он сюда больше не вернется. И я подумал, что хорошие слова про коньяк только красивые слова. Надо было что-то говорить, вот и сказал. Пройдет четыре года, и я вспомню об этой истории. Расскажу ее на телевидении всему городу. Нас, тех кто воевал в Афгане, соберут и покажут на двадцать третье февраля. И уже на следующий день мне передадут два литра коньяка «Арарат» пятнадцатилетней выдержки земляки замполита. Передадут без всяких объяснений. И скорее всего он здесь не при чем. Это просто добрый жест сибирских армян, не желающих чтобы об их земляке плохо вспоминали. Но это будет еще так не скоро. А пока снова тянутся серые армейские будни.

15 октября 1983 года. Заметно похолодало, и наша служба стала еще тяжелее. Вода есть, но нет бани. А без горячей воды какое мытье. Немного спасает спирт, которым делится

майор. И которым два раза в сутки мы протираемся почти на сто процентов. Многие бы желали заглотив дозу, но я лично контролирую каждый лоскут простыни, смоченный спиртом и конкретно отжатый. Так что ни о каком празднике души не может быть и речи. Майор ждет смену, а потому он сам по себе. К нам фактически не лезет. И это очень весомый плюс. Я пересчитал патроны, оставил НЗ, и теперь через каждые два дня стрельбы. Все солдаты без исключения прицельно, одиночными, выпускают по валунам по десять патронов. И все в общем то стараются. Кажется я им вдолбил, и они наконец поняли, что меткая стрельба – это шанс выжить в этой дурной войне. Куда нас доставили, не спрашивая согласия. Да и вообще, чем мы лучше освоим военное ремесло, тем будет больше шансов вернуться домой живыми и здоровыми. Но это по теории. Жизнь на войне отдельная тема, которая ни какой логике и теории не придерживается.

Седьмого ноября, в праздник, наша «вертушка» сделала за день четыре рейса. Завезла новое зимнее обмундирование, теплые одеяла и продукты. Пятым, последним рейсом прибыли новый командир старший лейтенант Тарасов и замполит лейтенант Фролов. Майор отбыл на следующий день, и как всегда пьяный. Первый раз я его видел улыбающимся. Наше подразделение видно особой важности не имеет, если прибыли командиры в таких низких званиях. А вполне возможно, что и послать сюда некого. В «горячие точки» и места подобно нашему, попадают в основном крестьянские де-

ти, хоть и в офицерских погонах. Блатных и в армии хватает. У кого есть мало-мальские связи, находят места потеплее. Как капитан Каракуян, который свалил мгновенно, едва обжегшись войной.

С приходом новых офицеров, наша жизнь и служба изменились как в лучшую сторону, так и в плохую. Баня стала задачей номер один. Раз в неделю обязательно. Больше ни как, топлива в горах не найти. Новые командиры трезвенники, и потому службу правят как положено. Теперь стрельбы через день, по полной схеме. Так же улучшилось питание. Прапор не пьет и тушенку на закуску не растаскивает. А вот негатив высветился в лице замполита Фролова. И все от его неумной энергии, от которой солдаты получают дополнительную тяжелую работу. Оба офицера выпускники одного училища, одного курса. А вот один командир, а другой подчиненный. И звания разные. Младший по званию и должности считает, что это несправедливым. И старается это всеми силами доказать. А как доказывает офицер, имеющий в своем распоряжении солдат? Только правильной и нещадной службой. Через две недели после вступления лейтенанта в должность, солдаты взвыли. А тот кажется элементарно не понимает, что здесь не просто служба, а война. И не каждому суждено вернуться домой. Так зачем лишний раз напрягать солдат пустяками к войне отношения не имеющими. Замполит с какой-то почти детской радостью гоняет солдат строевой по четыре часа. Достал белыми подворотничками,

использовав на это новые простыни. Потом затеял учения по скалолазанию, сам толком этого дела не зная. Тут я не выдержал. Надо тормозить товарища, пока он дров не наломал конкретных. И когда тот уже было собрался потащить семнадцать солдат штурмовать отвесные скалы, я поинтересовался у замполита:

– А если вы людей угробите с этими вашими учениями? – тот встал напротив меня, такой жизнерадостный крепыш, пышущий здоровьем. Подражая кому то, заложил большие пальцы за ремень, и как ему показалось, смерил меня презрительным и суровым взглядом одновременно.

– А почему это я людей угроблю, товарищ сержант?

– Вы хотите научить людей тому, чем сами не владеете.

– Откуда ты знаешь сержант, чем я владею, а чем нет? У нас в училище курс горно-альпинистской подготовки был. – разозлился и сразу перешел на ты.

– Вы наверное его пропустили, в нарядах стояли. В противном случае знали бы, что без специального снаряжения в горы лучше не соваться. А все прочее ведет к неоправданному риску. Тут и так война. И уже потери есть. – кстати, мы так и будем ходить в горы без элементарной страховки. Не говоря уже о каких то альпенштоках и специальных ботинках с шипами.

– Я смотрю сержант, ты очень умный. Словечки интеллигентные вворачиваешь: неоправданный риск, в противном случае. Командира учишь что и как.

– Я вас не учу. Устав напоминаю. А там сказано. Нельзя рисковать жизнью подчиненных без веских на то оснований. – я это ляпнул от фонаря, потому как устав не учил. Читал только, и то мельком. И толком ничего из него не помню. Наверное это очень нужный документ. Если в учебке на плацу первый стенд сообщал воинам, что живя по уставу зарабатываешь честь и славу. Но и летеха в нем тоже не очень силен, так как затруднился с ответом. А я не сдержавшись, еще ляпнул:

– А вы для меня не командир. Просто лейтенант, начальник, да еще замполит. Не все офицеры командирами становятся. – тот покраснев, уже не обращает на меня внимания. Я для него пустое место. Он командует солдатам строиться, твердо решив осуществить свою бредовую идею. Я конечно понимаю, мы в горах, и нам идти туда придется по любому. Но лезть на голые скалы, когда в этом нет необходимости, без элементарной веревки для страховки, идиотизм полный. Надо идти к старлею. Хотя зачем идти, если вот он сам. Этот парень вроде бы попроще, вернее поумнее. Проверю на сколько.

– Товарищ старший лейтенант, помогите замполита остановить. Он солдат в горы ведет. Решил горы штурмовать без специального снаряжения.

– Говоришь лейтенанта в горы потянуло.

– Так точно. Вон ту голую скалу решил штурмом взять.

– Силен Фролов, прямо орел. – и тут же окликнул зама: –

Замполит, давай сюда. – и когда тот подошел, небрежно козырнув, спросил:

– Доложи куда собрался? Чему солдат решил обучить?

– Решил провести небольшое альпинистское учение. Думаю в будущем пригодится.

– А ты в этом что ни будь понимаешь, товарищ лейтенант? Мне доподлинно известно, что ты горы увидел только два месяца назад.

– Какая разница, осваивать то надо.

– Так вот, когда лично все это освоишь, тогда и людей учить будешь. Все понятно?

– Так точно.

– Ну и лады. Займись ревизией боеприпасов, да и заявку в штаб составь. Действуй. А у тебя сержант, что по плану?

– Как обычно марш – бросок на десять километров в полной выкладке. А после обеда стрельба на сто метров.

– Отлично, давай командуй. – и день покатился в своем обычном распорядке. Правда жизнь моя наверное теперь усложнится. Нажил себе врага. Афганцев мне мало.

Через два дня к нам прибыла проверка из штаба армии в лице капитана – особиста и майора из политотдела. Мне привезли погоны старшего сержанта и известие, что я и капитан Каракуян представлены к правительственным наградам. Только вот к каким, и когда это случится, они не знают. Интересно, а почему ни разу проверки не было, когда нами командовал пьяный майор со старлеем. Удивительно,

когда все в порядке и на уровне, вот тогда и лезут всякие проверяющие. Особист расспрашивал солдат о житье – бытѣ, о службе. И все что-то чиркал в маленький блокнотик. Майор больше интересовался бытом. И то же все что-то писал. Потом прочитал длинную лекцию о международном положении, которую мы вяло прослушали, не вникая. И наконец проводили проверяющих к вертолету. Им надо до темна в штаб вернуться. А я в легком возбуждении. Скоро награду получу, вот это да. Может орден Красной Звезды? Ведь я как ни как спас офицера. Молодец капитан, расстарался, рассказывая в штабе о нашем подвиге. И звание, и награда – это очень хорошо. Меньше цепляться будут разные, вроде нашего лейтенанта. Хотя по большому счету с высоты войны и года службы за спиной, мне плевать на мелкий командный состав Советской Армии. А на смерть пошлют не задумываясь, имея на тебя зуб или не имея. Суждено судьбе меня сберечь, сбережет. И ни какие лейтенанты – замполиты этому помехой не станут.

Двадцать седьмого декабря пришел приказ. Высадить группу из семи человек где то километров за триста от базы. Спецназовцы попали в переплет, с ними нет связи. С вертолета поиск вести невозможно, плохая видимость. Тучи закрыли весь район. Нашим задача проверить определенный квадрат. Постараться найти разведчиков. Старшим летит лейтенант Фролов. Я остался на базе. О моем участии речь вообще не шла. Вертолет улетел, и три дня на базе была

тишь и благодать. Мы занимались только физической подготовкой. То есть весь день таскали воду. Теперь приходится делать по три ходки, людей не хватает. Когда все в сборе, то большой проблемы нет. Обычно марш-бросок заканчивался у родничка, где мы наливали двадцать пять канистр и не спеша возвращались в часть. Хотя как можно спешить по узкой, горной тропинке с двадцати литровой канистрой на горбу. Тут не разбежишься. Да и расстояние два с лишним километра в гору, при не насыщенном кислородом воздухе, занятие не для слабаков. Командир видно хочет устроить помывку капитальную ребятам, когда они вернутся. Назвать это баней язык не поворачивается. Задание у них простое на семь, от силы десять дней. Не спеша проверить квадрат. Столкновения с противником стараться избегать. То что они вернутся благополучно, никто не сомневается. Но вот на пятый день с группой пропала связь. Не можем докричаться ни мы, ни штаб. На следующий день прилетела вертушка с тем же экипажем, который вывозил разведчиков. Командир уточнил с вертолетчиками маршрут полета и примерную точку, где группа могла находиться. Вертолет улетел и все затаились в ожидании, стараясь не думать о плохом. Все верят, что вертолетчики привезут ребят. Но надеждам не суждено сбыться. Вертолет вернулся пустой. Экипаж ни кого не нашел, хотя и видимость была, и квадрат большой осмотрели. Осталось конечно несколько белых пятен, но к ним с воздуха не подобраться: облака мешают. Только

с земли можно все обследовать. Командир сел за рацию, мы помогли заправить «вертушку». Через час пришел приказ. С утра отправить группу из десяти человек в район поиска. Я иду старшим, то есть одиннадцатым. Прямо сейчас получаем боекомплект, продукты и спальники. Чуть выше в горах уже настоящая зима. К одной СВД взяли еще ручной пулемет. Вертолет нас будет ждать, так что для охраны машины мощное оружие совсем не помешает. Тем более что все это не надо тащить на себе.

Вылетели едва начало сереть на востоке. И уже через час сорок были на месте. Вертолетчики нашли площадку и притерли машину к самой скале. Теперь наша очередь действовать. Быстро высадились. Выставили посты. Группой в семь человек уходим на поиск. Оставшимся приказ: наблюдать, держать связь, и главное слушать. Стрельба с нашей стороны, сигнал тревоги. Садитесь в вертолет и летите на помощь. Старшим среди своих оставил Литвинцева. Парень спокойный и рассудительный. Был со мной в боевом выходе. Вертолетчики снабдили нас трубкой – рацией, которая спокойно достает на тридцать километров, конечно по прямой и на ровном месте.

Вышли на гребень хребта. Прошли по нему около семи километров пока не уперлись в расщелину забитую снегом. Спускаемся вдоль нее. Через час перебрались на другую сторону. Петляем вдоль склона еще километров пять. Спускаемся все ниже и ниже. И наконец за одним уступом скалы,

хорошо прикрывающим от северного ветра, нашли стоянку группы. Банки из-под тушенки, след от костра, то есть от сухого спирта. Гильз стреляных в округе нет, значит ребята сидели здесь тихо. Вниз от этого места идти некуда, все обрывается в пропасть. Пока бойцы перекуривали, я внимательно осматривал в бинокль местность. Было бы фантастической удачей засечь их в оптику. Но чудеса бывают только в сказках. И мы снова снялись в тяжелую дорогу. Путь вверх, выверяя каждый шаг. Хорошо что снега почти нет. С открытых мест его просто сдувает. Да и мы еще не так высоко в горах, можно сказать в предгорье. Я иду первым, дистанция двадцать метров. Если нарвусь на засаду, то возможно идущий следом боец успеет среагировать. Хотя вряд ли. Двадцать метров не расстояние. Да и какая может быть засада, когда холодно, ветрено, и кругом голые камни. Только идиотам в такую погоду дома в тепле не сидится. Часовой перекур. Вертолетчикам доложили, что нашли место привала наших. Продолжаем поиск, уходим дальше на юго-запад. По карте наш склон скоро упрется в другой. Там где то ущелье, а за ним каменное плато километров на двадцать. Надо идти в ту сторону. Там нас вертолет сможет забрать. Я просто не представляю свой путь назад. Сил элементарно не хватит. Снова идем вниз. Руки на автомате, весь в напряге. Глаза шарят по любым подозрительным мелочам. Готов открыть стрельбу мгновенно. А смотреть то надо больше под ноги. А то уже два раза заваливался, правда ударился не очень

больно. Идем уже больше пяти часов. В горах такими темпами можно искать людей месяц и не найти. Следов больше ни каких нет. Ночевать нам придется в горах однозначно. А пока есть время до темноты, надо его использовать с максимальной пользой. По логике мы идем след в след за нашими. Им больше некуда свернуть – повернуть. До ущелья по карте пятнадцать километров. Мы идем к нему. И эти километры заодно проверим. Может в какой расщелине наши отсиживаются. О плохом думать не хочется. Снова поднимаемся вверх. Ведь кто сверху, у того и преимущество. Не надо сбрасывать со счетов возможную встречу с противником. Скалистый склон издалика кажется непроходимым. А вблизи ничего, продвигаться можно. И до глубоких сумерек прошли почти семь километров. Нашли закрытое от ветра место и устроились на ночлег. Сообщили вертолетчикам место ночевки и точку откуда они нас должны забрать. Двое часовых два через два. Приказываю смотреть в бинокль на триста шестьдесят градусов. Может где то что-то сверкнет. Огонек сигареты виден очень далеко, не говоря уже о горящей спичке.

Ночь прошла спокойно. По светлу снова впряглись в работу. С двумя перекурами, только к трем часам дня добрались до этого самого ущелья. Которое представляет собой в общем то довольно широкий проход между двух горных хребтов. В бинокль хорошо видно каменное плато за этим ущельем. Кругом тишина, в бинокль, в двенадцатикратное

приближение никого не видно. И я решаюсь на рискованный шаг. Все равно, как говорится, терять нечего. Делаю из СВД пять выстрелов через десять секунд. Через двадцать минут все это повторяю. Грохот стоит сильный. Эхо разносит звук выстрелов далеко в горы. Двоим бойцам приказываю выйти из укрытия. Может в бинокль их увидят. Автоматная очередь прострекотала далеко за нами. Откуда мы пришли. Еще через минуту я видел в бинокль наших. До них километра три. Они почти на самом хребте. Вот так номер, мы прошли совсем рядом и их не заметили. Хотя это их вина. Мы то шли, а они можно сказать в секрете находились. Был бы пост выставлен, они бы нас давно засекали.

Через два часа состыковались. Все живы – здоровы, только лейтенант со сломанной ногой. Может и не сломал, а только подвернул. Но это уже не главное, он на нее наступить не может. Склон крутой, за него постоянно цепляются тучи. Вертолетчики просят спуститься как можно ниже. А это снова ходьбы часа на два. Пока соорудили из палатки носилки, стемнело. Еще одна ночь в горах. Теперь заняли круговую оборону, на посту трое. Ведь мы засветились своей стрельбой. Холод собачий. Из плащ-палаток соорудили наподобие пещеры. Хорошо выручают ватные спальники. В общем терпимо, но все равно сильно не разоспишься. Холод как будто проник во все тело. И кажется, что уже никогда не согреешься.

Когда окончательно рассвело, продолжили тяжелое

и опасное движение. Надо для гарантии, до полной видимости спуститься вниз на четыре километра. Дело не простое спускаться с грузом в восемьдесят килограмм. И идти надо, рисковать вертолетом нельзя. Конечно, при нужде вертолетчики снимут нас и с крутого склона, и при плохой видимости. А вдруг что непредвиденное? И тогда кто нас отсюда вывезет? Вот тогда будет проблема. Фактически сползаем по чуть – чуть, проклиная все на свете. И радуемся, что не приходится далеко обходить глубокие расщелины. Кстати, рацию угробил сам радист. Поскользнулся на спуске, упал со всего маху спиной, на которой была рация. Спине ничего, а вот прибор заткнулся. Попробовал отремонтировать. Развинтить – разобрать с успехом получилось. И на этом его знания радиоэлектроники видимо закончились. Так как рация уже замолчала навечно. Потом лейтенант провалился в расщелину и сломал ногу. Дальше продолжать движение они уже не могли. Осталось только выбрать подходящее место для лагеря и ждать помощи. Пока ждали, продукты подъели. Так сказать от скуки ожидания. Наблюдение толком не вели. Они нас не заметили днем с расстояния всего в километр. А если бы не мы со стрельбой? Так бы и разошлись в разные стороны. Короче, они сделали все так, как нельзя делать. И вид у них сейчас против нашего довольно затрапезный.

К одиннадцати дня наконец оторвались от нависших облаков, а еще через час нашли подходящую площадку. Свя-

зались с вертолетчиками. Все живы—здоровы, ждем эвакуации. «Вертушка» появилась через час. Борт – механик передал мне устный приказ. Взять шесть человек на свое усмотрение и продолжить операцию. Детали прояснят через два часа при очередном сеансе связи. Размышлять некогда. Заберу четверых, которые в вертолете прохлаждались. И еще двоих из своей группы: радистов Костю Малыгина и Сашу Костенко. Они вроде как посвежее остальных выглядят. Вертолетчики перебросили нас через ущелье и каменное плато. На краю которого и высадили. Выгрузили мешки с продуктами. И через пять минут боевая машина уже стрекотала далеко от нас.

Приказ гласит. Пройти дальше на юг до главной местной дороги. А это около двадцати километров по предгорью. На месте закрепить – замаскироваться и наблюдать. Продуктами и боезапасом обеспечены, так что выполнять немедленно. Суровость приказа показывает его серьезность. Мы обязаны его выполнить без вариантов. Так видно предполагает командование, чеканя слова суровым голосом. Распределяем груз между собой и начинаем движение. Самое неприятное, мы загружены сейчас по полной. На каждом почти по двенадцать килограмм полезного снаряжения, без которого в дальней разведке никуда. До темноты, по довольно приличной тропе, всего с одним перекурком, прошли больше половины пути. Отошли от нее на двести метров в сторону и заночевали. Посты два через два по двое. Сам сплю

в полглаза, проверяю бойцов постоянно. Если здесь вполне приличная тропа, то и противник возможно рядом.

Такая предусмотрительность ночью, и лень сойти с тропы днем. Все это могло для нас закончиться очень плачевно. К вечеру следующего дня мы столкнулись нос к носу с группой вооруженных афганцев, которых было больше десятка. Мы не могли не столкнуться. Ведь если мы на тропе, почему бы и другим по ней не идти. Вот она лень – матушка. Вот он мой очередной прокол, как командира. Счастье, что мы вышли друг на друга неожиданно. А расстояние между нами всего в шестьдесят метров. Благо, что они не ожидали от шурави такой наглости на исконно своей территории. Шли расслабленно и не выслали вперед боевое охранение. Не мы, не они не сделали ни одного выстрела. Залегли и осмотрелись. Решение принял мгновенно. Задание провалено однозначно. Так что отходим туда, откуда пришли. До темноты надо оторваться от противника. Перебежками, не стреляя, проскочили первые четыреста метров. Может все обойдется без стрельбы. Вдруг у противника совсем другие планы и задачи. А мы просто досадная помеха на их пути. Но это один к ста. По любому, если нас обнаружили у себя в глубоком тылу, то жизни спокойной не жди. Так оно и получилось. Афганцы рванули на сближение короткими перебежками. Ну что же, не мы первые начали. Даем бой. Вернись время на пять часов назад, так я бы только ночью передвигался по чужой стране. Нафиг мне эти огневые контакты.

Четверо бойцов отходят на сто метров. Мы их втроем прикрываем. Стреляем одиночными и только прицельно. Позиция неплохая. Комфортная стрельба из положения лежа. Первые пули ушли в сторону противника, когда до него было чуть меньше ста метров. Наша задача простая. Вывести из строя, как можно больше солдат противника. И отбить охоту нас преследовать. А чтобы это получилось, не надо суетиться. Удивительно, но когда увидел реального противника, когда начался бой, я успокоился. Удобно расположив автомат, поймал в прицел душмана и жду. Вот он остановился, машет своим, мол подтягивайтесь. Плавно жму курок. Все получилось, мужик завалился на бок. Остальные залегли. Огрызнувшись в нашу сторону короткими очередями. Понимают, что попали под снайперский огонь. Теперь они в полный рост не вскакивают, передвигаются низко склонившись к камням. Хлопнули три выстрела с нашей стороны, и еще один афганец замер. До ближайших всего метров семьдесят, но это расстояние фактически открытое, и нас не обойти. Наша четверка заняла позицию намного выше. Пока молчим, готовимся рвануть назад. Афганцы лениво постреливают тоже одиночными. Через несколько лет выйдет много фильмов про эту войну. И я буду смеяться, видя как бородачи в белых одеждах бегут в полный рост прямо на плотный автоматный огонь. И гибнут при этом десятками. На настоящей войне так не бывает. И им, и нам совсем не хочется умирать на этих голых и холодных скалах. Потому то мы

и осторожничаем, стараемся как можно плотнее прижаться к ледяным камням, не подставляясь под пули. Сзади раздался выстрел. Это нам сигнал, можно отходить. И сразу афганцы зашевелились. Не думаю что они рванут напрямую. Хотя чем черт не шутит. Это расстояние можно преодолеть всего за пять секунд. Приказываю бойцам сменить магазины, поставить оружие на автоматический бой и приготовить по гранате. А пока веду прицельный огонь. После каждого выстрела меняю позицию. С этим напряга нет, кругом камни – валуны. Вижу как из-за выступа скалы бородач бьет по нам короткими очередями. Пули ложатся чуть в стороне, явный недолет. Поймал его в прицел. Я его не достану, пока торчит только один ствол. Терпеливо жду. Стрельба почти стихла. С их стороны ведут огонь только два человека. Мы молчим. Афганец увлекся, перезаряжает автомат. Теперь вижу его голову и правое плечо. Замер на секунду, затаил дыхание и нежно нажал курок. Голова за скалой исчезла. Пора уходить. Делаю рывок на сто метров. Парни меня прикрывают. Зачастили выстрелами. На прямой я как на ладони. С той стороны бьют короткими очередями. Занимаю неплохую позицию. Очередь в три патрона и парни срываются в мою сторону. Пока они бегут, отстреливаю прицельно весь магазин. По нам уже никто не стреляет. Через минуту соединились со своими. И снова наша дорога туда, откуда мы пришли. Я замыкаю группу и наблюдаю за противником в бинокль. Они вроде за нами не кинулись. До темноты надо максимально

оторваться, найти хорошее место для ночевки и обороны. А в голове уже прокручиваю сообщение для штаба. Его надо составить грамотно. И чтобы бойцы подтвердили, не мы лопухнулись, а противник на нас вышел планомерно.

На ночлег расположились в хорошем месте. Высотки, откуда нас могут обстрелять, расположены далеко. Между нами и противником ровное место метров в триста. Вниз и вверх отвесные скалы ночью не проходимые. И на юго-запад, куда нам отходить по утрам, простреливаемое метров на двести расстояние. Теперь главное не прозевать приближение противника. Часовые расставлены по трое два через два. Темнота скрывает от нас афганцев, которые преследуют нас в общем то вяло. Но опять же, не отстают. Их действия пока мне непонятны. Вопрос, почему они не хотят к нам приближаться на выстрел? Держат конечно в напряжении своим присутствием, но опять же не сильно. Мы вроде как к ним и привыкли. Было бы гораздо хуже, держи они нас под постоянным и прицельным огнем. Надо думать над этим и еще раз думать. Ведь я командир, и за мной шесть человек, за жизнь которых отвечаю. Да и мне не хочется подыхать в этой чужой стране. Выдвинулся максимально к ним. Вижу в бинокль как афганцы устраиваются на ночлег. Между нами расстояние почти в триста метров. Что-то здесь не так. Ставлю себя на их место. Задача простая и понятная. Уничтожить врага, вторгнувшегося на их землю. Но почему я не спешу это сделать, не форсирую события, имея численное преимуще-

ство? Ответ простой. Жду удобный случай, когда можно будет спокойно и без потерь расстрелять врага. Они на своей земле, знают местность. Мы двигаемся вслепую. А вообще-то зачем нам куда то идти? Какая разница вертолету забрать нас отсюда или на тридцать километров южнее. Все равно через непроходимые горы нам самостоятельно не выбраться. И так, по логике противник ждет удобный случай. И по этой же самой логике мы к этому удобному случаю сами и идем. Уткнемся в засаду в не приспособленном для обороны месте и нам кранты. Вопрос, а почему нам заранее не занять удобную позицию, закрепиться и ждать спокойно «вертушку». Так и поступлю, а теперь пора выходить на связь со штабом.

Дело сделано, отцы – командиры в курсе, что мы окружены, продвигаться не можем. Заняли круговую оборону и ждем, когда нас отсюда вывезут. Ночь прошла спокойно. С утра приказываю готовиться к долгосрочной обороне. Таскаем камни, делаем из них укрытия для комфортной стрельбы. Продуктов нам хватит на неделю, а при экономном употреблении и на две. Вот с водой плохо и как всегда с сухим спиртом. На километр выше в горы, там снег в расщелинах. А здесь сухо. Никто ничего у меня не спрашивает. Это хорошо. Парни признали меня за командира. Они уверены, я знаю что делать. Штаб тоже ничего не спрашивает, пока молчит. Видно переваривают информацию, стратеги хреновы. Им бы конечно приятней было, окопайся мы у главной,

местной дороги. Ну коли не судьба, так не судьба. Второе задание подряд провалено. А если учесть группу замполита, то третье. Смахивает на систему. А пока, взяв одного бойца, ухожу южнее на пару километров. И не отрываюсь от бинокля четыре часа. Результат нулевой, никого в пределах видимости нет. Дует холодный ветер, и как бы сейчас не помешали ватные солдатские брюки. А так приходится толкать ноги в спальник. А вот шинель вместе с бушлатом ватным, хорошо спасают от холода.

Мои предположения подтвердились на следующий день, ближе к обеду. Я засек группу афганцев из двенадцати человек,двигающихся в нашу сторону с юга. Снова выхожу на связь со штабом. Но тот кажется не собирается нас отсюда оперативно вывозить. Слышу от них одно и то же. Ждите. Вопрос решается. На всякий случай даю координаты обеих групп противника. Может надумают их отбомбить.

Заняли круговую оборону, настроились на утомительное ожидание «вертушки». И буквально за час до наступления темноты нас вызвал штаб. И конечно преподнес очень неприятнейшее известие. Они за сегодня потеряли два вертолета. Так что наша эвакуация откладывается на неопределенный срок. И нам настоятельно рекомендуют продвигаться в сторону базы. Это лучше любой долгосрочной обороны. Есть вариант состыковать нас с другой разведгруппой. Рекомендации получены. Что делать? Афганцы, которых я засек днем, еще довольно далеки от нас. Они как раз на пути на-

шего движения. Их не так много. И они в роли охотников. Идут уничтожить нас. Может рискнуть прорваться по темноте? Жалко бросать удачное место для обороны. Но если нас здесь плотно блокируют, то ни какой вертолет не поможет. Взвесив все за и против, принимаю решение.

– Слушай приказ, бойцы. Через полчаса уходим. У штаба нет возможности нас отсюда вывезти. Сегодня у них два вертолета сбили. В общем собираемся. – вижу как солдатам не хочется тащиться куда то на ночь глядя. Но легкая расслабуха сегодня может вылиться в большие неприятности завтра. А это мне надо? Мы будем диктовать противнику наши условия, а ни наоборот.

Тронулись в десять вечера. Луны нет, темнота кромешная. Не доверяю никому, иду первым. В трех метрах от меня остальные. Делаю двадцать шагов и останавливаюсь. Просматриваю темноту в бинокль и ничего не вижу. Так мы будем продвигаться очень долго. Но и противник совсем рядом. И это единственный вариант не напороться на засаду. И опять нас выручили афганцы. Где то после ноля я увидел мелькнувший совсем рядом огонек. Кто-то подкурил сигарету. И это всего в каких то ста метрах от нас. Всматриваюсь в кромешную темноту. Смотри не смотри, а идти надо. Примерно понимаю где противник. Мы сейчас на тропе. И они на ней тоже. Приказываю группе отстать метров на двадцать. Продвигаюсь очень медленно. Леха Горюнов утверждает, что на десять – пятнадцать метров видит меня

отлично. Отлично так отлично. Следуйте за мной, и главное держите дистанцию. А мне бы не нарваться неожиданно на часового. Пристегнул штык к автомату. Лишним не будет. Как ни как, а уже можно на два метра достать неожиданно появившегося душмана. Вот только где он? По логике часовой должен быть выше тропы за любым уступом – поворотом.

За полчаса прошел всего метров двадцать. Медленно, но что поделаешь, приходится выверять каждый шаг. Это не просто движение, это дуэль нервов. Почти не двигаюсь, а сердце стучит как на марафоне. Оказывается неизвестность хуже всякой стрельбы. Весь в мандраже ожидаю боевого столкновения, а оно случается совсем неожиданно. Мне то казалось что огонек сигареты мелькнул гораздо дальше. Долго стою за очередным выступом скалы, и когда делаю за него шаг, сталкиваюсь лицом к лицу с афганцем. У меня реакция лучше. Да и я готов был к этому. Мой штык вошел в живот противника как то очень мягко. Целую минуту бородач хрипел, пытаясь видно крикнуть, намертво ухватившись двумя руками за ствол моего автомата. И я замер от ужаса, оцепенел от близости такой страшной смерти. Будь у этого афганца напарник, я бы отправился на небо сразу же. Подтянулись бойцы, и тоже глядят со страхом на мертвеца. Наконец снова начинаю соображать. Противник расположился чуть выше, и больше часовых у них нет. Может подобраться к ним и забросать гранатами? Это конечно самый разумный

вариант, который не удастся выполнить из-за элементарного страха. Лучше тихо пройти мимо и постараться до утра оторваться как можно дальше от преследования. Почему я уверился что часовых больше быть не может, не знаю. Скорее всего некогда было все оценить здраво. И продвигаться вперед, так же тихо и осторожно. А если честно, то не хватило смелости. Хотелось как можно скорее уйти от этого места. Афганский часовой заметил меня первым, и первым выстрелил. Он немного поспешил, надо бы ему подпустить меня ближе. В момент выстрела я видно слегка пригнулся. Все время продвигался низко склонившись, левой рукой почти касаясь земли, вернее камней. Пули ударили над самой головой, отрикошетили от скалы с противным визгом. И снова меня спас инстинкт. Я не отшатнулся за скалу, а рванул вперед, мгновенно опорожнив магазин на десяток патронов в сторону автоматных вспышек. И парочка пуль достала врага. Отлично среагировал Леха Горюнов. Оказался мгновенно рядом со мной и запулил гранату куда то вверх, в темноту. Не сговариваясь, проскочили на взрыв метров десять, и снова две гранаты полетели вверх за ближайший уступ скалы. Хотелось кидать гранаты еще и еще в эту проклятую темноту. Но уже рассудок вернулся, не стоит попусту тратить очень ценный боезапас. Да и мы вроде как проскочили, и вряд ли афганцы решаться нас преследовать по темноте. Торопливо уходим с места боя. Страх страхом, а бойцы успели обшмонать убитого. Еще один АК, три полных мага-

зина, доллары и две сигареты с марихуаной, которые я тут же распотрошил и пустил по ветру. Очень настораживающий момент. Вижу с какой жадностью солдаты наблюдают за уничтожением кайфового курева. И наверное слюнки сглатывают. Не понимают балбесы, что это наша гарантированная гибель. Ведь часовой афганец явно «пыхнул» на посту, за что и получил пулю. Ведь с двадцати метров промахнулся. Надо на будущее за этим более внимательно приглядываться.

К утру спустились в каменистую, небольшую долину. Пересекли ее и снова наш путь вверх, в гору. В двенадцать дня сил идти не стало. Остановились на привал. Ледяной ветер каждые полчаса разряжается ледяной крупой. Но оно и к лучшему. Видимость всего метров четырехста. Вряд ли афганцы решаться нас преследовать в такую погоду. Они на своей шкуре испытали наши боевые возможности. Отдохнули два часа и снова в путь. Можно бы на пару часов больше подремать, но проклятый холод не дает засидеться. Лучше двигаться. Да и по темноте сильно по горам не полазишь. По карте, где то в километрах пятнадцати большой кишлак домов на тридцать. Если все будет хорошо, то до темноты можем до него добраться. К нему по-любому какая-то тропа – дорожка ведет. А это уже не горное бездорожье. Можем конечно нарваться на противника, но это почему то уже не страшит. Пусть нас боятся. Понемногу – потихоньку превращаемся в дикое зверье. Так что наш курс на кишлак. Нам нужен проводник. Без него не пройти перевал однозначно.

Он нам закрыл путь на север. В этой ситуации не экономлю продукты. Перед выходом съели по банке тушенки вместе с жиром. Консерва какая-то второсортная. Полбанки гольного жира. Не в пример той, что закусывали в госпитале. Там четыреста грамм чистого мяса. Говорят что она из стратегических запасов любимой родины. Заедаем все это полусырым рисом.

До темноты дойти до кишлака не получилось. По камням и ямам, засыпанным снегом, идти быстро не получается. А по ночи просто невозможно. Заночевали в какой-то расщелине, оцетинившись стволами в темноту. Ни каких постов, ни каких часовых. От холода сжались в одно целое. Бушлаты кинули на камни, не снимая шинелей забрались в спальники, накрывшись сверху плащ-палатками. Ветер не задувает сюда, а тепло не выпускает брезент плащ-палаток. В общем ночевать можно. Единственная предосторожность – я лег с краю и пытаюсь наблюдать, чуть приоткрыв край плащ-палатки. Но через двадцать минут засыпаю, согревшись. Еще через час открываю глаза и больше уснуть не могу. Страх подступил и не уходит. Мне кажется, что стоит только закрыть глаза, как появятся афганцы и расстреляют нас в упор спящих. Открываю чуть больше край плаща, пытаюсь вглядываться в темноту. Но в трех шагах ничего не видно, нас просто засыпает снегом. Снег забивает глаза, и я снова отгораживаюсь от внешнего мира тонкой и ненадежной материей. Будь что будет. Сил нет выползти на холод.

С каждым часом я становлюсь и опытнее, и злее. И все чаще во мне просыпается звериная ярость от холода, голода и непонятного будущего. И я как зверь совсем не боюсь умереть. И уже трезво оцениваю обстановку. Нафиг мы нужны душманам. Повторяю про себя это, как молитву, еще и еще раз. Преследовать опытного противника, то есть нас, по такой мерзкой погоде себе дороже. И засаду на нас никто устраивать не будет. Если мы конечно сами не влезем туда куда не надо. Внушение внушением, ярость яростью, а все равно уснуть не могу. Дремлю слегка, просыпаясь от каждого шороха, судорожно сжимая автомат.

Вышли, как только рассвело. И уже после обеда были на месте. Осторожно обогнули кишлак, заняли оборону чуть выше. До темноты вели наблюдение. И все время пытались связаться с базой. Ничего со связью не получилось. Как и не смогли определить сколько жителей проживает в этом населенном пункте. Все тесно, крыша над крышей. Чаще появляются женщины и дети. Мужиков насчитал двенадцать. Это не мало, если они при оружии. Но вполне возможно, что я считал одних и тех же. Видимость плохая, а на людях одинаковая бесформенная одежда. Еще одну ночь проведем на холоде, в спальниках. А уже поутру завалимся неожиданными гостями к афганцам. Если и не найдем проводника, то хоть риса горячего похаваем и обогреемся.

Утром заняли позицию у крайнего от верха дома. Он выше всех остальных. Кишлак получается под ним. От него все

хорошо просматривается. И круговую оборону легко устроить. Вошли в кишлак под лай собак, готовые мгновенно открыть огонь. Незнакомая и непонятная обстановка нагнетает слегка страх и неуверенность. Ведь тут чужие люди, а мы в роли не званых гостей. Не успели оглядеться, как начал собираться народ. Старики, женщины и дети. Всего человек двадцать пять. Но вот подтягиваются и молодые. И вскоре, как и положено, от этой толпы отделяются трое аксакалов. Переговорщики нас не понимают, как и мы их. Подошел молодой, чернобородый мужик, немного говорящий по-русски. Первый вопрос:

– Что вам тут нужно? – отвечаю не спеша, глядя ему прямо в глаза:

– Рис и проводник через перевал. Нам надо на ту сторону. – повторяю фразу несколько раз, помогая себе руками. Старики и чернобородый отошли к народу. Держат совет. Через десять минут снова подходят. Бородатый говорит, что мол еды дадут, а вот проводника у них нет. В ответ показываю переводчику два автомата. Это оплата за переход на ту сторону. Цена для этих мест очень хорошая. Оружие в горах ценится. Опять советуются. Нет, не согласны. Я их понимаю. Боятся обмана. Пускай думают, а мы пока перекусим. У нас осталось по одной банке тушенки на человека. Открываем одну на двоих. Жуем и не спускаем глаз с толпы, с домов, с ближайших склонов. А наше предложение их заинтересовало. Не только не расходятся, а еще народу прибавилось.

Пять мужичков возраста переводчика. Тот снова подходит, объясняет:

– Оставьте оружие здесь. И тогда вас переведут через горы. – я не согласен. Показываю точку на карте, где мы рассчитаемся. Они получают автоматы, но правда без патронов. Клянусь ему, что обмана не будет. Сомневается сильно, но бизнес уж больно выгодный. Если даже и обманут, то не такое и большое расстояние придется пройти. Всего полный день пути. В общем договорились. Выходим через час. Из продуктов пять килограмм сваренного риса, два килограмма изюма и пять больших лепешек. Неплохой паек на ближайшие три дня. Ведет нас бородатый переводчик и совсем молоденький пацан. Продвигаемся споро, хотя дорога постоянно в гору. Дистанция в метр, ступаем след в след. Иду первым за проводниками, напряженно вглядываюсь в серую мглу то ли тумана, то ли опустившейся на нас тучи. Не доверяю никому. Мне кажется, что лучше других смогу среагировать на коварство чужих для нас людей. Хотя по логике нашим афганцам самим не выгодно попадать в переделку. И бизнес накроется, и пулю гарантированно получишь. Слишком уж мы в плотной группе. Вот и первая ледящая душу пропасть. Тропа чуть шире метра, стараюсь не глядеть в ее черное нутро. Поднимаемся все выше и выше. Все завалено снегом, идем след в след. Дышать все труднее и труднее.

Немного оторвались от пропасти, серая мгла становится

все темнее и темнее. Пришлось останавливаться на ночевку. В небольшой впадине, заваленной снегом, вырыли наподобие снежной землянки. Накрыли ее сверху плащ-палатками и устроились можно сказать с комфортом. Если не считать промокших ног. Кирза на сапогах вот – вот развалится. И если такое случится, я просто не буду знать, что делать. Посты два через два по двое. Половина на службе, остальные спят, накрывшись спальниками. В снежной хижине довольно тепло. У афганцев такое же жилье в двух метрах от нас. Утром, прежде чем начать движение, меняем портянки. Влажные, из сапог, наматываю вокруг пояса и затягиваю ремнем. К вечеру они подсохнут, и можно будет снова их поменять. Кирза и портянки были и всегда будут несчастьем для советского солдата. Это кошмар просто какой то. Не хочу думать, если сейчас у кого то отвалится подошва на сапоге. Босиком по снегу не пойдешь. Что за уроды рулят Советской Армией.

После обеда в сплошной мгле перешли самую высокую точку перевала. Часть облаков ниже нас. Спускаемся еще медленнее чем поднимались. Пристегнули штыки к автоматам, и пользуемся ими вместо альпенштоков. Хотя в общем то не особо скользко. Под снегом проступают камни. Только по темноте вышли в точку расчета. Бородатый говорит, что тропа ведет прямо в долину. Смотрит настороженно, ожидая от шурави любой гадости. И я его ожидания оправдываю. Разойдемся только утром, по светлу. Сам не знаю почему так решил. Так мне просто спокойнее. Афганец нехотя соглаша-

ется. А куда ему деваться то? Все в руках Аллаха. И руках, которые держат оружие.

Ночь тянется долго. Сорвался ветер, гонит колючий снег. Резко похолодало. Кажется, уже никогда не согреюсь. Скорее бы утро, и начать движение. На ходу немного потеплее, разогреваешься в движении.

Едва рассвело, проводники ушли. Отдал им оружие, как и обещал. Те, не скрывая радости, раскланялись и мгновенно исчезли. Наш путь в долину, а это еще с десятков километров. Потом по ней на северо-восток еще двадцать. Долина, сказано громко. Просто более – менее ровное нагромождение камней, которое через два десятка километров снова упрется в непроходимый горный хребет. А сколько до базы, страшно подумать. Туда мы своим ходом никогда не доберемся. Связи по прежнему нет. Эти громадные скалы глушат все волны. Тупо идем вперед. И все мысли только об очередном перекуре, горсти риса и кусочке лепешки. Четные номера смотрят на право, нечетные на лево. Я впереди задаю темп движению.

Через сутки вышли в точку, откуда штаб услышал нас. Обещают вывезти в ближайшие часы. В любом случае до темноты. Это просто здорово. Надо искать площадку для «вертушки».

Меня ни сколько не терзают угрызения совести, что отдал автоматы противнику. Вполне возможно, что они когда то сработает против нас самих. И без этих двух стволов у аф-

ганцев оружия хватает. Так что без разницы, стволом больше или меньше. Главное, чтобы никто из бойцов не стукнул. Потом вони не оберешься. Так что инструктаж провожу заранее.

– Я расплатился двумя трофейными стволами с проводниками. Кто считает, что я поступил не правильно?» – молчат. – Я бы не хотел, чтобы об этом узнали в особом отделе. Как вывезти нас отсюда, так их нет. А дело раздуют легко и просто. В общем сами смотрите и думайте. – больше эту тему не поднимаю. Но в особом отделе об этом узнают. Будут долгие и нудные допросы.

Вывозили нас еще двое суток. Все у них там что-то не получалось. Последние сутки ели только сухой рис. От голода ни о чем думать не хочется. Мысли о куске хлеба забивают все. Рация вот – вот скиснет. А пока «дышит» выхожу на связь. Уточняю точку нашей обороны. И еще раз довожу до сведения высокого начальства, что продукты кончились. Как всегда обещают скорую эвакуацию.

Вертолет появился неожиданно через два часа после последней связи со штабом. Чутка коснулся колесами снега и мы через минуту были на борту. А уже через час приземлились в своей родной роте, где нас встретили без особой радости, просто и буднично. А чему радоваться, если очередное задание провалено по полной. Ну вернулись и вернулись, хорошо что обошлось без потерь. Еще повезло, что «вертушка» штабная подвернулась. У душманов появилось

новое оружие, и за последние десять суток сбито три вертолета. Один рухнул в пропасть и сгорел вместе с десантной группой. Так что еще мол спасибо скажите, что вас вывезли. А так бы и списали на боевые потери. Должен был особист штабной прилететь нас потрепать. Но видно с нехваткой средств доставки и большой опасностью, раздумал. Мы от этого не сильно расстроились. Три дня отдыха и допитание: пятьдесят грамм сливочного масла, по банке тушенки и сгущенки. Это поощрение лично от командира. Да еще баня самая настоящая и новенькое х\б. Новый год начался не очень хорошо. Но и грех жаловаться. Ведь все живы и здоровы.

А дальше все снова серо, обыденно, грязно. И нет никого азарта править службу, гонять бойцов до седьмого пота в полной выкладке. Но через силу, а гоняю. Сам впрягаюсь в эту по лошадиному тяжелую работу. И никуда не денешься, впереди еще служить и служить. И только с удовольствием стреляю. С удовлетворением вспоминаю, как со ста метров сбил душмана.

В конце января прилетела «вертушка» с продуктами и новым замполитом, старшим лейтенантом Вячеславом Гориным. Из вертолета выпрыгнул спортивного вида офицер, небрежно козырнул. И всем рядом стоящим солдатам, и мне в том числе, пожал руки. Я еще не знал, что мы станем друзьями. И что именно я спасу жизнь командиру и получу за это орден. А пока лечу этой самой «вертушкой» в Канда-

гар, в штаб нашей воздушно – десантной дивизии за первой наградой, медалью «За боевые заслуги».

Неделя в штабе дивизии пронеслась незаметно. На второй день по прибытию вручили медаль. Не сказать чтобы очень уж торжественно, но вполне солидно. В генеральском кабинете командира дивизии. Коробочку с наградой вручил начальник политотдела, жал руку и говорил правильные и торжественные слова, которые пронесли мимо моих ушей. И пока полковник изощрялся в красноречии, генерал достал из тумбы стола бутылку коньяка и рюмки.

– Хорош полковник в красноречии упражняться. Мы люди взрослые, десантники, все понимаем. – полковник понимающе улыбнулся, взял две рюмки, одну передал мне. Сто грамм хорошего коньяка проскочили бархатом. На душе стало легко и радостно. И захотелось конечно еще добавить. И когда после генеральского кабинета оказался в комнате штабных писарей, то уже знал как устроить продолжение банкета. Главному из писарей, старшему сержанту Витальке Сударикову, моему земляку из Новосибирска, все по силам. Тот еще проныра. Одно то, что больше года при штабе кантуется, уже о чем то говорит. А в тубике «Поморина», который я предусмотрительно взял с собой, те самые двести баксов, заработанные продажей трофейного пистолета.

Пока дождался Витальку, хмель потихоньку улетучился, но желание продолжить банкет осталось.

– Слушай, земля. Надо награду обмыть. Я человек тут

новый, так что вся надежда на тебя. – писарь посмотрел на меня внимательно, как бы изучая. Думал целую минуту.

– Не вопрос, все можно организовать по высшему разряду. Но только маленькое но. Валюта нужна, доллары. Ну афгани в крайнем случае. – я уже хотел было брякнуть, что мол с этим нет проблем. Но вовремя прикусил язык. Уж больно странно смотрел на меня землячок. Как то очень уж напряженно. Постой паровоз, не стучите колеса. Что-то тут не так.

– Проясни тему подробней. Откуда у солдата из глухой точки доллары?

– Ну вы же на боевые ходите. А там как без трофеев то.

– Боевые разные бывают. Мы в основном вплотную с противником не контаким. Постреляли и разошлись.

– Все понятно. До тебя здесь много прошло орденосцев. И очень многие, если не все, долларами трясли. Некоторые умудрялись даже погулять по купечески. Вот только потом вся эта гульба им боком выходила в Особом отделе.

– Ты хочешь сказать, что здесь у вас кругом глаза и уши.

– А ты как думал. Все же штаб дивизии.

– Ты тоже стучишь?

– Не буду тебе лапшу на уши вешать. А как бы я при штабе больше года отслужил? И думаю до конца службы здесь продержаться.

– Все понятно. Спасибо за откровенность. Так что ты мне посоветуешь?

– А ничего. Долларов то у тебя нет, а значит и дел ни каких

быть в принципе не может.

– А если бы были? Что тогда?

– Ну во первых, можно было сходить в чайхану таджикскую. Там все на высшем уровне. Правда дорого. Потом к Надюхе можно смело завалиться. На коммутаторе есть у нас такая деваха. Вес под сотню, и полная безотказность. Но опять же, только за двадцать долларов и ни цента меньше она выполнит любой твой каприз. А утром, ну к обеду в крайнем случае. Это смотря как вы погуляете. В Особом отделе будет лежать ее рапорт. Ну как, все еще хочется расслабиться?

– Конечно. Вот только проясни, а какое наказание за все это будет?

– Ну кому какое. Тут один сержант Красную Звезду получил. Ну и загулял соответственно. Потерял контроль и продал по дешевке, вернее подарил телефонистке за качественные услуги серьги старинные. Раскрутили голубчика. Этот сержант мирных афганцев где то в кишлаке за просто так пострелял. Мародерство соответственно приписали. Говорят к вышке приговорили.

– Все понятно кроме одного. Зачем ты мне свои оперативные секреты выложил?

– Ты земляк. Тебе всего полгода служить осталось. А за светишься не по делу, кинут в такую дыру, что фиг живым – здоровым домой вернешься.

– Спасибо тебе конечно, но выпить все равно хочется.

– Хочешь папироску сладкую?

– Спасибо, не употребляю и тебе не советую.»

– Есть еще один вариант в виде майора Кириченко. Он продовольствием рулит. Кстати, и на твою точку продовольствие формировал. С ним можно поговорить. Но опять же, за просто так он бутылку не даст, удавится.

– А ты тоже особисту обо всем этом доложишь?

– Про Кириченко нет. Он тема отдельная. Не моего уровня. Я просто тебя с ним сведу. А как ты с ним договоришься, это не мое дело. Да и этот майор никого не боится. Все у него тут в штабе куплены. Ну как, идем? – майора нашли быстро. Он в своем кабинете сидел обложившись бумагами, фактурами, накладными. Комнатка маленькая, не развернуться. Все пространство занимает массивный, старинный стол. Наверное штука очень дорогая. Не понять как его сюда затащили. Скорее всего собирали на месте. И за этим монументальным столом восседал не менее монументальный офицер. Глянув на которого, никогда не скажешь, что это человек торговли, крыса тыловая. Судариков представил меня и тут же исчез. Майор встал, пожал мне руку и снова опустился в такое же, как и стол, монументальное кресло. Моего роста, или даже чуть-чуть повыше. Косая сажень в плечах, черные гвардейские усики подковкой, ни какого живота. Гвардеец, гусар настоящий.

– Что нужно, сержант?

– С точки прибыл. Медаль получил. Обмыть бы надо. Бу-

тылку водки в долг не одолжите. – смотрит внимательно, думает.

– Что за точка? Кто командир?

– Разведрота. Командир старший лейтенант Тарасов.

– Все понятно. У меня нет такого понятия, как долг. Короче, через неделю к вам борт пойдет с продуктами. Вместо десяти ящиков тушенки будет девять. С Тарасовым сам будешь разбираться. Вот такой расклад. Согласен?

– И что мне будет за ящик тушенки?

– Бутылка конька высшего качества. Правда узбекского, но качество гарантирую.

– И все?

– А что ты еще хотел?

– Да не знаю. Очень уж не равноценно.

– Короче, думай минуту. Время пошло.

– А я уже надумал. За две бутылки по семьсот грамм плачу сто долларов.

– Круто сержант. А почему на тушенку то не хочешь? Ну не расстреляет же тебя твой Тарасов.

– У нас с питанием плохо. Консервов не хватает даже на паек, на боевые.

– Все понятно. Хозяин – барин. Деньги с собой? – я вытащил из нагрудного кармана заранее приготовленную купюру. Майор внимательно ее рассматривал. Пальцем тер борта пиджака Франклина. Я потом тоже так буду проверять долларовые столы. Самый надежный способ. Под пальцами

четко чувствуется шероховатость бумаги в этих местах. Закончив проверку, майор убрал ее в стол.

– Подошлешь Сударикова. Ему не говори, что на доллары купил. На тушенку обменял и дело с концом. Здесь все так делают. – через час Виталька принес три пятьсот граммовые бутылки коньяка. К ним палку сухой колбасы, пять баночек греческого, апельсинового сок и две банки тушенки из стратегических запасов родины. Той самой без жира. А заодно поведал, что Галина уже в госпитале не работает. Вышла замуж за кого то из офицеров и отбыла вместе с мужем в Союз. После этого известия Кандагар стал мне неинтересен.

Два дня не выползал из комнаты писарей. Я там и приписан на временное житье, до своего отбытия к постоянно-му месту службы. Но коньяк закончился, сутки отходняка. И только от скуки и безделья вышел в город, в котором как оказалось есть очень даже много любопытных и интересных мест. Когда служил здесь в госпитале, кроме пары выходов на ближайший базар, нигде не был. Но опять же, не имея под рукой оружия, побаиваюсь отрываться далеко от центра города. Зашел конечно в госпиталь, но там ничего интересного. У них свои заботы, я там для всех чужой. Чтобы влиться в ту же госпитальную компанию, или к тем же писарям, нужны деньги. А я не собираюсь тратить сто долларов на какое то мутное застолье. Но и назад везти деньги тоже не разумно. Кто знает, что ждет меня впереди. И не придумав ничего лучшего, заворачиваю в знакомую чайхану Али. Вывод

из всего этого один, без денег человек не живет, а просто прозябает. Это я запомнил на всю жизнь. А еще понял одну, для себя не очень приятную истину. Я все время один. Даже тогда, когда нахожусь среди людей. И до армии только при случае, при надобности шел на контакт. Был Серега Ситников, кореш, друг детства, да и того посадили. Я еще не знал, что он живым с зоны не выйдет. Вот и сейчас, вместо того чтобы загаситься с сослуживцами из госпиталя, тащусь черт знает куда, искать на жопу приключений. Мне кажется, что я совершенно один в этом огромном мире. Один среди толпы. Я сам по себе. Понимаю что это плохо, а ничего с собой поделывать не могу. Не хочется ни с кем долго общаться. И от этого, в часто меняющейся обстановке, поначалу легкая неуверенность, даже боязливость. Которая быстро меняется на злость. Матерю себя неизвестно за что, маму – родину с ее дебильной международной политикой. И эту горную страну, с ее враждебными ко мне жителями.

Кофейня Али процветает, народу в ней полно. И как в тот раз меня сразу же примечает тот самый старичок-официант. И который, оказавшись рядом со мной, почему то не предлагает место за одним из столиков. А глядя мне прямо в глаза, что-то негромко говорит. И я, чтобы расслышать, склоняюсь к нему.

– Уходи отсюда солдат. Здесь твоя смерть. – не отвожу глаз. Злость с удвоенной силой бьет в голову. Я не собираюсь следовать ни чьим советам. Я сам себе велосипед, и сам

решаю как мне поступать, что делать. Не знаю что увидел в моих глазах этот аксакал, но низко поклонился и исчез.

Несмотря на кажущуюся многолюдность, два столика пустых справа были. За один из которых я и сел. В этой половине, где столы, народу поменьше, чем в той на коврах. Снова появился старик – официант. Теперь уже в его руках поднос, на котором дымится чашка с пловом, кофейник и вазочка с засахаренными фруктами. Вот только взгляд у него сейчас испуганный. И вот оказывается почему.

– Али знает, что ты здесь, солдат.

– Ну и пусть знает, мне то что до этого.

– У него брата убили ваши. Того, чей пистолет ты сюда принес.

– Я его не убивал. А когда встретились, то оба были при оружии.

– Все это так, но Али сегодня очень расстроен.

– Мне плевать на его настроение. Я пришел сюда не его утешать. Вот сотня та самая, ваша. Неси бутылку коньяка. И мне плевать на всех вас. Я без оружия. Но попробуйте взять живым. – я рассмеялся старику прямо в лицо. Тот снова закланялся и исчез. Злость потушила чувство страха, но не рассудок. И я автоматически прикинул расстояние до двери, а так же вспомогательные предметы самообороны. Столик и табуретка очень легкие, а вот тарелкой из под плова можно четко рубануть по глазам. А толку со всего этого? Если просто траванут, а то еще хуже, сыпанут в коньяк

снотворного. Гоню эти здравые мысли. Надо встать и уйти. И не могу. Я как фаталист у Лермонтова, будь что будет. Официант – старик принес узбекский коньяк и далеко не отходит.

Выпил только одну стопку, когда в зале вдруг стало тихо. Прямо к моему столику направляется сам Али. Вот и все, закончился мой выпендрей. Пристрелит сейчас на месте. Чтобы не ждать конца, как барану, беру в правую руку бутылку коньяка. Делаю вид, что наливаю. Хозяин кофейни усаживается напротив. Рядом старичок. За спиной хозяин молодой охранник: спокойный и равнодушный. Он убьет не моргнув глазом.

– Ищешь смерть, солдат? – черные глаза Али совсем не сверкают ненавистью. Во всем его облике спокойное равнодушие. Он и охранник вроде как «обдолбанные». Отвечаю спокойно и так же равнодушно. Правая рука сильнее сжала бутылку коньяка, мое единственное и бесполезное оружие в этот момент. Оказывается он хорошо говорит по-русски.

– Я зашел пообедать и выпить. У меня твои доллары. Их надо использовать. Мне завтра снова в горы.

– У тебя не будет завтра, солдат. Ты сейчас ответишь за смерть моего брата. – молодой мгновенно встрепенулся. И я просто ощущаю как его рука под балахонистой одеждой сжала рукоятку пистолета.

– Я не убивал твоего брата. Меня привезли в твою страну. И я мечтаю скорее покинуть ее. А с твоим братом мы встре-

тились в бою, как солдаты. У него было оружие. А в этом случае всегда только один победитель. – старик зачем то переводит прямо скороговоркой. Удивляюсь своему спокойствию, и своей складной речи. Никогда так хорошо не говорил. Вот что страх с человеком делает. Холод с сердца не уходит. Афганец задумался, видно не может принять решение. Случись это в укромном месте, он не задумываясь, лично бы перерезал мне горло. А при свидетелях, которых полная кофейня, в общем то не разумно и для бизнеса накладно. Али смотрит на меня не мигая, как будто хочет запомнить на всю жизнь. И я глаз не отвожу, продолжаю сжимать бутылку. Показываю, что живым меня не взять. Афганец что-то сказал по своему, наверное выругался. Встал и ушел. За ним поспешил охранник, на прощанье зыркнул, тоже видно запоминая. Я отпил коньяк прямо из горлышка. Хозяин кофейни ушел и снова в заведении стало шумно. Мне кажется, что я спокоен, а вот пульс за сотню. Держу руку на горле и даже не пытаюсь считать. Стараясь не суетиться, не спеша доел плов. Бутылка в руке, фрукты в карман. Под настороженными, многочисленными взглядами, иду к выходу. И только оказавшись на улице, глубоко вздохнул. Мне казалось, что в кофейне последние минуты не дышал. А сделав два десятка шагов вспомнил. Я же не рассчитался. Сил вернуться назад нет. Я просто боюсь. Боюсь позорно, до липкого пота на спине. Надвинул шапку на самые глаза и торопливо зашагал к штабу. Мне хотелось еще выпить. Но приложился

к бутылке только добравшись до комнаты писарей, до своей шконки.

Через два дня попутный борт с продуктами вернул меня на прежнее место службы. Я не знал, что служить мне еще долгих семь с половиной месяцев. И эти заключительные месяцы станут для меня такими насыщенными, что не приведи Господи. И они повернут мою жизнь на совершенно другую колею. Хорошо бы все это забыть, как страшное кино. Которое вылетает из головы сразу за порогом кинотеатра. И конечно не получится. Рюмка коньяка или просто плохое настроение – хандра. И воспоминания начинают мелькать в голове со страшной отчетливостью. Вспомню, как будто все это было только вчера.

В январе 1984 года дом был нереально далеко. Так далеко, будто на другой планете. А вот все прошло, два с половиной года позади, и я лечу домой, где ждет меня мама еще с начала июня. И годы моей службы наверняка не прибавили ей здоровья, и скорее всего щедро посеребрили волосы. Да и я себя чувствую таким взрослым, почти старым. И в душе какое то непонятное равнодушие к жизни. Элементарно ничего не хочется. Только водка слегка взбадривает, и то не на долго. Военный психолог в Москве, который проверял мою психику, и кажется искренне хотел помочь, успокоил. Это мол обычное состояние человека вернувшегося с самой настоящей войны. Проливавшего как свою кровь, так и чужую. Видевшего смерть очень близко, и очень часто. Находившегося

больше двух лет под стрессом. Девяносто из ста возвращаются с расшатанными нервами, а то и похуже. Нервные срывы у каждого второго. И моя наипервейшая задача, не усугублять это свое состояние неограниченным употреблением алкоголя, а тем более наркотиков. Ведь не для кого не секрет, что многие возвращаются из Афгана обдолбанными напроочь. Главное продержаться пару лет и все войдет в привычное русло. Война со временем если не позабудется, то сотрется в памяти конкретно. И ты перейдешь от состояния войны к состоянию мира, к простой, нормальной жизни. И это самое главное. И еще посоветовал никогда и не при каких обстоятельствах ни глотать успокаивающие таблетки. Поможет на час – другой не больше, а привыкнешь к этому очень быстро. И пошло – поехало по наклонной. Ты молодой, помоги организму трезвой жизнью, и он сам быстро восстановится, победит эту депрессу. И вот сейчас в самолете книга под рукой, куча газет, а ничего в голову не лезет. А главное нет радости что все закончилось, и ты свободный человек. И ни какой приказ не кинет тебя в неизвестность. Туда, откуда возвращение пятьдесят на пятьдесят. А в глубине души уже жалость, что такого приказа не будет. Кошмар да и только. Может совсем не снимать форму. И снова попроситься туда где стреляют. Нет, я не конченный идиот, чтобы на такое поддаваться. Это уже точно первые признаки шизы.

Два часа полета позади, до посадки столько же. Пробую

задремать, что почти получается. Но опять грезится прошлое, которое советовал психолог позабыть навсегда.

Я вообще-то очень удачно выбрался из Афгана. Хоть и пришлось неделю ждать okazji в Кандагаре. Когда наконец Виталька Судариков сообщил, что меня захватит штабной вертолет до Кабула, а оттуда прямым рейсом на Москву. Информация у земляка надежная, он так при штабе и служит. И у него свой интерес к моей отправке. Он вручает мне видик «Шарп». У меня свой «Панасоник». От «Шарпа» только корпус. Вместо внутренностей «дурь», высококачественный местный «пластилин». Его мы поделим по глубокой осени, когда Виталька дембельнется.

– Свой видик в крайнем случае отдашь проверяющим офицерам контрразведки, чтобы они в «Шарп» нос не сунули, – инструктирует земляк. Все потом мол с лихвой окупится. Но это один случай из тысячи. До Москвы будет спецборт, до которого у контрразведчиков руки короткие. И меня на него берут только от того, что я герой. И это мне как поощрение к награде. Самолет с грузом для большого московского начальства. Короче, трястись не стоит, все будет тип-топ. Я доверяю Сударикову, а что еще остается делать? Потому и не стал приматывать к ногам под сапоги два старинных кинжала, мои трофеи. А положил их вместе с двумя видиками в свою дембельскую сумку, завернув только в кусок камуфлированной материи. Один мне дорог больше воспоминаниями, а не только как старинная и наверное очень до-

рогая вещь. Ручка отчеканена серебром, да и сталь на лезвии отменная, гвозди рубит. Его бывший хозяин, бородач в белой национальной одежде, сделал по мне три выстрела. И пули прошли в считанных сантиметрах от моей головы. Афганец стрелял отлично, был уверен в себе и целил только в голову. А может думал, что у меня под камуфляжной курткой броник. Который и взаправду там был, трофей импортный. А может крутость свою показывал, разве теперь это узнаешь? В ответ молчу, пока мы не сблизились почти на двадцать метров. Я сбросил с себя куртку, кинул ее с обратной стороны валуна, за который присел. По ней щелкнул четвертый выстрел. В то же мгновение я привстал с другой стороны камня. И этой секунды мне хватило, чтобы всадить короткую очередь из трех пуль в приметный белый силуэт. Все три достали бородач. И не могли не достать. Я уже больше полутора лет стрелял на земле этих людей. Что и говорить, опыта набрался. Не будь этого демонстративного вызова, не пер бы он с одним пистолетом вперед, и я бы отполз, скатился бы к своим в «зеленку». А тут можно сказать дуэль: пистолет против АК. Наверное так и не понял моджахед что случилось, как наверное и не врубился, что перед ним профессионал. И уже не поймет никогда, душа его на небе давно. А родовой кинжал теперь в руках неверного. Такое пренебрежение русским солдатом увело воина гор в мир лучший, чем этот. Где не стреляют наверное, где все путем. Но мне туда еще очень и очень рано. С дальних позиций по мне ко-

нечно палили, но опять же не очень плотно. В три перебежки добрался до поверженного противника. С целью обшманать, вдруг у него доллары. Ведь бородач по виду будет из важных. Обычная практика всех войн и боевых столкновений. Называется это взять трофеи. И здесь маленькая тонкость, которую я четко усвоил как человек слегка впечатлительный. Не надо смотреть в лицо убитого, чтобы потом оно тебе не снилось. Так что подобравшись к трупу, сразу переворачиваю его на живот. У афганца кроме «Кольта», который я позже продал его же единоверцам, двадцати патронов к нему и вот этого кинжала ничего не было. Правда кинжал висел на красивом кожаном поясе, с нашитыми на него серебряными монетками. И который проем – пропью позже в Кандагаре. В небольшой кофейне с очень вкусным пловом и шашлыками. А вот с самим кинжалом расстаться не смог. Он меня завораживал своей боевой красотой. С таким оружием тебе никто не страшен. Я верил в это, а на самом деле оба кинжала так и проваляются в одном из ящиков шкафа. И никогда мне не послужат в роли оружия. Второй я выменял у майора – спецназовца за облегченный американский бронежилет. Который снял с белого наемника, когда две мои пули прошли ему руку и горло. Но это другая история, которая случилась за четыре месяца до моего дембеля. Благодаря этому солдату удачи, у меня есть шанс обосноваться прилично на гражданке. Если конечно повезет. А чтобы повезло, все надо сделать по уму. И весь этот дурацкий «пластилин», и «баксы» за-

шитые в мои старшинские погоны, все это только отвлекающий и не больше момент. Все что находится в моей дембельской сумке тянет на целое состояние по меркам совдепии. Как впрочем и на приличный срок. Но это для меня совсем не главное. Оно не выведет меня в люди. Это уже мелочи. Главное находится в моем левом сапоге, одетое на мизинец. Оно так долго там находится, что натертые мозоли от него успели задубеть на два раза. И при ходьбе уже не чувствую никакого дискомфорта. Если я вывез все это из дальнего далека и сохранил, то думаю и в дальнейшем не промахнусь, и не сорвусь. И совсем не правы те, кто говорят, что кому война, а кому мать родная. Вы сначала сами повоюйте, на себе испытайте все тяготы и мерзости этой жути. Откуда очень многие на возвращаются. Вот тогда и будете что-то говорить. Сегодня я знаю, что мое героическое прошлое абсолютно никого не волнует и не интересует. Никто не поможет тебе, кроме себя самого. Так что я пойду по этой жизни так как хочу, как умею, как смогу. И это мой путь, и больше ни чей. Патриотизм, священный долг, мама – родина и прочее, для меня сейчас только слова и не больше. Я далек как от этих слов, так и от людей, для которых они являются бизнесом, коммерцией, повседневной работой. От всяких там замполитов, парторгов и комсоргов. У меня на сегодня свое виденье жизни. До которого я дошел сам и только сам. Без всяких подсказок. Если я вырвался из афганского ада живым и здоровым, то постараюсь выйти из рядов людишек – среднеч-

ков. Положу на это весь свой ум, все свои силы, все уменьье. Я не буду прозябать на обочине жизни, рассказывая о своем героическом прошлом в зачуханных пивбарах, грязным и пьяным слушателям. Этого никогда не будет. Но и свою форму на помойку не выброшу. Она будет висеть в шкафу. Будет постоянно подсказывать мне, что не все в этой жизни так легко и просто. А в самые трудные жизненные моменты напомнит, что было гораздо хуже и намного страшнее.

Полет продолжается. Впереди граница. Если сказать что волнуясь, это ничего не сказать. Ведь это и рубеж в моей жизни. Пройдет все хорошо, значит и у меня все в будущем будет отлично. А вполне возможно, что споткнусь сейчас так, что никогда не смогу больше подняться. Все решится через несколько часов. Рядом со мной пять старших штабных офицеров, багажом которых завалено все свободное пространство МИ – 8. И это всего на пятерых. И в котором наверняка есть такое, что не предназначено для глаз как пограничников, а тем более контрразведчиков.

Когда сделали посадку в Кабуле, то два подполковника и три майора лично перегружали вещи в транспортный АН, не доверяя никому. Что подтверждало, не все у них с грузом чисто. А когда грузовик подвез партию кожаных чемоданов, я успокоился и уже был уверен, ни каких досмотров не будет. Я проскачу за компанию. Скорее всего военный борт гонят только из-за этого барахла. А эти офицеры сопровождают, чтобы в пути ни каких накладок не случилось. А я подса-

жен к ним в виде поощрения к награде, которую мне должны вручить в столице. Все прекрасно знают, что из Афгана пустыми не возвращаются. Вот и гонят простых дембелей через Ташкент, через свирепую узбекскую таможду, которая выворачивает их наизнанку. Я был готов распрощаться со своими кинжалами, долларами и видиком. И только ради одного того, что запрятано в моем левом сапоге. А тут на тебе, поощрение на бездосмотровую доставку в Союз. Судьба видно мне благоволит. Офицеры знают об этой моей привилегии, потому и не напрягают с погрузкой своих вещей.

Наконец чемоданы и тюки перегружены. И очень долго тянется время полета до Ташкента. Ты пассажир, от тебя ничего не зависит. И случись смертельный «Стрингер» с ближайшей горы, проплывающей совсем рядом, тебя ни что не спасет. Самолет постоянно маневрирует, видно облетая самые опасные скалы. Под нами чужая и враждебная земля, на которую мы заперлись неизвестно зачем. И вот сейчас холодеет душой и телом при каждом резком вираже самолета.

Наконец Ташкент, дозаправка и снова в небо. Офицеры заметно повеселели и сразу накрыли «стол» на одном из ящичков. Коньяк из фляжек, сухая колбаса и конечно тушенка. Мне тоже налили. Замахнув стопочку, отправился в хвост самолета, где и придремал на каких то тюках. А чтобы не испачкать параду, напялил поверх нее камуфляжную хэбэу, еще большую редкость для Союза. А офицеры так и сидели за коньяком до самой Москвы. Не знаю сколько

они выпили, наверное не мало. Но по ним не скажешь, что они сутки на ногах и «заряжены» конкретно алкоголем. Что говорить, сильные люди, закаленные. Я пока боюсь перебирать. Контузия то никуда не делась, и думаю не денется. Хотя лечащий врач утверждал, что через пару лет от нее и следа не останется, если конечно вести здоровый образ жизни.

Прибыли в подмосковную Кубинку поздно вечером. Самолет зарулил на дальнюю стоянку, где нас ждал крытый «Урал» с пятью солдатами. Которые сразу же начали выгрузку. Еще в самолете майор – артиллерист сказал мне, что ему приказано завезти меня в военную гостиницу. Чтобы я никуда не отрывался, ждал его. Все равно я не смогу самостоятельно покинуть пределы военного аэродрома. Почти два часа проторчал возле самолета, пока суета выгрузки не закончилась и майор не освободился. Солдат – шофер подогнал Уазик и мы рванули в столицу. В три ночи меня поселили в двухместный номер, где на одной из коек кто-то мощно храпел. В комнате воняло перегаром, хотя окно было открыто настежь. Мне уже не до таких мелочей, разобрал постель и заснул, едва коснувшись головой подушки.

Я спал бы и спал, но сосед по комнате, здоровенный капитан – десантник, бесцеремонно растолкал меня в десять утра. Ему не с кем похмелиться. Но и я ему не компаньон. Глупо первый столичный день начинать с водки. Твердо отклонив предложение выпить, к большому неудовольствию офицера, быстро собрался и покинул номер. Меня

ждет Москва, в которой я никогда не был. И в которой у меня на сегодня куча дел. Сначала надо съездить на Красную площадь. А после найти магазин типа «Березки», в котором постараться приодеться на свои кровные сертификаты. И если останется время, найти дорогу к трем вокзалам. Оттуда идет электричка в городок моего командира и друга Славы Горина. Его повидать надо обязательно.

Первый день в Москве прошел в общем то плодотворно. Станция метро оказалась совсем недалеко от гостиницы, а это уже полдела. Купил в газетном киоске план столицы, который мне в общем то почти и не понадобился. Люди, особенно пожилые женщины, охотно объясняли как и куда мне быстрее добраться. Что говорить, а солдату редко кто откажет в помощи.

Главная площадь столицы меня не впечатлила. Какая-то маленькая, я представлял ее совсем не такой. Прошелся туда – сюда и направился в ГУМ. Там оказывается есть отдел торгующий на сертификаты. С войной в Афгане этих самых сертификатов появилось до черта. Так что и цены в этих магазинах выросли на порядок, а товар на порядок уменьшился. Но столица есть столица, и то что мне надо в магазине есть. Вот только оказывается этих самых сертификатов у меня такой мизер, что и купить я ничего толком не смогу. На хорошие американские джинсы конечно хватить, а вот на кожаную курточку нет. Пока решил ничего не покупать. Подожду пару деньков, подумаю, сравню цены с барахолкой.

Может выгоднее продать эти сертификаты, у меня уже их спрашивали. А отовариться на рубли тут же у ГУМа, у цыган. Кстати, я же могу Славика к этому вопросу подключить, он то Москву знает, как свои пять пальцев. Живет в часе езды от нее. Остаток дня, пока не начался час пик, покатался в метро, и изучил досконально Кольцевую. В общем слегка, но уже ориентируюсь. Думаю через пару дней освоюсь в столице.

В номере гостиницы, до которого добрался поздним вечером, все как и вчера. Мощный храп пьяного десантника, от которого я уже долго не могу уснуть. Администраторша на первом этаже передала мне записку. Завтра в десять утра награждение. В девять быть готовым, подойдет автобус.

Второй день в Москве оказался самым насыщенным по событиям и самым удачным. Нас героев двенадцать человек. Кроме меня все офицеры. Самое высокое звание майор, два лейтенанта, а остальные капитаны и старлеи. Привезли нас не в Кремль, как всем хотелось, а в Генштаб. У всех награждаемых идиотские улыбки на лицах и героический блеск в глазах. Хотя на церемонии награждения не было ни какой торжественности: просто и обыденно. И все это происходит не в зале, а в каком то большом кабинете. И было видно, что для генерала и двух полковников эта процедура скучная и тяготная. Казалось, что мы отвлекаем их от очень важных дел. У меня на душе ни какой радости, а глядя на счастливые лица награжденных, все больше психую. И вот

когда полковник закончил высокопарную речь, которую наверное никто и не слушал, я на два четких шага отделился от этой толпы и подал рапорт генералу. Спасибо командиру за эту бумагу, в которой он четко указал фактическое время, когда я командовал взводом, заменяя офицера. Он правильно сделал, приказав отдать рапорт при вручении награды старшему по званию. Сказал не дрейфь, будь тверд с этими московскими дуремарами. Им то выгодно медальки раздавать, а вот заплатить по человечески за боевую работу жабба давит. В этом вопросе они только себя не забывают. Я тогда удивился, сколько ненависти было в словах капитана. Я так и поступил, ведь приказ командира для меня закон. Да и уважал я капитана Тарасова. Да и он, если бы ко мне не относился с уважением, не стал бы возиться с этим рапортом. Я и сейчас помню кислую мину генерал – майора. Помню с какой неохотой он взял мою бумагу.

Мы тогда выходили из дальней разведки. Шли долго и мучительно нудно к точке, откуда нас может забрать «вертушка». Шли очень медленно. Мы несли раненого командира, избегая любых стычек. Еще один раненый и мы застрянем наглухо. Я тогда все сделал, чтобы спасти друга, старшего лейтенанта Славу Горина. И даже немножко больше. А если честно, то это было совсем не трудно. Ведь нас было семнадцать сильных бойцов. И четыре человека спокойно час несли носилки с командиром. А то что двенадцать дней топали до встречи с «вертушкой», то эта медлительность от каждого

выверенного шага. Я претворял в жизнь усвоенную за службу простую истину, с которой ни с кем не делился. Пока есть что пожать, пока тебе не грозит явная опасность, торчи подальше от начальства. Когда ты рядом, всегда найдется гнилое место, куда тебя захотят отправить. А на войне каждый прожитый день идет в плюс. Ведь с каждым прошедшим днем все ближе твой дембель. Больше шансов остаться в живых. Бойцы понимали это нутром, потому никто сильно не возбуждал. Мол чего это мы торчим в горах, когда можно сидеть в расположении части. Двигались мы тогда в основном по ночам. И только тогда, когда боевое охранение проверило ближайšie подступы. Продвинулось метров на триста и заняло круговую оборону, держа под прицелом все на триста шестьдесят градусов. Ну дали орден за спасение командира. Спасибо. Он лишним не будет. Как и не будет лишним что ни будь повесомей, посущественней. Материальные блага вещи не последние в этой жизни. И главное, чтобы их не просить, не выклянчивать. Ведь тогда на кону стояла наша бесценная жизнь, как говорили политработники.

Генерал заморгал часто – часто, когда я попросил рассмотреть рапорт. А что тут такого, сами ведь сказали, у кого есть просьбы обращайтесь.

Думаю, что из этого ничего не выгорит. Ведь в рапорте слова не подтвержденные ни одним документом. Ну командовал группой в боевых условиях. Ну и что? Это ведь ни каким приказом официально не оформлено. Ни кто не вино-

ват, что на войне все как на войне. Командовал, ну и молодец. На то ты и младший командир, а не просто солдат. Ведь офицеры выбывали в виду ранения, а то и смерти. И командиры назначались по ходу боевых действий. Там не до формальностей.

Генерал наконец проморгался, еще раз прочитал бумажку и буркнул без энтузиазма, мол разберемся. Но я опять заставил его моргать и морщиться.

– Мне бы побыстрее этот вопрос решить, товарищ генерал. Через два дня улетаю домой, в Сибирь. – мой рапорт наверное так бы и завис надолго, пока совсем не затерялся бы в штабной бюрократии, если бы не улыбчивый штатский. Который присутствовал при награждении, но не во что не вмешивался. Я так и не узнал кто он, и вообще от какого ведомства. Но кажется он был покруче здесь всех присутствующих. Мужичок забрал рапорт у генерала, прочитал его, и принял мгновенное решение.

– Вопрос решится положительно. Послезавтра получите причитающееся.

– А вы мне телефон не оставите для корректировки. Вдруг ничего не получится. И я только зря буду ждать. – мужик коротко зыркнул, но я глаза не отвел. Улыбчивости его как не бывало. Криво усмехнулся, покачал головой и дал мне визитку, на которой только фамилия с инициалами и номер телефона. Достал он ее из солидного кожаного портмоне. Когда разбогатею у меня такой же будет.

– Не волнуйся старшина. Если я сказал что все получишь, значит получишь. Что, где и когда тебе в гостиницу сообщат. Вопрос закрыт. Будут проблемы, звони. Только по пустякам не отвлекай.

– Спасибо за содействие. Эта сумма для вас может и небольшая, а для меня существенная. Тем более за честно выполненную работу. – я так и сказал за работу, а не за долг. Я никому ничего не должен. Товарищ еще раз внимательно глянул, видно мои слова прозвучали в этом кабинете как то не очень. Качнул головой, мол все будет как надо и отступил за спины военных. У остальной награжденной братии не было ни вопросов, ни просьб, ни пожеланий. Может от того, что они по первой награде получали? Я медаль «За боевые заслуги» получил из рук начальника штаба дивизии. Вручили, руку пожали, стопку налили. И иди дальше служи. Всего торжества на десять минут. Через полгода вручили «За отвагу». Я даже не знаю в каком звании был награждающий. Поверх формы у него белый халат. А я на госпитальной койке. В ушах звон после контузии, голова кружится, тошнит постоянно. Мне не до медалей, отлежаться бы. Ну дали и дали. А кому еще давать? Если из взвода, из двадцати двух бойцов, осталось в живых трое. Попали в засаду и были расстреляны как в тире. Никто в ответ и выстрелить не успел. Меня спас валун и воронка от мины за ним. Куда я втиснулся – вжался. Лежал пока две «вертушки» не прошлись по душманам ракетами. Пока спецназ на помощь не подоспел. Мина

рванула совсем рядом. Контузила, но к счастью осколками не посекала. Только и задело что каменной крошкой. Не будь этого камня, из меня осколки сделали бы решето. А так вышел из бойни с небольшими потерями. Даже под контуженного не дали «косить» больше двух недель. Выписали и отметку в военном билете сделали. А это наверное не очень хорошо. Кто будет разбираться на гражданке, тяжелая или легкая контузия была. Главное что была. И запись есть. Получается, что человек в определенных условиях может быть не адекватен. Но опять же, может и выручить, случись что криминальное. Поживем – увидим.

И вот третья награда в Москве, «Боевая Красная Звезда». Мама – Родина раздает ордена и медали на право и на лево. Процесс на потоке, упрощен до предела. Вручают начальники средней руки в закоулках Генштаба. Награды посерьезней наверное в Кремле дают, не знаю. А у меня единственная радость от этого, что вопрос финансовый пробил, чем испортил генералу настроение. Когда тебя касается, то в армии все сложно и непонятно. Никто не шевельнется в отношении простого солдата. А если и начнут решать, то грубо говоря, все норовят гланды через задницу вырвать. А вот в вопросах личного обогащения, откуда что берется. И вертолет с самолетом состыкуются минута в минуту. И топливо найдется. И военный борт убудет и прибудет в точно назначенное время. А вот как заплатить по фактически занимаемой должности, так сразу глаза округляют и проморгаться

не могут. И таращатся на тебя, как баран на новые ворота. Этот генерал наверное думает, что я должен быть счастлив уже от того, что его вижу. Слышал бы он как о московских старших офицерах отзывается мой сосед по комнате. Капитан – десантник откуда то с Урала. Самое мягкое выражение в их адрес, это козлы помойные. Он получил орден «Красного Знамени. Еще недельку попьет в столице и отбудет к себе в тьму тараканью. И кому он там будет нужен с этим самым «Красным Знаменем» и оторванной выше локтя правой рукой. Пристроят конечно на первое время куда ни будь в военкомат. И дай Бог ему не спиться, тяга то к этому у него конкретная. Не знаю как я на его месте поступил бы, окажись инвалидом в таком возрасте. Сейчас то я точно знаю, что никому не нужен кроме мамы. Тем более этой самой родине, которая пожевала – пожевала и лениво выплюнула таких как я и этот капитан. А чего ей не плевать то? Людишек в России много, на век этих генералов хватит. А не хватит, так бабы советские еще нарожают. Еще раз спасибо командиру, научил как говорить, как действовать. Да и этот гражданский видно мужик порядочный и систему четко знает. Мой вопрос решил мгновенно, одним росчерком пера на рапорте. А может в душе усмехнулся его мизерности с высоты своего положения. Мне теперь это неинтересно. Я этот вопрос закрыл. Мизер то мизер, а чутка приоденусь. Говорят, если бы год назад, то на эти деньги можно было вдвойне отовариться. Награды вручили и за дело взялся молодой подполковник.

Который провел нас в небольшой банкетный зал, где был накрыт праздничный стол. И где две трети из героев набрались почти в лежку дармовым коньяком. Но этот же подполковник не дал «отрубиться» воинам, банкет оперативно свернул, и всех быстренько отправил на штабном «Пазике» в гостиницу. Билетами в Большой театр никто не воспользовался. По причине полной к вечеру отключки. А я до сих пор завожусь – психую, когда вспоминаю восторженно-глуповатые лица награждаемых. Люди, которые прошли через пекло войны, просто ели глазами начальство не самого высокого пошиба. А выражение лиц, и весь их облик говорил, что они готовы сделать все для своей любимой Родины. Хоть завтра снова в Афган под пули. Жизнь отдать, пожалуйста, не вопрос. Может я чего то по молодости не понимаю? И отвечали в таком же духе, мол оправдаем высокие награды. И напились сразу едва представилась возможность. Зачем оправдывать то? Мне что этот орден в долг дали? Я его не просил. А коли получил, то думаю что он мне какие то выгоды принесет. Какие пока точно не знаю. По крайней мере в институт поступлю без конкурса.

Великий день награждения наконец закончен. И я засыпаю под храп десантника, который сегодня мне совсем не мешает. Засыпаю мгновенно, так как добавил еще соточку в кафешке – забегаловке под названием «Чайка». И еще рюмку пропустил в буфете гостиницы. Можно бы в той кафешке посидеть и подольше, там как раз девчонки симпатичные

появились. Но скрепя душой я это мероприятие отставил. С утра мне на электричку. Обещал командиру, мол заеду обязательно, как только с награждением разберусь.

Думал съездить на выходные, а застрял на десять дней. И эта поездка стала для меня самой крутой наградой.

Маленький подмосковный городок, застроенный в центре монументальными двухэтажками сталинского периода. Сразу за ними начинается частный сектор из добротных домов и усадеб, закрытых от любопытных глаз зеленью садов. Так тихо и спокойно, что от этого спокойствия просто душой отдыхаешь. Дом командира на самой окраине. Правда от нее до центра всего то пятнадцать минут ходу неторопливым шагом. И который я нашел сразу, не плутая по ровным и широким улицам. Вижу как командир рад нашей встрече. Да и какой он мне сейчас командир, это все в прошлом. Он сейчас больше как старший брат, почти родная душа. И самое интересное, что после этой встречи мы больше так и не увидимся. Переписываться будем постоянно, с праздниками поздравлять, и не больше. В Сибирь Славик не попадет никогда, а я бывая в Москве не очень часто, никогда не смогу застать его дома. Жизнь офицерская всегда в службе, в дороге.

Не знаю, что рассказал он родителям про меня, но те устроили в честь моего приезда настоящий праздник. Столы, как здесь водится, накрыли в саду. И собрались соседи наверное со всей их улицы «Чехова». Многие подолгу не сидели, пожали мне руку, выпили, закусили и ушли. Че-

ловек двадцать сидело за столами постоянно. И все люди солидного возраста. Из молодежи только соседка Славика, десятиклассница Алена, настоящая, русская красавица, с роскошной косой ниже пояса. Она помогала накрывать столы, не присела ни на минутку, работая за официантку. И я постоянно ловил на себе ее внимательный взгляд. И уже думал как бы оказаться поближе к ней, для начала пригласить куда ни будь в кино или кафе. Но находясь в центре внимания, так и не смог за весь вечер с ней переговорить. Да и как приблизишься то, если она все время бегаёт, меняя закуски, то вместе с другими женщинами моет посуду.

Легкое домашнее вино из вишни почти без градусов. Пьется легко, и совсем не туманит голову. Мне хорошо, жизнь прекрасна. И если я сегодня смогу переброситься парой слов с девушкой, то эта самая жизнь станет еще прекрасней. Но этим планам не суждено было сбыться. Сегодня суббота, завтра на работу никому не надо, так что вечер затянулся далеко за полночь с песнями под баян. И мне ни как не отвертеться от расспросов про войну, которую вспоминать не хочу. Я для всех герой, которому воевать просто в радость. А легкое вино сыграло злую шутку, затуманило рассудок настолько, что я сдуру рассказал про ущелье, где погиб мой взвод. И рассказал так художественно, с такими яркими деталями, что мужики угрюмо замолчали, потянулись к стаканам, а многие женщины утирали слезы. После этого праздник пошел на убыль. К двум ночи помыли посуду и по-

что все разошлись. Алена исчезла еще два часа назад, и мне остается надеяться только на вечное завтра. Но оказывается для меня еще все совсем не закончилось. Как то по особому глянула мне прямо в глаза соседка Галина, совсем еще молодая женщина, особо не выделяющаяся из остальных присутствующих. Да и что я мог выделить, если у меня перед глазами все время мелькала юная десятиклассница. Так вот она попросила помочь донести стол до дома. Столы собрали от ближайших соседей. А дом Галины даже не ограничен забором от соседей, то бишь Гориных. Через сад вышли к ней в огород, потом по узкой тропинке между картофельных рядков уже в ее сад. И наконец остановились перед высоким крыльцом. Темнота такая, что не знаю как назад выберусь. Сюда то шел со столом на плечах за женщиной.

– Ставь стол к крыльцу. Завтра по утру занесу, чтобы маму с дочкой не будить. – к крыльцу так к крыльцу. Поставил стол на землю и выпрямился. И снова глаза в глаза так, что чуть не задохнулся от волнения. Темнота темнотой, а вижу ее лицо четко, будто при свете. Женщина молчит и улыбается так, что я нахожу ее руки, сухие и горячие. И подношу их к своим губам. Она прижимает их к груди. Как бы загороживается ими от меня. Может они и преграда, но не такая и серьезная. Ведь мои ладони уже легли на бедра и вот – вот замкнуться замком за ее спиной. Она сейчас оттолкнет меня, это самое разумное, самое правильное. Ведь мы фактически не знаем друг друга. Все катится наперекор логи-

ке. Голова женщины качнулась ко мне и ее лицо так близко, что мне не остается ничего другого, как коснуться губами ее губ. Губы, как и руки, сухие и горячие. И я, еще ожидая оплеухи за наглость, закрыв глаза, целую эти губы все крепче и крепче. И они открываются, а ее язычок касается моих губ, заставляя замереть от наплывшего желания. Никогда не думал, что это может быть таким ошеломляюще приятным. Не замечаю, что руки женщины обнимают меня. Оторвались друг от друга лишь затем, чтобы отдышаться. Я не отпускаю ее. Не верю своему счастью, еще боюсь, что все может прямо сейчас вот так и закончиться. Уйдет и все. И чтобы этого не случилось, снова привлекаю женщину к себе, снова нахожу ее губы. Галина нежно, но настойчиво упирается мне в грудь ладошками.

– Подожди, не спеши. – от ее шепота чуть не схожу с ума. Не отпуская ее рук, иду за ней в конец двора. Летняя кухня просторная и теплая. А широкая кушетка создана для нас, для любви. Торопливо и жадно раздеваю женщину, а она, счастливо смеясь, гладит ладошками мои щеки, волосы, шею. Бархатистый животик, маленькие, упругие груди и все. Мы замерли на мгновение, слившись в одно целое, и бешено взорвались впиваясь друг в друга. И когда это закончилось, когда отдышались слегка, не расцепляя рук еще лежали наверно целый час, согревая друг друга телами.

– Не могу поверить в случившееся. Вот это подарок не по чину. – Галина смеется тихонько.

– Почему не по чину то? Молодой, красивый, да еще герой.

– Серьезная, красивая женщина. Я честно поверить не могу в случившееся. Неужели я тебе так сильно приглянулся?

– Нашел серьезную. Пацана соблазнила. Разве это трудно. Пожалела я тебя просто. Я ни о чем таком и не думала пока ты про это страшное ущелье не рассказал. У меня муж через неделю – другую возвращается с заработков. В Тюмени на буровой горбатит. Два месяца через два.

– А если он про это узнает?

– Не знаю, раньше у меня такого не случалось. Да и как он узнает, если мы ему сами не расскажем.

– Я не про нас. Вдруг соседи что заметят.

– Не переживай, у нас в чужие дела не лезут. Потому как соседи хорошие. Надо идти мыться, а не хочется, пригрелась.

– А где мыться?

– Баню днем топила. Вода еще теплая.

– Давай еще полежим. Мне так хорошо с тобой.

– Мне тоже. От тебя такое тепло. А я очень не хотела, чтобы ты с Аленкой связался. Видела как ты на нее смотрел то. Она девчонка видная, красивая. Вот только тебе не пара.

– Не достоин местной красавицы.

– При чем тут достоин не достоин. Злая она. Как и ее мамаша. Поедом мужика заели. А тебе это надо? Лети к себе домой в Сибирь, к маме. Там и встретишь свое счастье. А тут

тебя одни проблемы ждут. Поверь опытной женщине.

– Какая уж Алена, если ты рядом. Мне кроме тебя никого не надо.

– Глупости не городи. Я же сказала, у меня муж вот – вот вернется. Ну а пока его нет уделю тебе немного внимания. Если конечно ты будешь умным и послушным мальчиком. Будешь меня слушаться?

– Не только слушаться, но и повиноваться. – нежно целую женщину. Она прижимается ко мне всем телом сильно – сильно. И мы снова уносимся далеко – далеко в любовь.

В понедельник вместе с командиром съездили в Москву, где я получил в Генштабе причитающиеся мне деньги. Вышла совсем ерундовая сумма в сертификатах. В общей сложности один месяц зарплаты лейтенанта. Не сказать чтобы сильно расстроился, я на это примерно и рассчитывал. Просто настроение упало ниже плинтуса. Обидно очень. Тем же афганцам прут всего без меры, не жалея. Кормим всех кого не попадя, этот долбаный социалистический лагерь. А своим лишнюю копейку дать удавятся. Уроды конченные.

В том же ГУМе, в валютном отделе купил кожаную короткую курточку. Мелкие подарки: духи – косметику, и денежки мои боевые закончились. Курточка дорогая, турецкая, из мягкой телячьей кожи. И модно, и носить долго буду. Таких вещей в нашем городе раз – два и обчелся. Я и думать не думал, что пройдет всего пять лет, и в такие кожаные куртки оденется вся Россия. И вместе с кроссовками,

трикухами с яркими цветными лампасами, станут и визитной карточкой, и официальной одеждой бандитов – рекетеров. А еще мечтал телевизор японский под видик купить. Небольшой, всего на четырнадцать дюймов. Но это оказалось из области фантастики.

Время летит мгновенно. Я бы еще остался, но Галина категорически против.

– Пойми меня правильно. У меня семья, муж, и я ничего не хочу менять в своей жизни. Да и мужа не было бы, разница в возрасте у нас большая. Мне в октябре тридцать четыре стукнет. А тебе только двадцать исполнилось. Я и так плохо поступила. Измена она и есть измена. А так за недельку – другую приду в себя. Отдышусь от нашей любви неземной. – улыбнулась ласково, прижалась нежно, и я готов жизнь отдать за эту женщину.

– А тебя дома девчонка не ждет случаем?

– Случаем нет. Как то не получилось.

– Ну это дело поправимое. Я вижу ждет тебя любовь большая.

– Как это видишь?

– Вот так и вижу. Прабабушка у меня из цыганок. Вот и мне кое что от нее передалось. Гадаю иногда.

– А мне не погадаешь? Интересно как то.

– Не погадаю. Зачем тебе будущее знать. Оно и так придет, не задержится. А вдруг плохое нагадаю. Как с этим жить то? И ты сам никогда на эти гаданья – предсказанья не ве-

дись. Живи как живется, не думай о плохом и все будет хорошо. – моя Галочка смеется, ее руки нежно ласкают, снова и снова будоражат меня. Я ее буду помнить всегда. Настоящие женщины встречаются очень и очень редко. И что удивительно, все мои любовницы с именем Галина, будут самые горячие в постели.

Уже пять часов в полете. Вот команда всем застегнуть ремни, идем на посадку. До нее где то сорок минут. Все пассажиры еще спят и можно не тащиться в туалет переодеваться. Зачем парадную форму по туалетам таскать. Открыл сумку. Разложил на соседнем кресле китель. Скинул камуфляж, натянул галифе, офицерские хромовые сапоги. Камуфляж и ботинки с высоким берцем аккуратно сложил в сумку. И только тогда одел китель. На котором справа рубиновым блеском скромно и солидно отсвечивает орден: «Боевая Красная Звезда». Слева две медали: «За Отвагу» и «Боевые Заслуги». Не знаю почему, но я стесняюсь этих наград. Вот и по Москве проходил в основном в камуфляже. Наверное не привык, что на меня очень уж пристально обращают внимание. Но в родной город я просто обязан прибыть в полном параде. Ведь меня будет встречать мама. Кстати, когда пойду в военкомат становиться на учет, у меня на груди вместо наград будут орденские планки, к которым добавлю еще нашивку за ранение.

Самолет коснулся полосы, резкое торможение вдавило в кресло. И вот уже не спеша катит к аэровокзалу. Встали

всего в ста метрах от него. Подали трап. Пора. Сдерживая волнение, затягиваюсь офицерским ремнем. Мне уже можно такое нарушение формы. Берет на глаза, сумка в руках. Кажется, что сердце стучит оглушительно. Чего это я так трясусь? Не понять. Ведь буквально десять минут назад был спокоен, почти апатичен. А вообще-то не каждый день прибываешь домой после двух лет разлуки. Медленно, ужасно медленно тянется народ по проходу на выход. И пока я бреду в этом потоке, все пялятся на меня, как на какое то чудо. И мне кажется, что смотрят откровенно и нагло. Может сверкаю, как новогодняя елка? Если честно, то на мне многовато блестящего. Надо бы оставить только парашютик десантника и все. А то точно на клоуна похож. Явное внимание меня снова угнетает, возвращая плохое настроение. Но вот и выход. Девушка – стюардесса ласково улыбнулась, и своей доброй улыбкой сняла раздражение, вернула радость жизни. А что грустить то? Через пять минут увижу маму и всех родных. И уже с легкой душой сбегая с трапа. Спешу, широким шагом обгоняю пассажиров. Среди встречающих сразу увидел маму, сестру с детьми и мужем. Увидели меня, машут. И я им, сорванным с головы беретом. И все ни как не пробиться сквозь толпу встречающих. Еще чуть-чуть и я в объятиях, маминых слезах. На нас смотрят, многие женщины в толпе утирают слезы. Как в песне, радость со слезами на глазах. Боже, спасибо тебе, что я прибыл на собственных ногах, а не на инвалидной коляске. А еще того хуже,

в цинковом гробу. Эта страшная мысль мелькнула и исчезла, уступив место радости и счастью.

Как хорошо когда тебя любят, когда тебе искренне рады. И стол ломится от блюд и закусок. Еще бы ему не ломиться, ведь сын вернулся не просто из армии, а с войны самой настоящей. Вернулся живой и здоровый. Вот только глаза у него почему то не совсем веселые. Даже тогда, когда смеется. И вид уж очень усталый. Как у человека прошедшего очень длинный путь. Но это пустяки, он уже дома. А под родной крышей быстро забудет все плохое и страшное.

Два дня праздника пролетели в одно мгновение. Пора и военкомат посетить, на учет встать. Пока проснулся, помылся – побрился, заменил награды на кителе на орденские планки, уже и обед наступил. Парашутик с цифрой пятьдесят оставил. Это самая заслуженная награда. Хоть и нет у меня такого количества прыжков, но какая разница. Ведь двадцать пять кровных заработал. Мама сначала была категорически против смены наград на скромные знаки отличия. Но вдруг успокоилась и согласилась, когда я сказал, что это мол за доблесть воевать в чужой стране непонятно за что. Без наград почувствовал себя спокойно и уверенно. Мне нравится моя форма, и моя принадлежность к десантному войску. На улице почти печатаю шаг. Хотя строевой в моей службе было совсем немного. И пацанва сглатывает слюни от зависти. Да и те кто постарше без внимания на оставляют. А это еще больше поднимает настроение. Город совсем

не изменился. И ему точно плевать где я был эти два года. Он стоял и будет невозмутимо стоять, не вернись я вообще на его улицы. В военкомате все быстро и буднично, а на часах всего три дня. Можно ехать домой. Но сегодня по летнему теплый день, хотя в конце августа в Сибири осень явно дышит прохладным ветерком. Прогуляюсь по городу в форме, когда еще ее придется одеть.

Прошелся по центру. Зашел на рынок, в два – три магазина и вышел на набережную. И пошел по ней совсем немногочисленной. И когда оказался напротив гостиницы «Интурист», внимание привлекла красочная вывеска ресторана. Вот куда мне надо. Вот мой первый шаг в гражданку. Если я сейчас пробьюсь в элитный, самый крутой бар города, кстати в котором никогда не был. Как и в других подобных. То это станет моей первой победой в мирной жизни. Как говорил мой командир майор Кречет, большая победа складывается из множества маленьких. Главное победить себя, обстоятельства, и еще черт знает что. И только тогда придут простые жизненные достижения, большие победы. То будь поступление в институт или хорошая работа. А может быть встречу и покорю очень красивую девчонку. Так вот надо прямо сейчас преодолеть неизвестно откуда взявшуюся робость и шагнуть в это здание из стекла и бетона. Войти простым солдатом, которого никто здесь не ждет. Не в пример лощеным и упитанным иностранцам. Хотя и зовется это заведение «Интуристом», но мне кажется, что в большинстве там зависают

наши. Без подготовки, сходу, в форме – это даже как то интересней. Даю себе установку: «Это мой город. Он для меня, а не я для него.» А если по большому счету, то переступить порог этого заведения совсем не трудно. Какие проблемы, когда в кармане есть деньги. Посмотрим, что я представляю из себя в начале гражданской жизни.

А задача то оказалась пустяковой. Зря я робел и тушевался от этой иностранщины. На входе швейцара не оказалось. И пока он откуда то вынырнул, я был уже в трех метрах от бара. Молодой парняга, мордатый и сытый, начал мне толковать про законы. Мол сюда не всем и гражданским можно, не говоря уже о простом солдате. Даже попытался прихватить меня за локоть. Я в ответ вежливо улыбнулся:

– Где ты простого солдата видишь. На погоны глянь. – и слегка сжал его запястье. Мол не дергайся, все в норме. Не на того наезжаешь. К нам из-за стойки гардероба споро двинулся еще один малый, поплотнее и поспортивней. Я подождал пока он приблизится. Достал из кармана пятерку и инцидент был исчерпан. Ребятки мгновенно угомонились. Их цена пять рублей на двоих. Я спокойно пояснил, мол рюмку коньяка накачу и уйду. Так сказать за успешное окончание службы. Они в ответ тоже вежливо, ни каких проблем, сиди сколько хочешь. Сюда патрули не заглядывают. Не их уровень. Вот и решена первая задача. И уже нет ни какой робости и волнения. Продолжаю развивать успех, захожу в бар. Помещение в общем то небольшое и довольно

уютное. Магнитофон поет голосом Челентано, шторы почти не пропускают солнечный свет. В этом легком полумраке солидно отсвечивают разнокалиберные бутылки на полках бара. Но это все только для рекламы. Джина и «баккарди» думаю здесь тебе никогда не нальют, по причине его полного отсутствия. Социализм есть социализм. Стойка бара тянется почти по всей правой стороне. Перед ней нет крутящихся кресел, как показывают в иностранных фильмах. Столики на шесть человек по левой. Их всего одиннадцать, и половина пустые. Все здесь думаю заполнится через пару часов, ближе к вечеру. Надо сначала определиться с питьем. Подхожу к стойке, официантку в это время скорее всего не дождешься. Взгляд у бармена, слащавого красавца, какой-то ускользающий. В глаза не смотрит падла. Да и вообще на меня не смотрит. Как будто перед стойкой вообще никого нет. Весь такой прилизанный, в ослепительно – белой рубашке с короткими рукавами и при черной «бабочке». Униформа этой братии. Они всегда и везде одинаковые, что в Кабуле, что в Москве, что в моем родном городе. И не понимает сука, что у меня есть в этом вопросе опыт. Хотя по правде сказать небольшой. Сейчас я тебя взьерошу, дорогуша. Такие козлы только силу и деньги понимают. Произношу почти ласково:

– Обслужи милейший. – с такими надо как с лакеями. До них тогда быстрее доходит. Бармен то ли вздрогнул, то ли дернулся, не ожидал от солдата такого старорежимного обращения. Он думал наверное, что я буду заискивающе выма-

ливать бокал коктейля за свои же деньги. Фокусирую глаза на его переносице. Наконец то пересеклись взглядами. Понимает, если я здесь перед ним, не задержан швейцаром, то дело явно не чисто. Повторяю уже командирским, твердым голосом:

– Так будешь обслуживать или как? – наконец то созрел, решил в бутылку не лезть. Осторожность взяла свое. Хотя ох как не хочется выглядеть слугой перед каким то солдатом. Эх, Богом проклятые времена. Когда вот такие бармены, официантки и деляги из автосервиса чувствовали себя хозяевами жизни.

– Что будете? – вот так то лучше. Я не ожидал что мальчонка на Вы ко мне обратится.

– Сто пятьдесят армянского три звездочки и бокал апельсинового сока.

– У нас сок только в коктейлях.

– Знаю, но тебя просит солдат вернувшийся с войны. – звучит конечно напыщенно, по театральному. Но всю эту фальшивую театральность скрашивает червонец, мягко выскользнувший из моей руки.

– Сдачи не надо. – тогда десятка еще была козырной купюрой. Ведь самый дорогой коктейль стоит в этом баре пять семьдесят. У парня реакция мгновенная. Наливает коньяк и сок, который и в Москве дефицит страшный. Забираю бокал и пузатую, широкую рюмку. Оглядываю столики, куда бы приземлиться. Мне не нужна компания. А полностью

пустой только один. Прохожу к нему. За соседним компания: три парня и две девушки. Сесть придется к ним лицом. Солнце хоть и через штору, а по глазам бьет. Ладно, это пустяки. Место общественное, надо мириться с такими мелочами. Кстати, этот кабак мне может понадобится на будущее. Возможно через него выйду на нужных людей. По крайней мере попытку сделаю, коли я здесь. А где еще завязывать нужные знакомства? По логике именно здесь должна быть специфическая как клиентура, так и те кто эту самую клиентуру обслуживают. Это конечно только предположение и не больше. Пройдет время определюсь с этим, все прокачаю. У меня своих денег где то пятьсот с лишним. Еще у мамы две три сотни можно будет перехватить. Вот на эти монеты надо успеть все прокрутить. Тянуть нельзя, По ноябрю вернется корешок новосибирский, и тогда расклад будет совсем другой. Тем более что пацан сам не против «попыхать». За сентябрь в этом кабаке примелькаюсь, знакомыми обросту. А сегодня для начала пообщаюсь с гардеробщиком и швейцаром. Не может быть, что бы они были не при делах. А пока глоток за успешное возвращение в родной город, за быстрое вхождение в гражданскую жизнь. Откинулся в мягком и удобном кресле. Все совсем не плохо, и жизнь штука в общем то прекрасная. Как этот мягкий и ароматный коньяк. Хотел еще помечтать, как через пару месяцев сделаю энную сумму и куплю «Жигуль». Но не успел, встретился взглядом с девушкой за соседним столиком. Она глаза сразу

отвела, а я почему то подтянулся и сел чуть ли не по стойке смирно. Не знаю куда руки девать. Вцепился двумя руками в фужер. Жаль что не курю, был бы хоть при деле. Ее глаза меня загипнотизировали. Симпатичная смуглянка, красота которой сразу не бросается в глаза. Не в пример яркой соседке, крашеной блондинке. Место неудачное. А может наоборот? Ведь мои глаза постоянно притягиваются к ней. очередной глоток коньяка еще на градус поднимает настроение. Надо допивать коньяк и уходить. Если это не сделаю прямо сейчас, то зависну тут надолго. Опыт есть, в афганских чайханах просиживали часов по пять. Блондинка сидит ко мне в профиль. Прямой аккуратны носик, полные губы. Красивая однозначно, но взгляд почему то на ней не задерживается. Мой нескромный интерес не остался незамеченным мужской половиной компании. Видно слишком уж страстно я сверкаю очами в сторону их дам. А кому такое понравится? Не стоит лезть на рожон. Не твое оно и есть не твое. Но кажется все уже двинулось независимо от меня. Один из парней, самый старший, насмешливо бросил в мою сторону:

– Садись к нам солдатик. Коньяком угостишь. – а в голосе явная угроза. Мол не твое, не лапай. Вид у него далеко не интеллигентный. На гопника смахивает конкретно. Такой весь из себя приклатненный.

– Откуда у солдата деньги на угощение?

– Нет денег, мы угостим.

– Спасибо. Я уж как ни будь на свои.

– Ну если так, то и в нашу сторону не пялься. – а темненькой наш разговор не нравится. Голову опустила. Она украшение этой компании. Правда и очкарик выделяется статью, и породистым видом. Я больше перед этими двумя свой гонор показываю. Глупый и ненужный. Коньяк сделал свое дело, я закурил удила.

– Это совсем не ваше дело, молодой человек, куда мне пялиться, а куда нет. – мои слова опустили товарища. Ведь я с ним, как с сопляком. Насмешливо и в упор смотрю на парней. Коньяк играет во мне, и не их дело учить меня. От недавнего благодушия не осталось следа. В душе зреет раздражение. Прав был московский психотерапевт, нельзя мне пить. Понимаю, надо встать и уйти, но взгляд черных глаз прибил меня к креслу. А товарищ не унимается.

– Пялься куда хочешь, десантник. Только здесь тебе не армия, рога быстро обломаем. – звучит слишком грубо и примитивно. Интересно, а почему именно он взъелся. Для девушек он явно староват. Наверное самый крутой среди них.

– На все воля Божья, дорогуша. – еще демонстративный плевок в его сторону. Пру на рожон конкретно. И все из-за этих черных глаз. Парни явно подобрались, напряглись. Да и мне не мешало бы остыть. Зачем неприятности в такой хороший день. Мой первый командир всегда учил, не уставая повторять: выдержка и еще раз выдержка. А девчонка то мне понравилась. Она изредка тоже на меня поглядывает. Это снова замечают ее спутники, и они уже вот – вот начнут

действовать. А победит тот, у кого нервы крепче. А мои истрепаны конкретно. Хватит судьбу дрочить. Все правильно, нечего к людям лезть, зариться на чужое. Забираю рюмку с бокалом и пересаживаюсь за три столика от компании. Чужая девчонка и есть чужая. Приводи свою и любуйся сколько влезет. Два солидных мужика за столиком не против, чтобы я подсел к ним. Допиваю коньяк и настроение снова улучшилось. Бармен снова включил магнитофон. Проникновенный голос Челентано, на душе полная умиротворенность. Ан нет, все норовлю повернуться в сторону черноглазой. Вот зараза, все пытаюсь на чужой каравай рот разинуть. Допиваю сок и не знаю что дальше делать. Надо бы уходить, а не хочется. И не в этой ли незнакомке все дело? Решаю еще посидеть. Беру еще сто грамм коньяка, но уже без сока. Я сел, а компания поднялась, уходят. А она то глянула на меня, проходя мимо. И я ей улыбнулся, слегка качнул рюмкой, мол за вас пью незнакомка. И что самое главное, она мне тоже улыбнулась. Вот и разрешилась проблема самой собой, тихо и мирно. Надо допивать и тоже уходить. Мужики за столом говорят о чем то своем, тихо. Им нет дела до меня, а мне до них. Спокойная обстановка расслабила, не хочется двигаться, ни чем «грузиться». Хотя надо маме позвонить, чтобы не волновалась. Я правда предупреждал, что может по друзьям – одноклассникам пройду, покажусь во всей армейской красе. Допил, вышел в фойе и пока говорил по телефону, встретился взглядом с официанткой, выпорхнувшей из зала. От-

куда уже гремела музыка. Что-то в ее лице грузинское, а волосы русые, густой копной уложены в замысловатую прическу. Говорю по телефону, а сам люблюсь женщиной в строгом темном платье и белоснежном кокетливом фартучке. Прямо школьница, но уж с очень по-женски роскошной фигурой.

Покинуть ресторан мне было не суждено. Швейцар разговаривает с этой русоволосой, милой женщиной. Он и окликнул меня, дружески улыбнувшись:

– Что так быстро уходишь, вечер еще весь впереди. – официантка так глянула, что у меня аж руки задрожали. И кажется, что я в ее взгляде прочитал все и даже немного больше. Она меня поняла и просчитала в одно мгновение. Хотя чего там просчитывать то, если все на мне крупными буквами написано. Улыбнулась ласково и поинтересовалась:

– А не хотите поужинать, товарищ солдат? Я вас за лучший столик усажу.

– Конечно хочу. Какой солдат не хочет. – от выпитого коньяка я смел и решителен. Она смеется моей грубоватой шутке.

– Ну если даже так, то пойдем скорее. Отведу тебя в мир блаженства. Кстати, как зовут – величают? – пытаюсь отвести взгляд от ее высокой груди. А она видя это, все поправляет свой белый кокетливый фартучек. Поправляет так, что эти волнующие женские прелести еще резче выделяются под обтягивающим платьем.

– Дмитрий Викторович Боровиков. – сказал и застеснялся

своей такой официальности.

– Для меня ты просто Димочка. А я Ольга. Муж Оленькой называет. – ее горячая рука захватывает мою ладонь. И я безропотно иду за ней в зал, который пуст больше чем на треть. Столик у окна и довольно далеко от эстрады. Музыка не будет бить по ушам, а танцующие наткаться. За ним мужчина и женщина средних лет, которые явно не довольны соседством с солдатом. Официантка на их недовольство внимания не обращает.

– Что будешь пить – есть?

– Я с коньяка начал, им и закончу. Принеси бутылку армянского. И пожалуйста закрытую. Сам открою.

– Ты такой недоверчивый. Обмана боишься?

– В Афгане мы пили то, что сами выбирали. В заводской упаковке. И никогда не пили в одном месте два раза подряд.

– А ты из Афгана? Говорят там настоящая война идет.

– Правильно говорят. Но давай сегодня не будем об этом.

– Думаешь у нас будет еще время на разговоры?» – опять улыбается ласково и многообещающе. Так ласково, что хочется прямо сейчас ее обнять и зацеловать. Она поняла меня, посмотрела зазывно и снова провела руками по груди и бедрам, как бы одергивая платье.

– Просто уверен.

– Слышал бы мой муж, убил бы нас обоих. – к коньяку заказал еще шашлык. Фрукты и сок на столе, за которые автоматом высчитают. Пока хватит. У меня с собой сотня.

Пятерку отдал швейцару с гардеробщиком. Десятка бармену. Потом еще пять за повтор. Остаток вполне приличный. Правильно сделал, что целую бутылку заказал. А то вместо армянского какой ни будь гадости подсунут. Что не выпью, с собой заберу. Думаю в тридцатку вполне уложусь. Хотя что-то крутовато начал гулять.

Рассчитался сразу. Оленька счет не выписывала, назвала сумму в тридцать семь рубликов. Однако. Сто грамм коньяка по меню два семьдесят. Даже если округлить. Пятнадцать получается за бутылку. На пять рублей шашлык. Ну еще на пять там соки, фрукты и салат из помидор. Отдаю сорок, сдачи не надо. Официантка улыбается ласково и нежно. А что ей не улыбаться то. Нагрела почти на червонец, если не больше. Но это все думаю окупится. Просто уверен, что не последний раз с ней видимся. Фигурка у нее просто улетная. Надо и сегодня попытку сделать.

Официантка ушла, а я оглядываю зал. Опаньки, а компания то из бара тоже тут. И всего то через два столика от меня. Сразу не заметил, видно в это время меню изучал и пялился на Оленькины формы. И девушка черноглазая сидит лицом ко мне. Вот это да. Может быть судьба? Попробую по ходу вечера пригласить на танец. Хотя выплясывать в форме как то неудобно. А то что ее спутники занервничали, есть не совсем хорошо. С такой братвой нельзя расслабляться. Главный у них этот самый крепыш белобрысый, который со мной в баре речи вел. И он кажется кавалер этой черногла-

зой. Потому как очкарик с широким разворотом плеч больше с блондинкой общается. Все что-то ей на ушко шепчет. А третий у них сам по себе. Знает что только пьет и ест, ни на кого не обращая внимания. Нет, на меня пару раз зыркнул. И так посмотрел, как будто я ему должен. Его лицо, как говорят сатирики нынче, абсолютно не обезображено интеллектом. Явный гопник из подворотни. Смотрите, не смотрите, а я сам по себе. Гуляю и пью на свои. И девочку вашу попробую закадрить. Понимаю, что это не очень правильно с моей стороны. Но ничего поделать не могу. Запал я на нее очень сильно. Так сильно, что и официантка с пятым размером груди меня уже не сильно волнует. Как я понимаю, судьба дает мне шанс, и я его использую однозначно. И даже очень хорошо, что у ребят вид бандитский, это мне заранее предупреждение. И с этого момента я в полной боевой готовности. Хотя про готовность только слова и понты. Ведь уже выпито прилично, и надо хотя бы больше не прилаживаться к рюмке. Голова вроде бы как разумно «варит». А пока я при полной, как мне кажется разумности, начну действовать по своим правилам. И при первой возможности приглашу девушку на танец. И не надо стоять у меня на дороге. Ведь на сегодня я еще солдат, и солдат не плохой. И самое неприятное для вас ребятки, что я до сих пор мыслю по-боевому. И к этим, как мне кажется разумным и трезвым мыслям, прибивается еще одна. Которая на данный момент самая что ни есть трезвая. Что-то я резко начал. Всего тре-

тий день как прибыл, а делаю все не по плану. Вот и сегодня ушел из дома еще днем, а сейчас уже вечер. И чувствовал по голосу мамы в телефоне, как она за меня переживает. Бойтсся, что сынок запьет – загуляет. Ведь что и говорить то, с войны вернулся. Я все понимаю, и совсем не прочь быть хорошим сыном. Но на этот момент вот эта черноглазая девчонка главное для меня всего на свете. Может это коньяк заставляет меня фантазировать? Пусть будет даже коньяк, ничего страшного, разберусь со временем что к чему. А пока смотрю на нее и на душе радость предстоящего праздника, долгожданного и волнующего. Мне хочется петь и смеяться. И это я, закаленный в горах Афгана воин. Выходит, что в мирной жизни я еще пацан пацаном. Пацан то пацан, а отлично понимаю, что мне нужна вот именно такая девчонка, а не женщина. Я еще не любил, и очень хочу испытать это незнакомое чувство. У меня было три женщины. Галину, соседку командира, с которой был совсем недавно, помню и помнить буду долго. Но это не любовь. С любовью я еще не сталкивался. А может многие с ней не встречаются, и я один из этих многих? Опять же, заехал к командиру на пару деньков, а пробыл больше десяти. До сих пор маюсь воспоминаниями. Не выгони она меня, так наверное и не смог бы оторвать от взрослой женщины, красивой и страстной. Ее горячее тело, наши напролет бессонные ночи, мне снятся постоянно. И вот в этой девчонке есть что-то от той подмосковной женщины. Что-то неуловимое их сближает, а вот что

не пойму. Вот и думай где любовь, а где просто постельная страсть.

А вечер тем временем набирает обороты, закручивается бесшабашное хмельное веселье. Разогретый спиртным народ, под громкую, непрекращающуюся ни на минуту музыку, отплясывает азартно. Алкоголь вытеснил из многих природную робость и толкнул на такие поступки, что на завтра, на трезвую голову многие будут краснеть, вспоминая как они отплясывали и чудили. И со мной коньяк может сделать подобное. Ведь я уже влил в себя приличную дозу. Но совсем не хочу, чтобы мной командовала водка, хочу осмысленных действий. И в этом ресторане я не отдыхаю, а на пути к своей пока еще очень далекой цели. А потому просто обязан быть в полной боевой готовности. Значит больше не пью, мне сегодня уже хорошо и без алкогольного допинга. Да еще знаю из своего небольшого опыта хмельных возлияний, что на завтра после пьянки мне станет по настоящему плохо. Проблемы, плохие мысли и всякий разный негатив удвоится, а то и утроится. Черная хмарь накроет душу, и обязательно вспомнятся погибшие пацаны. Так что решено, на сегодня с коньяком завязываю. Настраиваюсь на главную цель. Обязательно приглашу девушку на танец. Как только объявят медленный танец, что-то наподобие танго, сразу сделаю попытку. И как назло все время играют зажигательное. А скакать в форме я не смогу однозначно. Не представляю, что могу оказаться лицом к лицу с ней. Увидеть ее глаза близко –

близко. А проводить ее – верх моих мечтаний. Я уже съел и салат, и шашлык, и теперь в ожидании танца хрумкаю яблоко. Вернее не хрумкаю, а очень даже интеллигентно режу на дольки ножом.

И вот наконец объявили какой-то Ниночке от друзей – однокурсников аргентинское танго. Пора: пан или пропал. Волнуюсь больше чем перед дальней разведкой. И если не встану и не подойду к ней сейчас, то уже не смогу решиться на это до конца вечера. И этот день станет для меня днем упущенных возможностей.

Встаю одним из первых, чтобы никто не успел опередить. Иду между столиками и все пялятся на меня, как на диковинку. Я тут белая ворона. И моя героическая форма десантника совсем не вызывает у окружающих уважения. Тут совсем другая шкала ценностей. Я рядом с девушкой. Стою перед ней по стойке смирно. И уже уверен, она не откажет мне в этой малости. Когда шел, смотрел на нее. Она смотрела на меня. И обращаюсь только к ней. На ее спутников ноль внимания. Кстати, не очень правильно с моей стороны. Вежливость – она и в Африке вежливость.

– Разрешите пригласить вас на танец? – мне кажется, что мои слова прозвучали неестественно высокопарно. Девушка молча встала, и я мгновенно отодвинул ее кресло. Мы идем к эстраде. Почти на другой конец большого зала. И снова все смотрят на нас. А я уже не обращаю ни на кого внимания, поддерживаю спутницу бережно под локоток. И мне немно-

го не по себе от такого всеобщего внимания. Но это длится всего секунду, и уже другие пары поднимаются с мест, и через минуту мы растворяемся среди танцующих. А еще через минуту на площадке не протолкнуться. И кружащие вокруг нас пары медленно, но неотвратимо прижимают нас друг к другу. И я с радостью чувствую, что девушка этому совсем не противится. Ее руки на моих плечах. И как бы я был счастлив, положи она голову мне на плечо. Но это из области фантастики, и нечего об этом даже думать. А вот успех надо закрепить, вдруг второго шанса больше не будет.

– Можно узнать как вас зовут? Я Дмитрий.

– Катя.

– Три дня как из армии. Сегодня встал на учет, последний мой армейский день. Завтра форму в шкаф и гражданская жизнь.

– А вам идет форма. И видно, что вам нравится быть военным.

– Не угадали. У меня и мысли не возникало, чтобы в армии остаться. Много в этом деле ограничений. А самое главное, многое от тебя не зависит. – музыка замолкла. Развиваю свой маленький успех.

– Вы не будете против, если я вас еще раз приглашу на танго.

– А почему именно на танго?

– А я больше ни как танцевать не умею.

– Хорошо. – это я все говорю, пока провожаю девушку.

Отодвинул кресло, поблагодарил, и на седьмом небе от счастья вернулся к себе за столик.

Потом были еще два танца. И в последнем я держал ее горячую ладошку в своей руке. И когда музыка оборвалась, приложил ее пальчики к своей щеке. Девушка ничего не сказала, а мое сердце рвануло радостью и счастьем. Еще танец и я уверен, что провожу Катю домой. По другому и быть не может. Но к моему величайшему сожалению, все пошло не так как я планировал. Едва я только сел за свой столик, как ко мне подошел администратор зала, вальяжный, с благородной сединой в волосах мужчины.

– Молодой человек, пройдите в фойе, там вас ожидают. – вот так номер. Интересно кому это я потребовался? Армейская привычка беспрекословно подчиняться. Иду вслед за администратором под популярный и зажигающий еврейский танец «семь – сорок». В фойе ожидает меня неприятный сюрприз. Патруль из трех курсантов авиационного училища и их командира, рослого, можно сказать дородного старшего лейтенанта. Я знаю, по уставу военнослужащему срочной службы запрещено находиться в ресторане. И совсем не оправдание, что я демобилизован. Я могу конечно послать их куда подальше, но при условии, что на моих плечах не будет погон. Я бы их сорвал, не проблема. Но они пришиты намертво. И в каждой погоне по десять бумажек достоинством в сто долларов. Надо решать дело миром, а то в комендатуре их сорвут и оставят себе на память. Старлей

сурово начинает:

– В чем дело старшина? Почему устав нарушаем? – прикидываюсь непонимайкой.

– Так я уже гражданский человек, сегодня на учет встал.

– Давай военный билет. – смотрит в него внимательно.

А там есть на что глядеть. Прикидываясь дебилом, начинаю нудеть:

– С войны только что вернулся. Дважды контуженный.

Одно пулевое. Может разойдемся мирно?

– Товарищ старшина, вам не положено находиться в ресторане в форме.

– Да знаю, но почему не сделать исключение для героя – афганца?

– А потому. В комендатуру позвонили и сообщили из этого ресторана, что солдат срочной службы гуляет, ведет себя непотребно. Так что извини, мне положено отреагировать.

– И как ты отреагируешь?

– Доставим в комендатуру. Будешь дергаться передадим милиции. – что-то тут не так.

– А почему меня просто не вывести из ресторана? И я спокойно пойду домой.

– Почему – по кочану. В комендатуре разберемся и пойдешь домой. Прошу тебя, будь разумным, не раскручивайся на срок.

– А ты старлей, бык конченный. Смотрю тебе самому очень хочется мне нагадить.

– А вот оскорблять не надо. Теперь то ты с нами точно пойдешь.

– Пойду, не переживай. Вот только кто за мой столик заплатит. Может Советская Армия в твоём лице? – озадачилась бедолага. Еще раз пытаюсь решить проблему с наименьшими потерями. Хотя в глубине души понимаю, все это напрасно.

«Давай я спорю при тебе погоны и разойдемся мирно.

«Не выйдет. За оскорбление надо отвечать.

«Все понятно. Мы сильные, упертые и нас вон как много. Так кто за ресторан рассчитается? Там у меня кстати счет приличный. Коньяк армянский пил. – патрульный отходит к администратору, видно объясняет ему ситуацию. Пытается вызвать сюда официантку со счетом, но это бесполезно. Мужик на моей стороне уже потому, что я солдат. А офицеров кабацкие не любят за скупость и мелочность. Старлей возвращается ко мне.

– Давай по быстрому рассчитывайся и выходи, если не хочешь больших неприятностей.

– Мои неприятности в Афгане кончились, козел ты потный. – морда у офицера налилась кровью. Вишь ты, молодой, а давление то шалит. Курсанты сделали вид, что ничего не слышали. Иду в зал. Обидно, уже половина двенадцатого ночи. Еще полчаса и кабак закроется. И я уже не провожу Катю. И все ни как не соображу что делать. Не могу найти рационального и здравого решения. От коньяка голова сооб-

ражать быстро отказывается. Надо по крайней мере подойти к девушке и объяснить что к чему. Ее спутники смотрят на меня с ненавистью. Но мне не до них.

– Извини Катя, но тут на меня патруль наехал. Твои спутники вызвали. Не представляешь как я тебя хотел проводить. – дальше не дает говорить крепыш.

– Че ты гонишь? Какой патруль? Топай отсюда шаровик хренов. – улыбнулся девушке и отошел от стола. Еще не хватало драку прямо в зале устроить. Тогда точно не отвертишься, и доллары в погонах гарантированно накроются. Можно уйти через кухню, но это не вариант. Патруль тогда будет торчать у входа до конца. А моя цель от него освободиться и проводить девушку. И на все про все у меня каких тридцать минут, а то и меньше. Многие посетители уже уходят.

Старлей доволен, прямо лоснится от счастья. Не понимаю зачем ему все это надо. Может от природной злобности? Скорее всего я прав, кто-то из мужской половины компании задействовал патруль за деньги. – выходим на улицу. А машины то нет. Значит служивые притопали пешком. И нам придется идти далеко за центр города. Снова пытаюсь уговорить офицера.

– Слушай, ну какая тебе радость с моего задержания. Давай мирно разойдемся. Я вам коньяк отдам. Меня девушка в ресторане ждет.

– Забудь про девушку. Тебе сегодня придется в комендантуре ночевать, афганец ты хренов. – вот сука позорная. Сей-

час я с вами разберусь. Видит Бог, не я первый начал. От полной безнадёги пытаюсь пугать совсем по дешевому.

– А ты не боишься неприятностей, старлей? Все же героя – афганца задерживаешь практически не за что. Смотри, вдруг карьера не заладится.

– Я свой долг выполняю, действую строго по уставу. – ну – ну, действуй. Мы уже отошли довольно далеко от ресторана. Еще два квартала и выйдем на главную улицу города. А там светло как днем от фонарей и ментов полным – полно. Там мои шансы уменьшаться вдвое. Хорош мусолить, пора начинать. Время поджигает. Я это место хорошо знаю. Уйти через старый город проулками не проблема. Старлей сзади, два курсанта по бокам, один впереди. Если все получится, то возможно еще и успею к ресторану. Плавно поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и точно «заряжаю» офицеру в дыхалку. Тот валится, как подкошенный. Еще бы ему не свалиться. Живот мягкий, ни какого намека на пресс. Курсант справа среагировал мгновенно, захватил шею. И тут же перелетел через мою спину, всем телом грохнувшись об асфальт. Двое отскочили явно в испуге, схватились за штык – ножи. Но нападать вроде как не собираются. Ору, брызжа ненавистью, хотя по большому счету в общем то спокоен:

– Прикончу уроды. – те в растерянности не знают что делать. Не давая им сообразить, рванул по темной улице к ресторану. У меня в запасе полчаса. Пока старлей с курсантом

очухаются, пока на центральную улицу выберутся, пока подмога прибудет, я буду далеко. Хорошо что он мне военный билет вернул. Несусь, что есть сил назад. В кармане галифе плещется коньяк. Мне кажется очень громко.

Я опоздал, света ни фойе, ни в зале нет. Дверь закрыта наглухо. Огляделся и замер от удивления. В сторонке, в тени дерева вижу красавицу – блондинку из той самой компашки. Время нет. Дорога каждая секунда. Бросаюсь к ней как к спасительнице. Она мне улыбается:

– Катя сказала, что ты обязательно появишься.

– Давай поскорее отсюда сваливать. Надо такси поймать.

– А что случилось? Ты убежал от них?

– Убежал, а что мне еще оставалось? – мы идем вдоль дороги, машем подряд всем машинам. Наконец тормознул частник на «Москвиче». Я не успел и слова сказать, как девушка назвала адрес. Это совсем недалеко, почти в центре. Тороплю водителя, надо поскорее отрываться от этого места. Подальше как от патруля, так и от милиции. Пусть патрульный запомнил мою фамилию, и не проблема навести справки через военкомат. Но это все будет завтра, а сегодня есть сегодня. Попадись я сейчас, точно ночь в камере проведешь. И вот тут то я совершил очередную ошибку, мне показалось что все закончилось, все неприятности уже позади. Ведь стычка с патрулем вылезла на первый план, как главное событие. Она заслонила на мгновение собой все остальное, в том числе и черноглазую девушку Катю. Весь из себя

гордый, ведь я такой крутой и смелый, и к тому же удачливый. Загордился, расслабился и накатил глоток коньяка прямо из горлышка. А хороший коньяк вещь долгоиграющая. Накопившись в организме, он долго его не покидает. Если бы не выпил последнюю рюмку в ресторане, точно бы не связался с патрулем, вполне мог бы договориться. Не пер бы на рожон, не оскорблял бы офицера. Это я все потом проанализирую на трезвую голову и сделаю выводы. А пока в пьяной эйфории пытаюсь определить дальнейший ход событий.

– Куда мы едем?

– Ко мне.

– Почему к тебе?

– Ты же хочешь увидеть Катю? А она сегодня у меня ночует. – от этих слов, упавших на душу бальзамом, стало легко и радостно. Удивительно, но у меня все получилось. Я просто счастливчик. И из Афгана выбрался живым и здоровым, и на гражданке сразу же с красивой девушкой познакомился. И снова рука тянется к бутылке.

– Давай по глотку выпьем. – отпил и передал коньяк спутнице. Та чуть-чуть пригубила. А машина уже затормозила и пять рублей вполне устроили водилу. Старый город, еще дореволюционные, двухэтажные дома. Я в этом районе бывал только мимоходом.

Широкая деревянная лестница с фигурными перилами на второй этаж. Девушка щелкает ключом. В большой прихожей горит свет. Квартира на две семьи. Комната девуш-

ки первая от кухни, рядом с ванной и туалетом. Я кстати не знаю как ее звать. Не знакомились же. Еще раз щелкнул замок и мы в комнате, которая обставлена просто и удобно. Ковер на полу и на стене. Широкая диван – кровать разобрана и застелена. Шкаф, холодильник «Бирюса» и стол дополняют интерьер. Все просто, все обычно, все как у всех. Хотя нет, японский телевизор «Фунай» на четырнадцать дюймов явно вещь не стандартная и экзотическая для нашей сибирской глубинки. Хозяйка выключила верхний свет, оставив только ночник над диваном. Бутылка мешает в кармане. Выставил ее на стол. Из нее отпито всего на треть. Руки помыть только в ванной. Вернулся в комнату, где уже накрыт стол. На блюде полукопченая колбаса, дефицит страшный в нашем городе. Хотя имеется свой мясокомбинат, а в сельских районах занимаются в основном скотоводством. Говорят все идет в Москву. К колбасе сыр, штука тоже не для всех, и яблоки. Думаю о Кате, и снова забываю спросить как зовут девушку.

– А когда Катя придет?

– Не знаю точно, но думаю с минуты на минуту. Давай пока по рюмке выпьем. – сама наливает в пузатые фужерчики. Выпили молча. Это для меня оказалось лишним. С ног я не свалился, до этого еще очень далеко. А вот ценностные ориентиры потерял. Через минуту мне стало хорошо и уютно, и все вроде шик – блеск. Хозяйка ушла за шкаф, прикрылась дверцей. Переодевается. Отчетливо слышу как щелкают

кнопки. Шуршит снимаемое платье. Сердце замирает. Хотел что-то спросить, чтобы только не молчать. А она уже появилась в пестром, шелковом халатике. Взяла чайник, полотенце и молча ушла в ванную. Халатик короткий и очень уж облегающий, прямо струится по телу. Мое сердце застучало громко и часто. Вернулась через десять минут, включила чайник. Мокрое полотенце повесила на дверцу шкафа. Мы молчим. Наконец чайник вскипел. Она наливает две кружки, достает растворимый кофе и сахар из холодильника. Я кофе почти не пью. Но как тут отказаться, когда уже налито. В него девушка щедро плеснула коньяк. И под него еще по рюмке. Язык развязывается, я не могу молчать

– А кто эти парни, что с вами были?

– Тот что в очках, такой крупный, Вова. Он самый крутой. У него папа в обкоме трудится. Он за Катей ухаживает, но пока безрезультатно. Вот и ты сегодня на его пути встал. Светлый – Костик. Они с Вовой в одном доме живут, вроде бы как друзья. У него папа тоже какая-то «шишка». А третий Степыч, бандит натуральный, из центровых. Хорошо что ты с ними не стал связываться, тут сразу бы целая кодла подвалила. Что-то Кати все нет и нет? Все Вова никак с ней распрощаться не может. – усмехнулась, и как мне показалось ехидно. Наполняет рюмки.

– Давай еще по одной, чтобы ждать было не скучно. – в бутылке чуть меньше половины. А дальше все случилось, как и должно было случиться. Допили кофе, я весь на взводе,

кровь бурлит. И когда девушка села мне на колени, я уже созрел для этого полностью. Под халатиком нет белья. А под руками теплое и податливое тело. Через секунду мы оказались в постели. Я еще подумал про Катю, а вдруг она сейчас придет. А на самом доньшке подсознания мелькнула и пропала вполне трезвая мысль: меня развели, как последнего лоха.

Проснулся резко в четыре утра. Голова ясная, все помню, на душе тошно. Понял, что потерял очень много. Все прошло по чужому, умному сценарию. Меня провели, как сопливого пацана. Переиграли спокойно и просто. Чувство потери подкинуло с постели. Надо уходит и немедленно. Но голос любовницы вернул в действительность.

– На столе коньяк. Допивай и ложись. – обернулся в ярости и замер. Женщина откинула одеяло, поглаживает открывшееся тело такими похотливыми движениями, что дыхание мгновенно сбивается. И тут же предательская мысль. Все потеряно окончательно и бесповоротно. И еще автоматически отметил, что блондинка она натуральная. Я осознаю свой этот минус. Душа отвергает, разум противится, а тело просто жаждет этого. Осознав, буду с этим бороться, и все время проигрывать. Допил остатки коньяка прямо из горлышка и снова оказался в горячих женских руках.

Минут через сорок, опустошенный и злой, лежал, не открывая глаз. Готовый вот – вот вскочить с чужой постели, чтобы это все больше не повторилось. А блондинка втолко-

ываает, как мне крупно повезло. Это надо же. Сразу после службы оказаться в постели с красавицей. Очень большая удача. Я молчу, что могу возразить. В общем то женщина права, и как любовница она на пять баллов. И мы вместе получили не малое наслаждение. Все было бы просто шикарно, если бы не одно НО в образе уже той далекой девчонки с огромными, черными глазами. Единственное что спросил, чем очень обидел любовницу:

– Кстати, а как тебя зовут? – да еще вопрос задал тоном супермена, героя – любовника.

– Очень мило. Всю ночь простонали – проохали, а он и не знает с кем.

– А ты то хоть знаешь мое?

– Не в пример тебе, дорогой Димочка.

– А ты Кате все расскажешь?

– А ты как думаешь?

– Думаю да.

– Правильно думаешь. Я от великой любви к солдату торчала полчаса у закрытого ресторана, словно проститутка дешевая. Не ты один влюблен в милую девушку Катю.

– Сынок партийного начальника мой конкурент получается?

– Ты уже не конкурент. Катя девушка принципиальная, она таких вещей не прощает.

– А ты не могла бы ей ничего не говорить? Для меня это очень важно.

– Было бы важно, не лег бы со мной в постель. И тебе не стыдно говорить такие вещи женщине, с которой еще в кровати. Еще от любви то не остыл. А я что, чурка бесчувственная? Я тоже этих самых чувств высоких хочу. – усмехнулась, но как мне показалось совсем не весело.

– Прости, но я только что со службы. Долго без женщины. А тут ты такая красивая и ласковая. Вот и не получился из меня стойкий оловянный солдатик.

– Ну и не терзайся. Оставайся со мной. Разве нам плохо было. А будет еще лучше, клянусь и обещаю.

– Прости, но ничего у нас не получится.

«Зря ты так. Очень даже глупо отказываться. Ведь получилось и очень даже качественно. Вот полежим двадцать минут и снова все начнется с охами и стонами.

– Если можешь, не говори ничего Кате. Пользы тебе больше будет. Думаю, что я тебе мог бы пригодиться в будущем. Я добра не забываю.

– Однозначно не могу. С меня Вова и центровые три шкуры спустят. Это у них легко и просто получается. А мне это надо? Да и с них я имею сейчас не хило. Откуда у меня кофе растворимый, колбаса? И это в нашем голодном городе.

– Все понятно. Не можешь так не можешь. Ну хоть адрес Кати дай?

– Тоже не могу, не положено мне трепаться. А ты что и вправду так сильно на нее запал?

– Наверное. Я же двух патрульных избил, чтобы к ней вы-

рваться.

«Понятно. Лямур значит конкретный. Это в общем то святое. Ладно, скажу по секрету. Она первокурсница медицинского института. Только что поступила. Обидно, одну меня никто не любит, только трахают с удовольствием.

– Но и ты совсем не против этого удовольствия.

– Да уж. Скажи, а почему ты на меня в ресторане не запал? Я же ни сколько ее не хуже.

– Я с детства белокурых женщин, таких как Марлен Монро обожаю. А кого обожаешь, того и опасаясь, если не сказать боишься. Я на тебя глаза боялся поднять.

– Мудрено врешь, а все равно приятно. И за это спасибо не отделаешься. Давай еще раз все повторим. Кстати, меня Зоей звать. – нерешительно положил руку на ее мягкий и такой нежный до бархатистости животик. Женщина закинула мне руки на шею, обняла и жадно прильнула всем телом. – вот дела то. Это оказывается сильнее меня, всей моей хваленной силы воли.

На улице я оказался в восемь утра. Зое на работу к девяти. Утро хмурое и довольно прохладно. До дому мне далеко, но я иду пешком. Надо привести мысли в порядок. Злюсь и психую. Ну почему у меня все ни как у людей. Задаю себе этот вопрос наверное уже в десятый раз и не нахожу ответа. Мог бы просто пойти в ресторан, познакомиться там с этой белокурой Зоей. И все было бы у нас все как у всех. Подружили бы недельку – другую. А там и в постель. Пожили пол-

года и расписались бы. Вот вся и недолга. А сейчас в душе сумбур и разруха. И любовница понравилась, и другая перед глазами стоит. И взгляд ее осуждающе – презрительный прямо чувствую. Надо прекращать с пьянкой, а то виденья в моей контуженой башке пропишутся на постоянку. Мне дело надо делать, впрягаться в работу. Ведь я планирую выйти в большие люди. А пока делаю такие ляпы, от которых до провала всего один шаг. Попади я этой ночью в комендатуру, с меня бы точно погоны сорвали бы, оставили себе. А в них две штуки «зеленю». А это считай «Жигуленок» свежий с рук можно купить. Про машину я мечтал еще с самого начала службы. Мне и сейчас кажется, будет машина — будет все. Ладно, хорош этим терзаться. Все прошло и ладно. Вот только на будущее надо выводы сделать и не дробить судьбу понапрасну. И так уже сколько раз на краю был.

Мама довольна что я трезвый. Много ли родителям надо. Кормит завтраком, наливает стопку водки, от которой я отказываюсь. Опять же ей на радость. Прилег на диван и отрубился. Оказывается последние сутки были довольно светлыми, ведь никогда днем не спал. Проснулся в два часа дня. Открыл глаза и сразу вспомнил вчерашнее. И настроение плохое, и на душе тоска – печаль. Сон четко помню. Приглашаю Катю в ресторане на танец, а она головой качает, мол нет. Хочу ее за рук взять, а она ускользает. И вообще на меня не смотрит. А вот Зоино лицо в деталях вспомнить не могу. Льняные волосы все собой заслоняют, мягкий бар-

хатный животик и такая же мягкая грудь, в которую так приятно уткнуться лицом. И сразу желание пронзает. Я ее хочу и очень сильно. И знаю наверняка, что никогда больше там не появлюсь. Все у меня не по человечески. Все не так как у всех. А может я не такой как все? Ведь вышел из афганской мясорубки почти без потерь. Почему меня жизнь кидает в такие заковыристые ситуации, что потом приходится терзать душу воспоминаниями. И бархатный живот любовницы, его такая желанная мягкость, сразу напомнили живот иностранки, которая попала в кровавую переделку и подствол моего автомата. Но до этого успела пальнуть в меня два раза из тяжелой «Беретты». И с расстояния всего то в пять метров, пока я не приблизился вплотную. Мое счастье, что она не умела стрелять. А глянув в мои глаза и черный зрачок автомата, мгновенно упала на колени и обхватила руками мои бедра. Плачет и расстегивает мои брюки судорожными движениями, отрывая пуговицы. Охваченный желанием, прямо как наяву, вижу узкую тропинку огибающую скалу. Женщина на коленях, спрятала мокрое лицо в ладони, и наверное молит Бога, чтобы этим она заработала себе жизнь. И на фоне серых камней так неестественно светит белизной ее роскошный зад. Я сзади, моя левая рука жадно ласкает ее живот и упругие маленькие груди. А правая вцепилась в «Калаш», готов палить по любому, появившемуся на тропе. И Зоя, и та иностранка, совершенно разные по возрасту, по комплекции и по всему остальному. Но их сближает

одно, они удовлетворяли мужчину против своей воли. Тогда была всего минута – другая близости, смерть стояла совсем рядом. А вот на тебе, прошло почти полгода, а все запомнилось с фотографической четкостью. И пугающая мысль гремит колоколом, надо забыть про стопки, чтобы выкинуть из памяти эти навязчивые воспоминания. Завязать с пойлом раз и навсегда, тем более что у меня к этому делу нет особой тяги.

Все идет по плану. И все будет отлично. Ведь это он, Вован очкастый, как его свои называют, дело делает только на хорошо и отлично. Парень самодовольно улыбнулся. Прилег на диван. Надо расслабиться и продумать свои дальнейшие действия. Все у него шло ровно, пока на этой девчонке не зациклился. Он единственный сын благородных и очень состоятельных родителей. И не это главное. Он сам по себе не пустышка, имеет вес среди своих. Борьбой занимается, скоро мастером спорта станет. У них то народ серьезный. Самая крутая в городе «бригада». В ней крутятся все: от детей высокопоставленных начальников до обычной уголовной братии. И всех объединяет одно – место проживания, центр города. Если честно, то его уважают пока что из-за родичей. Они не последние люди не только в городе, но и в области. Да еще от того, что он серьезно борьбой занимается. Хотя в уличных стычках от его дзюдо толпе пользы нет. Он в этих разборках никогда не участвует, это не его. Умная голова на плечах посильнее и повесомей всяких там стальных му-

скул и железных кулаков. Мысли снова и снова возвращаются ко вчерашнему вечеру, который вместо того, чтобы стать праздником для души и тела, чуть не стал мини катастрофой. Теоретически все с этой девчонкой должно быть идеально. Он ее старше немного, второй курс мединститута закончил. Не гений конечно, но где то рядом. По крайней мере он человек высокого полета. Его ум и связи родителей помогут круто подняться в этой жизни. В этом уверен на все сто. А почему бы и нет, если стартовые условия ну просто идеальные. Вот только Катя не хочет это понять и трезво оценить. Не понимает своего счастья, все порхает где то в романтических грезах. А может наоборот не порхает, а трезво смотрит на жизнь и на него, претендента на свою руку и сердце. Ведь романтики в медицину не идут. Хотя какой она медик, только поступила. А вдруг она интуитивно в нем чувствует что-то такое, что ее отталкивает от него. Вообще-то чушь полная. Что может чувствовать соплячка. Если он сам в себе ничего такого отрицательного не находит. Скорее всего простая и банальная причина, старая как мир. Он ей элементарно не нравится. Это очень серьезно, если конечно все именно так. И все равно нет причины расстраиваться. Кто ее знает эту любовь? Сегодня есть, а завтра нет. Надо элементарно затащить ее в постель, а там все стерпится – слюбится. Что и говорить, а в душу она ему запала конкретно. Уже ей руку и сердце предложил, и все неопределенно, на уровне отказа. Мол не знаю, еще не готова, надо подождать. Дождусь,

пока ее кто-то другой не выхватит. Как этот долбаный десантник. В натуре колхозница, и тянет ее на себе подобных. А она родителям нравится, готовы квартиру двухкомнатную на них переписать. И быт молодых благоустроить по высшему разряду. На своей личной машине будет в институт ездить. Одни плюсы, а Катюша все ни взад – ни вперед. А вот только этот солдат появился, так щечки сразу румянцем покрылись у нашей скромницы и глазки засияли. И танцевала с ним очень уж плотно. Вовремя ситуацию прокачал и взял все под полный контроль. Патрульный офицер оказался понятливым и десятку отработал на отлично. А хорошо он соперника бортанул, грамотно и изящно. Солдат и есть солдат, все инстинкты наружу. Ему надо одно, простое и понятное, бабу. А вот Катюша сразу в любовную романтику ударилась. Надо ее до постели дожимать, это однозначно и обсуждению не подлежит. Ну что ей этот солдат предложить может? Да ничего. Нищета и есть нищета. Только с виду вся эта мишура военная, блестящая. А копни глубже, и все эти блестяшки алюминиевые, как ложки в дешевой столовке – забегаловке. А у них сразу квартира, у нее «Жигули» новенькие. Ни каких тебе материальных проблем. После института сразу в Облздрав. Не надо по больницам шибаться, с этими больными нервы трепать. А девочка она грамотная. Не зря среди центровых выросла. И претензий к ней ни каких. Сама по себе и баста. Ну просидела весь вечер в компании, ну и что? Она за себя, за эти посиделки скинула десятку.

Не в пример остальным шаровикам. Нахваталась умных правил. А что она там наела то на свой червонец? Бокал шампанского за весь вечер, яблоко и чуть-чуть в салате поковырялась. За это вообще не надо ни копейки платить. Хорошо, когда голова отлично работает. Он то ей сразу версию подбросил, которая оказалась на все сто верной. Мол этого героического воина она интересуется исключительно как женщина, и не больше. Ему все равно с какой в постель ложиться, было бы только плотское наслаждение. Все так и вышло. Вот только парень оказался не промах. От патруля проплаченного отвертелся. Добрался снова до ресторана, но немного опоздал. Но и тут его ждала подстраховка в виде белокурой бестии, которая сделала все профессионально. А он, Вован, еще и словами подстраховался, не побоялся. Сказал, если этому солдату не все равно с кем спать, то он в сторону отойдет. Не будет мешать высокой и чистой любви. А Катя то совсем зеленая в этом деле, сразу и поверила. Да и не могла не поверить. Зойка всего пару часов назад ей художественно, ярко и с деталями поведала – расписала свою постельную любовь. Как ее страстно терзал всю ночь жадный до этого самого десантник. Так красочно и реально, что Катя краснела до ушей. Так ему Зойка по телефону только что наговорила. Представляю как она на него злится. А Зойка еще клялась подруге, что он ей ноги целовал и готов хоть завтра жениться. Но это уже из области фантастики, и кроме самой Зойки никто в это не поверит. На утро товарищ прикинул

все на трезвую голову и понял, его очень грамотно «кинули». Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы не догадаться. А вот что его виды на высокую и пока что платоническую любовь равняются сейчас нулю, он еще не догнал. Ведь Катя со своими жизненными идеалами такое не простит однозначно. Но и его, Вовины шансы от этого пока не возросли. Катя не хочет и с ним встречаться. Только что бросила трубку. Но это дело времени. Теперь у него этого самого времени на встречи много будет. Они теперь в одном институте учатся. Отец обещал к ноябрю «Жигуль» на «Волжанку» двадцать четвертую поменять. А там поездки на шашлыки, походы на лыжах. Глядишь и устойчивая любовная связь, фактически брачные отношения. Жаль что она совсем не пьет, с этим бы вопрос близости проще решился. Хорошее застолье – возлиянье и дело в шляпе. Жениться по любому надо. Это и крепкий тыл, без которого никуда. И карьеры не сделаешь. Облико – морале так сказать. На следующих ежегодных соревнованиях по дзюдо на первенство города планирует мастера заработать. И это тоже хороший плюс в глазах девушки. Он ее обязательно пригласит. Выполнит он свою программу минимум и все будет отлично. А это институт, спорт, семья. Дальше все понесется – покатится по накатанной. Там уже папины проблемы двинуть сына наверх, к звездам. И неужели на одном из этих трех моментов он забуксует. Нет, такого просто не может быть. Он по жизни победитель. А этот солдатик, неожиданно появившейся

на его горизонте, уже материал отработанный. Оставшийся хоть и в недалеком, но прошлом. А видно десантник ее крепко зацепил, просто обзавидуешься. Одна надежда, что он ее сразу и крепко обидел.

Юная девушка горько рыдает, заливая слезами подушку. Ей так жалко себя, так бессовестно обманутую. На дворе поздняя ночь, а слезы все льются и льются. И неизвестно сколько бы это продолжалась, если бы не мама. Которая чутким родительским сердцем почувствовала, что с ее единственным и любимым ребенком происходит что-то неладное. Услышала в ночной тишине всхлип и мгновенно примчалась к своей дочурке. Легла рядом, прижала к себе, успокоила и услышала историю, от которой хоть смейся, хоть плачь. Какая она еще глупенькая и наивная, ее Катюша. Вот что значит воспитание в интеллигентной семье, на классических литературных образах. А в жизни то развитой социализм, как его именуют доморощенные идеологи, и Тургенев, вещи диаметрально противоположные. Вот и итог, дочь далека от простой, житейской ситуации.

– Вот глупенькая, стоит ли расстраиваться от всего трех танцев с незнакомым парнем.

– Но ты не представляешь, он весь вечер только на меня смотрел. Он и в ресторане остался только из-за меня.

– Он так тебе и сказал?»

– Нет конечно, но я это сразу поняла. Он сказал, что все медленные танцы хочет танцевать только со мной.

– А почему только медленные?

– Другие не умеет. Да и в военной форме неудобно скакать и прыгать. А еще знаешь что он сказал? В медленном танце можно обнять девушку и не получить пощечину.

– А кто он? Не представился?

– Сказал что его Дмитрием зовут. Он только что вернулся из армии. Это его последний армейский день.

– Почему последний?

– Ну как почему? Встал на военный учет и завтра он уже гражданский человек.

– А ты почему ушла не попрощавшись? Ведь как ни как, а три танца вместе.

– Не надо смеяться. Я не знаю что на меня нашло. И Владимир все время твердил, мол ему все равно что я, что Зойка. Оно и правда так получилось. Он у нее ночь провел. Да и как я могла с ним попрощаться, если его забрал военный патруль. И мне кажется, что это организовал Владимир. Если так, то это очень подло.

– На первый взгляд все так, да не совсем. Во первых, самой надо решения принимать, а не слушать советчиков. Ситуация то простая. Ничего не обещаешь, не объясняешь, и исчезаешь. Не оставив парню ни каких надежд. А тут другая можно сказать на шею вешается: красивая и безотказная. Взрослые мужчина и женщина. Результат закономерен.

– Может это все и так. Но мне не нужен парень, который так легко соблазняется.

– Все правильно, ты у меня умница. Но опять же, ты не оставила парню ни какой надежды. Не сказала что еще встретитесь. Я понимаю, если бы он попросился провожать и тут же ушел с другой. Тогда ситуация без комментариев. А так представь, весь вечер на что-то надеялся и вдруг один. И ничего ему непонятно.

– И все равно это не повод сразу цепляться за другую юбку.

– По большому счету ты права. Вдруг встретитесь снова, он же из нашего города. Вот тогда и будешь думать что к чему. Может он в твоей жизни вообще никогда не появится. А ты свое сердечко понапрасну рвешь.

– Все равно как то обидно. Зачем он так на меня смотрел? Я уже не представляю как мы можем встретиться после того, что было у него с Зойкой. Надо забыть это и все.

– Боже мой, какая ты у меня еще маленькая и глупенькая. Вот выскочишь замуж и через год будешь смеяться над всем этим.

– Прямо таки смеяться. Мне сейчас снова плакать хочется.

– Не стоят эти пустяки твоих слезок. Тем более за тобой ухаживает и уже предложение сделал очень даже красивый парень. Владимир очень хорошая партия.

– Я об этом совсем не думала, но в мыслях к этому склонялась. А вот теперь все перевернулось. Я уже себя боюсь. Это наверно ненормально. Встретились в ресторане, потан-

цевали. Парень ушел с другой, а для меня это чуть ли не трагедия.

– Не переживай, чему быть того не миновать. Кто тебе в мужья записан, тот им и станет. – Катя успокоилась, уснула, уткнувшись в теплое мамино плечо. Мама хотела встать, вернуться к себе в спальню, но боясь разбудить свою девочку, осталась. Тихо лежала, прислушиваясь к легкому дыханию дочурки. И тоже через минуту уснула, легко и без сновидений.

Зоя чувствовала себя очень неуютно. Пятьдесят рублей, полученные от Вована, душу не грели. Радости от них ни какой. Ведь сработала как проститутка, не больше, ни меньше. То что она нагадила подружке, ее не волновало. Разве они подруги? Да они друг другу никто. Да и может ли быть дружба у женщин? Они почти всегда соперницы, обычно примеряющие друга, любовника, мужа так называемой подружки на себя. Не останавливаясь и перед родной сестрой. Готовы при случае мгновенно оттолкнуть соперницу, занять ее место. Сложная штука жизнь. Ведь она сейчас элементарно завидует Катюше, ее чистоте и порядочности. Ведь никому даже в голову не придет сделать ей такое предложение, какое получила она и блестяще исполнила. Вот и пусть тоже мучается. Так ей и надо. В следующий раз будет думать своей головой. Сама должна принимать решение. Не смогла ты, получилось у другой. Если в одном месте убыло, в другом прибыло. Закон, и от этого никуда не деться. А все равно как то

не по себе и до слез обидно. Ведь за деньги легла в постель с незнакомым парнем. И почему в этой самой постели получилось все так хорошо. Для нее было бы наверное лучше, случись все наоборот. Забыла бы через день этот мелькнувший мгновением эпизод и все дела. А так, появившись ее этот новый любовник, и она с радостью и без вопросов распахнется ему навстречу. А вот появится ли он? Это большой вопрос. Хотя все возможно. Ему то тоже понравилось. Надо выкинуть это из головы. Ведь если парень и появится вновь, то придет к ней, как к обычной давалке и не больше. К девушке не замороченной высокими моральными принципами. Придет лишь для того, чтобы удовлетворить желание. Все просто и понятно. Ему и в голову не придет поцеловать ее при встрече. Вот так то, за все приходится платить. Как бы этого не хотелось. Он то уже понял главное, его подставили. И она Зоя, в этом ключевая фигура. Ну почему все так повернулось? Он ей понравился, и она совсем была ему не противна. Ведь остался до самого утра. И уже когда был совсем трезвый. Они всю страсть выпили до капли, выражаясь высоким литературным языком. Но опять это проклятое НО. Он поехал с ней в надежде, что с Катей встретиться. Ну почему так, одним вздохом, поцелуем, любовью? И непреодолимое желание ждать очередное свидание. Другим постель, обычная случка без лишних церемоний. Кто что заслужил, тот то и получает. И не получилось у нее чуркой бесчувственной прикинуться. Получала свое раз за разом. Хотя в этом плане правиль-

но сделала. Весь жар тела отдала. Пусть теперь вспоминает и сравнивает. А может он вернется? Ну хотя бы адрес Катин узнать, номер телефона. Вот тогда снова надо провести любовный тест. Который возможно перейдет в любовный марафон. Все может быть. По крайней мере она на это надеется. И захочет ли он встречи с каким то неземным идеалом, если еще раз окажется между стройных девичьих ножек. Второй раз ему оттуда не выбраться. Вот размечталась то, а вроде как раньше этим не страдала. Вот что мужики с женщинами делают. И сейчас она замирает, аж жарко становится, как вспомнит его сильное тело. Жадные и такие волшебные прикосновения в постели. А вообще-то от судьбы не уйдешь, как будет так и будет.

Этот и следующий день из дома не выходил, был хорошим сыном, хотя погода балует солнышком и теплом. Уже не лето и еще не совсем осень. Почистил и отгладил форму, убрал в шкаф, аккуратно развесив на плечиках. Сапоги с ботинками начистил до блеска и убрал на лоджию. Все, с армией покончено, начинается мирная жизнь. Хотя в этой мирной жизни нарваться на крутые неприятности моментов побольше, чем в самом гнилом и провальном боевом выходе. Что и подтвердили прошедшие сутки. Так что расслабляться не стоит. В воскресенье еще раз наведаюсь в ресторан, поплотнее познакомлюсь с гардеробщиком и швейцаром. Они как раз работают. Да и официантка Оля не последний человек в моих планах. Если я не ошибаюсь, то ее взгляд обеща-

ет много волнующего и сладкого. Что и говорить, а женщина она красивая, одна грудь чего стоит, так соблазнительно стянутая кокетливым передничком. Пройдет неделька – другая, забудутся глаза прекрасной незнакомки Кати. И снова стану простым и совсем не замороженным любовью парнем, для которого все земное родное и близкое. И у которого есть цель в жизни. И эта цель главнее всего на свете. Не говоря уже о какой-то непонятной любви. Пусть даже и в перспективе неземной. Мне надо вырваться из совдеповской нищеты и я вырвусь. Я не буду прозябать на обочине жизни. Удивляюсь, почему люди не понимают в каком дерьме они живут? И почему надо отвоевать два года, чтобы это понять, чтобы до этого додуматься?

Завтра выйду в город в полном гражданском параде. Темно – синие американские джинсы из московского валютника. Оттуда же коричневые ковбойские сапожки. Черная футболка с кандагарской барахолки. Светло – серый пуловер куплен мамой по великому благу в Центральном универмаге. Вроде и заплатили прилично сертификатами, а на деле копейки и не больше. Не представляю, вернусь я пустым, без перспективы начать денежную суету. Серая, однообразная жизнь, в которой женитьба и рождение ребенка мелькнут мгновенной радостью и счастьем. И снова серая мгла без всякого шанса на что-то яркое и большое. Видно это понимают наши мужики и потому пьют смертельно. А многие на наркоте подсаживаются. И я свой вклад внесу, подки-

ну «кайфа» страждущим. По сволочному конечно поступаю, но никто никого насильно не заставляет ни водку пить, ни «дурью» заморачиваться. И мне, если сказать честно, то их совсем не жалко. А меня кто жалел, когда я в Афгане «парил-ся»? Медальками откупились, от которых пока мало толку. А вообще это будет моей одноразовой акцией. Мне до ноября надо столкнуть весь «пластилин», пока его хозяин не появился. Половина то моя по праву, и это обсуждению не подлежит. Можно конечно не спешить и просто вернуть половину. Но это не разумно. Землячок то грешен этим, «пыхает» однозначно. Как и большинство наших, прошедших Афган по крутому. И что стоит парняге раскумариться и залететь по полной. Сам сгорит и на меня наведет милицию. А это однозначно лишнее. У меня далеко идущие планы, и я совсем не собираюсь «светиться» в самом начале большого пути. Не может быть, чтобы в главном ресторане города никто о «кайфе» не знал.

Остаток дня провел на диване с книжкой, чем очень радовал маму. Зачем ее сегодня огорчать, если завтра понадобится целый вечер, который может затянуться и на всю ночь. Ведь официантка Оленька забита в память конкретно. Матерям хорошо, когда дети сидят дома, и если выходят куда, то не надолго. Правда так редко бывает. То Отчизна оторвет на два страшных года, закинув на войну. То другая женщина бесцеремонно завладеет любимым сыночком, заставив сидеть уже у своей юбки. А сидеть мне без дела не резон.

Долг перед мамой – родиной выполнен качественно, что подтверждают награды. Теперь самое время о себе позаботиться. Ведь никто не торопится с дарами герою войны. И эти самые дары надо самому добывать. Ведь это совсем неправильно, когда от тебя копейками откупаются. И то лишь тогда, когда сам об этом настойчиво напомнишь. С этим в моральном плане у меня все в порядке. И как я заработаю на машину никого не касается. Тем более эту самую маму – родину. Пусть лучше думает о тех убитых и покалеченных пацанах, отправленных на бессмысленную войну. Она поигралась по дурному, чем не одной тысяче ребят жизнь сломала. Так что у меня есть полное моральное право себя обеспечить. О шикарной жизни я не мечтаю. Это нереально. Но и прозябать в фактической нищете не хочу и не буду. Обеспечу себя настолько, на сколько хватит моего ума и энергии. И за это я буду биться до конца, не отступлю, если даже моя деятельность будет отдавать конкретным криминалом.

В воскресенье вечером появился в ресторане «Интурист». Маме сказал, что снова собираемся с одноклассниками. И встреча может затянуться до утра. Она конечно огорчена, но виду не подает. Одноклассники так одноклассники. Чувствую, не верит она в это. Я конечно с ними встречусь, но не сегодня. У меня на них тоже определенные виды.

Я всего второй раз в этом заведении, а уже как свой. Пацаны и прикид мой оценили, и получили по пачке «Мальборо», а это круто по местным меркам. С виду я для них лучший

друг на все времена. И официантка Оленька с местом подсу-
етилась, снова у окна посадила. И все время ласково и неж-
но улыбается. Ее улыбка намекает, что очень скоро в одной
постели окажемся. Из всей этой тройки главный гардероб-
щик Миха. У него всегда цепко – настороженные глаза. Он
не из простачков, и свою тему какую то мутит в этом каба-
ке конкретно. И уже явно прокачал, что у меня к ним инте-
рес. О каком не кричат на всю улицу. Не зря я раздаю ни
с того, ни с сего мелкие презенты. К этому вопросу конечно
перейдем, но чутька позже. Швейцар с виду вроде как про-
стоват. Но опять же, простачки не прорываются в такие за-
ведения и на такие должности. Посижу, поужинаю, а ближе
к закрытию угощу ребят коньяком. Под него легче закинуть
пробный крючок, на который вряд ли они сразу клонут. Как
не крути, а меня плохо знают. Уж больно рискован мой во-
прос. А пока до этого еще довольно далеко, переключаюсь
на официантку Оленьку с ее ладненькой фигуркой и больши-
ми серыми глазами, которые меня обжигают весьма благо-
склонно и ласково. В кармане ровно пятьдесят рублей. Спе-
циально больше не взял, чтобы соблазна потратить не было.
На приличный ужин, на чаевые официантке и бутылку ко-
ньяка пацанам хватит с лихвой. С сегодняшнего дня начи-
нается работа и все подчиняется ей одной. Сам то мог и без
спиртного обойтись, но с парнями выпить придется пару рю-
мок обязательно. Меня просто не поймут и насторожатся.
Еще одно. Ресторан для иностранцев, значит и КГБ роет тут

с особым усердием. И вполне возможно, что и ребятаки стучат конторе. Надо учитывать этот вариант.

К одиннадцати вечера коньяк в гардеробной был распит на троих. Я выложил что мне надо, не крутясь вокруг да около. Мол пристрастился в Афгане к кайфовым папироскам. Соскакивать с них пока не собираюсь, да и подработать на этом не прочь. Все равно карты придется открыть рано или поздно. Парни молчат. Ни да, ни нет. Пока что ничего особо криминального. Планы и есть планы, а не действия. Для первого раза в общем то неплохо. Остается только ждать. Пора уходить. С Оленькой ничего не лепится. Получила десятку сверх счета и перестала глазками сверкать. На мое предложение проводить ее, мягко уклонилась. Она мол совсем не против, но только не сегодня. Проблемы у нее в семейной жизни. Нет так нет, думаю еще случай представится. Правда что-то в ее поведении не то. Я чего то не понимаю, не догоняю. Короче, около ноля был дома. Еще раз порадовал маму как своими трезвым видом, так и ранним появлением. Она еще не ложилась, хотя в такое время уже спит. Уже лежа в постели, в деталях вспомнил разговор с Михой. Свою просьбу достать «дури». Мол пристрастился я к этому на службе. И пока деньги есть, надо затариться этим основательно. Конкретно про количество, про видик пока не заикался. Надо получит хоть несколько доз, а там видно будет. Как стану для этих ресторанных своим, так и тайн для меня будет меньше. Мне кажется, да и по другому быть не мо-

жет, они в курсе этого мутняка. Главное, что Миха сказал, мол забегай через день другой, может что-то и наклюнется. Так что через день еще придется полтинник оставить в этом очаге разврата. Бог с ними с деньгами, лишь бы результат был. Кстати, на оставшиеся сертификаты надо купить американских сигарет на презент, лишними не будет. А коли завтра свободный день, надо посетить блондинку, может узнаю что про Катю. Хотя этот вариант рискованный, как бы снова с ней в одной постели не оказаться. Она то точно все подружке расскажет в деталях. Лучше не рисковать, начну завтра с мединститута. Выясню когда у первокурсников начинается учеба. Да и в политех надо заехать, узнать про подготовительные курсы. Пора документы подавать. А Катя крепко засела в мою голову. Так крепко, что избегаю красивую девчонку, боясь оказаться с ней в плотной связке. А может я себя просто накручиваю? И это все мои нездоровые фантазии. А почему не здоровые то? Я с ней танцевал очень плотно, близко видел ее глаза. Я не могу объяснить – понять как она на меня смотрела. Но я это запомнил, и от этого у меня до сих пор на душе не спокойно. Она мне понравилась и я хочу ее снова увидеть. Все в общем то здраво. И совсем не при чем тут моя контузия. Кстати, тогда меня и не так сильно потрянуло. Головные боли не в счет. Да и сейчас их уже нет. Это все московский невролог страху нагнал. Наслушался всякой херни и вот теперь постоянно себя тестирую. Уж больно мнительным стал. Хотя с коньяком надо поакку-

ратнее быть по любому. Он и на не контуженных со временем не очень то полезно действует. Эх, если бы не этот урод – патрульный, все было бы тип-топ. И я сегодня не маялся бы в неведении.

С мединститутом ничего не получается. Информацию о первокурсниках никто не дает. Узнал с трудом одно, пятого сентября они уезжают на месяц в колхоз копать картошку. Надо успеть встретиться с Катей до ее отъезда. Чем больше время проходит, тем у меня меньше шансов остается. Надо ускорить поиски, а для этого все же придется навестить блондинку Зою. Вариант не очень, но другого выхода не нахожу. Вполне возможно, что я зря туда лезу. Как бы не сорваться, поставив на всем этом жирную точку.

И вот получив от мамы задание съездить на рынок за картошкой, решаю заодно заехать к Зое. Ведь от рынка до нее рукой подать. Поехал к восьми утра. Так больше шансов застать ее дома. И в начале девятого позвонил в знакомую дверь. Уже подумал что дома нет никого, когда услышал тихое:

– Кто там? – не отвечая встал под глазок. Рассматривает целую минуту. Наверное думает, а стоит ли открывать. Наконец щелкнула задвижка. Удачно, с первого раза застал. А что дальше случится, будем посмотреть, как говорят в Одессе. Дверь как то робко приоткрылась, и в проеме нарисовалась хозяйка. В бледно – васильковом халатике, слегка припухшая ото сна, но уже причесанная.

– Заходи. – и пошла слегка покачивая бедрами. Закрываю дверь и топаю следом в комнату, где застаю красавицу – блондинку в постели, отвернувшуюся лицом к стенке. Хорошо что халатик не сняла, а то бы сразу накрылся деловой визит. Хотя халатик разве помеха? Можно и трахнуть, думаю она против не будет. Но тогда про Катю можно забыть навсегда. Эта мысль сразу притушила мое грешное желание. На единственное кресло брошена юбка цветастая и кофточка. Под ними наверное белье. Все сгребаю в кучу и бросаю на постель поближе к хозяйке. Откидываюсь удобно и жду, когда девушка соизволит проснуться окончательно. Так молча и просидели почти полчаса. Вернее я сидел, а хозяйка лежала. То ли спала, то ли притворялась. Наконец поинтересовалась, не поворачиваясь ко мне:

– Зачем пришел?

– А ты не догадываешься?

– Догадываюсь – не догадываюсь, какая разница. Говори, коль появился. – Зоя повернулась лицом ко мне и кажется проснулась окончательно.

– Мне телефон и адрес Катин нужен. Не смог я ее в институте найти.

– 22 – 47 – 30. Катя Муромцева. Проспект Терешковой 25, квартира 47. Больше тебя ничего не интересует? – торопливо чиркаю в записной книжке. Дело сделано, можно отчаливать. Но останавливает ее ехидный смешок.

– Может еще какие вопросы осветить?

– Ты ей все рассказала?

– Разумеется, мне же за это заплатили.

– Кто платил? Очкастый? – задаю совершенно бессмысленный вопрос, на который знаю ответ.

– Он самый. Ее жених. Еще вопросы будут?

– Да нет. Все понятно. Спасибо за информацию. А ты то за что на меня злишься?

– Я на себя злюсь. Такую красивую пару разбила. У меня сердце кровью обливается. Так мне вас жаль. – и девушка злорадно рассмеялась.

– Зря смеешься, у меня это серьезно.

– А больше не хочешь сладенького? Я не против.

– Если честно, то очень. Ты красивая девчонка. Встретиться бы нам при других обстоятельствах, мне бы лучше и не надо. А сейчас уже как есть так и есть.

– Не мудри, получим удовольствие и разбежимся до следующего раза. Я Кате ничего не скажу. Честное пионерское.

– Прости, не могу. Мне не нужны лишние проблемы. Я воевал на Востоке. А Восток дело тонкое. Может я не на много, но мудрее стал. Обман он и есть обман. Узнает о нем кто-то или нет. Да и пока мозги водкой не залиты, я себя в общем то контролирую.

– Ну коли так серьезно, тогда прощай, мудрый человек. Кате привет передавай.

– Еще одна просьба. Прошу тебя. Так на всякий случай. Был я у тебя, взял телефон, адрес и все. Ты к этому ничего

больше не добавляй.

– Твоя просьба для меня священна, любимый. А теперь освобождай квартиру. – встаю. Хватит вести беседы с женщиной лежащей в постели. У которой ворот халатика постоянно распахивается, открывая неестественно белую грудь на фоне загорелой шеи. Какого то мгновения не хватило, чтобы не рвануться к этому горячему и желанному. И последним усилием воли отворачиваюсь. Торопливо ухожу. Я помню Катю, ее глаза. Помню щекой теплоту ее ладошки. А может не это меня остановило? Мелькнула вполне трезвая и циничная мысль. А элементарная не свежесть постельного белья. И вся моя сила воли устояла только от этого небольшого штриха.

У меня есть адрес и телефон, а я весь в сомнениях, которые добавляют мне нерешительности. Встретиться бы нам лицом к лицу, было бы легче. Оправдываю свою позорную трусость. Два раза набирал ее номер и тут же бросал трубку. В конце концов решил звонить, когда определюсь с бизнесом. Оботрусь, появится уверенность. В общем нашел уловку своей нерешительности. Не думал даже, что я способен так позорно бояться. Чудеса да и только. А почему не могу подождать девушку с утра у подъезда? Если мне легче лицом к лицу. И снова оправдывающая уловка. У меня напряг со временем. На что-то конечно решусь. Но это будет не сегодня и не завтра.

Третье посещение ресторана началось с болезненного уда-

ра по нервам. Я стоял уже двадцать минут у закрытой двери и терпеливо ждал, когда Леха наконец меня заметит и выпустит. Для себя я решил, что если через пятнадцать минут такое не случится, то «заряжу» швейцару в дыхалку. Вот сука кабацкая. Начинаю психовать и элементарно не выдерживаю. Хватит, пора действовать, а то так и до ноля простою. Злюсь все сильнее и сильнее. Вот он результат последних пьянок. Завожусь по пустякам. Пнул со злостью дверь так, что стоявшие рядом такие же ожидающие бедолаги невольно отшатнулись. Но Леха и на это ни как не отреагировал. Но через минуту он все же дверь открывает, выпуская женщину. Она вышла и он тут же хотел ее закрыть снова, уперев глаза в пол. Но я уже подставил ногу под нее. Если он сейчас что-то вякнет против, сходу «заряжу» ему с правой. Чтобы знал сука, со мной такие штучки просто так не проходят. Но у этих ресторанных нюх, что у твоих легавых. Сразу просек обстановку. Почуял грозовой ветер на своей упитанной роже. Прямо звериное чутье на опасность.

– Привет. Давай проходи. – ну что на это скажешь. Учиться этому надо. И злость вроде бы как испарилась. Самое интересное, в будущем у меня никогда не будет друзей из этой кабацкой братии. Как и из автосервиса. Отталкивает меня их лакейство перед сильными и вальяжная наглость перед слабыми.

В фойе дым коромыслом, не продохнуть. Музон гремит так, что уши закладывает. Но мне не до этих мелочей, про-

шел сразу в гардероб к Михе.

– Привет, держи сигареты. Что это сегодня наш швейцар такой не внимательный?

– Ух ты, американский «Винстон». Где берешь?

– Где придется. Так что с Лехой?

– А вот и сам Леха. У него и спроси чего это он такой невнимательный. – пришел закурить. Увидел из далека, что кореш держит в руках красивую пачку. Значит не такие уж мы и слепые.»

– Что же это ты дорогой, так долго меня мариновал на входе?

– Не заметил сразу.

– Сигареты через все фойе увидел, а меня в метре от себя нет. Как это называется?

– Прости. Дергают со всех сторон, вот и закрутился.

– В следующий раз крутись в нужном направлении. А то я тебе уже хотел было в пятак зарядить. Прямо на твоём боевом посту. – оба от таких слов разом переглянулись. Давно видно с ними так не разговаривали. Чувствуют силу и не возбужаются. Сразу все на мирные рельсы переводят. У них конечно возможности в этом плане колоссальные. От местных бандитов до ментов. Но и они не знают возможностей противника, то есть меня. А коли не знают, никогда не полезут на рожон, как я вот сейчас.

– Зря ты так. Я честно говорю, что не заметил. Такое больше не повторится. Ну ошибся чуть – я тоже оттаиваю.

– Ну ошибся так ошибся. С кем не бывает. Все, проехали.

Держи сигареты.

– Спасибо за курево. Пойду к дверям, кто-то там ломится.

– Иди служи. А я пойду Оленьку отыщу. Место себе про-
бую.

– Если у нее не сядешь, я тебе столик организую через Лиду – администраторшу. Ты кстати на весь вечер или как? – он тоже на всякий случай высказывает уважение. Смотри ты, еще ничего не сделал стоящего, а уже зауважали.

– Все от тебя Миша зависит. Сколько скажешь, столько и буду сидеть. Но коньяк на троих обязательно заглотим. – я прошел в зал, отыскал взглядом официантку и тормознул ее, уже готовую нырнуть на кухню.

– Привет, дорогая. Одно место для меня на весь вечер.

– У меня пока все занято. – и тут выпендрож катит. Вот лакеи хреновы.

– Занято так занято. А может мне лучше к другим девочкам обратиться?»

– С ума сошел. Каким другим. Ты мой и только мой. Подожди минутку. Вынесу горячее и устрою. – обжигает взглядом, и у меня сердце невольно екает. Понимаю, игра все это. А все равно замираю. С деньгами все вопросы решаются легко и быстро. А они улетают, как листья в сентябре. Такими темпами у меня скоро не останется свободных «пятак». Но и от этого искусственного праздника жизни как то не хочется отказываться. Ведь позади суровые будни, а впереди,

через месяц – другой напряженная учеба. Тогда поневоле забудешь эти кабацкие праздники. Сегодня точно выясню, что мне по бизнесу светит в этом очаге пьяного веселья. Думаю, что толку не будет. Приобрести по мелочи конечно возможно, но на поставщиков выйти нереально. Так быстро в крутое дело не входят. Вообще-то я хорошо вписался в систему, если уже и ресторанные монстры со мной считаются. Верю, что мои данные, как командирские, так и деловые, выведут наверх. Моя дорога дальняя и светлая, и ни как иначе.

Опять сегодня влечу на полтинник. Не пью ни грамма, но бутылку коньяка заказал. Это для Миши с Лехой. Хорошо покушал и теперь цежу напиток с названием «Медовый». Конкретная дрянь местного, ресторанного изготовления. Простая вода с медом и лимонной кислотой. Мои новые друзья подходили накатить по стопке. Посижу еще часик и буду сваливать. Пару раз подбегала Оленька, интересовалась, ничего мол больше не нужно. Спрашивая, склонялась к моему плечу так близко, что даже скользнула разок грудью по моей щеке. Еще раз такое, и шампанское за посадку увеличится в цене от восьми рублей до десяти. После такого разве клиент посмеет возбухнуть. Одно ей непонятно, почему я трезв, как стеклышко. И это ее немного напрягает. С пьяным то легче расчеты вести. Да еще мои соседи по столу спливые студенты с замашками важных персон заставили Оленьку как открыть коньяк, так и разлить им по рюмкам. Она бедолажка аж вся переморщилась. Тоже себя считает

Бог вещь кем, но только не обслугой. Трезвому на это смотреть скучно. Детали нелицеприятные замечаешь сразу. Как эти корявые понты студентов, так и просто кричащий взгляд официантки о добыче. И сидящую вокруг публику не самого высокого пошиба. Рабочий день недели, и народ в зале под стать ему. И даже Оленька не очень то сильно меня привлекает. По крайней мере добиваться ее не буду всеми силами и деньгами.

И все вдруг изменилось. К моему столику подошел Миха. Хлопнул пол фужера коньяка, сказал просто и коротко:

– Подходи ко мне в одиннадцать. – час с небольшим сидел, как на иголках. А ровно в назначенное время стоял у гардеробной.

– Выходи из ресторана и топай прямо по аллее в сторону моста. К тебе подойдут. – не переспрашивая иду на выход. Вышел на аллею, идущую вдоль всей набережной и не спеша двинулся в нужном направлении. Вечера еще довольно теплые и народу тут гуляет много. Отошел уже метров на триста, как меня догнал парень в спортивном костюме и в черной кепочке на глаза. Вроде как азиат.

– Говори что хочешь.

– Видик японский меняю на «пластилин» по оптовой цене. В комиссионке такой две штуки стоит. На эту сумму по трешке за грамм.

– Грамм по оптовой цене стоит пятерку.

– Знаю, но я же отдаю вещь очень дефицитную. Японский,

новый видик стоит этого. Да и себестоимость «товара» оптовая все же трешка.

– Ладно, это уже детали. Через день увидимся здесь же и в это же время. Если что изменится, гардеробщик скажет. – парень резко вильнул в сторону, а я вернулся в ресторан. За столик уже не вернулся, перехватил Оленьку в зале:

– Коньяк со стола и еще одну бутылку сюда. И яблоки прихвати.

– Почему не за стол?

– В гардеробе с ребятами выпьем.

– С тебя двадцатка.

– Коньяк пятнадцать стоит.

– Ситуация не стандартная. Спецобслуживание. Почти что в туалете.

– Понятно, вопросов нет. Тогда еще один момент. Может нам сегодня с тобой поближе познакомиться. Пообщаться так сказать на ощупь. – глаз не отводит, смотрит такой милой и нежной кошечкой. В ответ лепечет явно стандартную отговорку.

– Рада бы с хорошим мальчиком лямур закрутить, да нет пока такой возможности. Сам понимаешь, муж есть муж. – на мой недоверчивый взгляд ласково шепчет:

– Правда – правда. Не представляешь какой ревнивец мой благоверный. – сейчас проверю эту правду.

– Двадцать пять с меня и бутылка шампанского. – из глаз ласковость мгновенно пропадает. Смотрит спокойно, оцени-

вает. И я уже знаю, все будет как надо. Но не тут то было. Мадама тестирует меня на похоть и финансовую состоятельность. Вдруг мальчонка влюбился. И тогда можно будет его «доить» бесконечно, обслуживая за минутку – другую где-нибудь в подсобке.

– Пятьдесят и шампанское. – цена в общем то не заградельная. Частенько в нашем городе появляются как золотоискатели с приисков, и так называемые бамовцы. Многие, одичав в тайге, готовы за женщину дать любые деньги. И дают, чем подрывают рынок платной любви. Ну а если честно, то он в нашем городе не процветает. Так себе, на любительском уровне. Но совсем скоро звериные нравы капитализма станут чуть ли не нормой жизни бывшего советского человека. Придет к нам и расцветет буйно самое поганое, что есть в другой системе.

– Рад бы, да нет у меня таких денег.

– Нет так нет. – и женщина уходит, зазывно покачивая роскошными бедрами. Совсем не огорчился от отказа официантки. Никуда она не денется, и цена думаю будет сброшена. Все в это на данный момент упирается.

Домой приехал после ноля. Мама ворчит конечно, но кажется уже привыкает к моим поздним возвращениям. Одно ее успокаивает, что я постоянно трезвый. А это главный показатель благополучия. Многие вернувшиеся из армии, а тем более повзрослевшие на войне мальчишки, начинают новую гражданскую жизнь со стакана. А то и со сладкой папироски.

Особенно если характер слабый, а служба прошла в тяжелых испытаниях. А я горжусь собой, что отказался от рюмки в ресторане. Хотя желание выпить за близкую удачу присутствовало конкретно. И понимаю теперь, как был прав московский врач. Это я сегодня еще раз ощутил на себе. Нервы на пределе и я готов сорваться от пустяка. Это мой большой и жирный минус, который в любой момент может привести к трагическому проколу. Ударь я швейцара, и весь мой бизнес, вернее его начало насмарку. Что может быть хуже непредсказуемого человека, не владеющего собой. Которым руководят его эмоции. Человек готовый вспылить из-за любой мелочи, из за пустяка, в этой жизни потенциальная добыча для мало – мальски значимого охотника. А кого – кого, а этих самых охотников в нашей стране хоть отбавляй. Все, следующая рюмка, вернее бокал шампанского только на Новый год. А то я что-то много ошибок совершил на гражданке за очень короткое время. А может моя главная ошибка в мирной жизни, это шаг в сторону очень мутной коммерции? Который может вылиться в последствии в трагедию покруче афганской. Тюрьма есть тюрьма. Этого я не знаю, верю в лучшее, и совсем не думаю отрабатывать назад. В общем готовлюсь к худшему, надеясь на лучшее. Напрягаю все силы, чтобы быть победителем. Беспокойные мысли не дают уснуть. Наверное это от элементарного безделья. Ведь пока толком то ничего не делаю. Не устаю физически, вот сон и не идет. Лежу на своем родном диване,

пляюсь на светящиеся окна соседнего дома, который в каких то тридцати метрах. И мысленно снова уношусь в далекую горную страну, где живут суровые бородатые люди, которым я и мои земляки принесли очень много хлопот и неприятностей. И это мягко сказано. Ведь наше там пребывание вылилось для них в горе, беду и смерть. Хотя лично себя виноватым не чувствую. Стрелял только в ответ, защищаясь. И оказался там не по своей воле. Мне самому надо было элементарно выживать. Инициативы не проявлял, не толкал ребят на рожон под пули. При любой возможности избегал боевого столкновения. При случае мы тихо отсиживались. Никогда не наводил авиацию или огонь артиллерии на мирный кишлак или просто на людей, определив их колонной душманов. И в тех же кишлаках, пользуясь властью вооруженного человека, не устраивал шмонов, ни другого беспредела. Внушаю себе что стыдиться нечего, а все равно на душе не спокойно. Герой хренов, весь в медалях. Но я награды не просил. Кухню штабную не знаю, но твердо уверен. Если получил я медаль, то кто-то повыше званием, получил награду позначимей. Слышал краем уха, что на них разнарядка. Фиг орден получишь, будь ты хоть трижды героем, если с начальством разосрался. Мне кажется, что и я свои награды получил по разнарядке. Надо кого то награждать, вот и награждали. Кошмарные случаи конечно были. И жизнь моя висела на волоске. Но и тогда я геройствовал ради спасения своей личной жизни и мне вверенных бойцов. А не во имя каких

то мутных идеалов. И скажи кому, что через день мне снятся жуткие сны – воспоминания, которых боюсь до липкого страха во всем теле, не поверят. Вот тебе и весь герой на проверку. И до сих пор радуюсь, как последний кретин, что оказался не на месте танкистов, которых помогал вытаскивать из подбитой машины. Ведь от крика пацана – водителя волосы становились дыбом. Который материл нас, умоляя добить его. И тошнотворный запах горелого мяса, которым тянуло из нутра горевшего танка. Какими наградами все это закроешь, сотрешь из памяти? И только улетев в сладкую дрему алкоголя, на немного, на чуть-чуть закрываешься от этой жути. Хватит себя кошмарить. Чтобы отвлечься от мрачных воспоминаний, пытаюсь переключить мозг на что-то приятное. А приятное только одно. Это мечты о Кате, которой так еще и не позвонил. Ее грустные глаза притянули меня очень крепко. А почему грустные? Придумываю ерунду всякую. Она же улыбалась, когда мы с ней танцевали. И в ее глазах совсем не было печали. Завтра прямо с утра звоню. Хватит тянуть, а то с каждым прошедшим днем моя решимость убывает на порядок. И наконец на этой конкретной мысли засыпаю. И как ни странно, сплю крепко и без сновидений.

А утро начинается с нудного, осеннего дождя. На улице резко похолодало, осень набирает обороты. День – два такой погоды, и дождь перейдет в мокрый снег. Холод станет главным хозяином в нашем городе. Смотрю на серую улицу и не решаюсь подойти к телефону. Надо звонить на подъеме,

когда настроение и радость на душе. А когда хмарь и тоска, что скажешь девушке. И это в общем то очередная уловка. Боюсь словно пацан, и ничего с этим поделать не могу. Решаю звонить после одиннадцати утра. Звонить рано как то неудобно. А позже скорее всего никого не застану. Позвонить то я позвоню, никуда не денусь. А вот что сказать девушке не знаю. Ничего в голову путного не лезет. Маялся этим почти до обеда. Все, набираю, а там будь что будет. В конце концов в кино приглашу. Набираю уже выученные на зубок цифры, а в ответ долгие гудки. Все правильно, сегодня пятница, все на работе или учебе. С легкой радостью на душе откладываю звонок на вечер. А до него так далеко, что непроизвольно вздыхаю с облегчением. Если я так позорно боюсь, может мне совсем не подходить к телефону. Не знаю, ничего не понимаю.

Мелкий дождик сыплет не переставая. Его почти не видно. А лужи во дворе огромные. Судя по низким облакам, он затянется еще на пару дней. И хорошо что выходить сегодня никуда не надо. Можно пролежать весь день с книжкой на диване. Пытаюсь читать Бальзака. Хочется улететь в романтически – любовный мир старой Франции, чтобы хоть на время отключиться от холодной и сырой погоды, которая навивает на меня хандру вперемежку с проклятой безнадеей. В итоге ничего не получается. А в школьные годы это читалось с удовольствием. Мир чужой страны в голову не лезет. Все это так далеко от меня. Реальность жестко призем-

ляет и напоминает, если чуть зазеваешься, и не дай Бог «проколешься», то получишь такой удар, что мало не покажется. В общем у героев Бальзака свои проблемы, у меня свои. И они между собой ну ни как не перекликаются. Там в далеком – вдалеке красивая, страстная любовь, счастье в конце концов. Красивые женщины, мужественные кавалеры. Теплая и прекрасная Франция. А у меня не только холод на улице, но и на душе. Ведь я беру «дури» на две полновесных «штуки». И эта подлая коммерция может для меня вылиться в пять лет реального срока. Но это при самом плохом раскладе. Но кто думает о неудаче, когда дело только – только начинается. И ты еще такой смелый и умный. Главное, чтобы беда не подобралась незаметно. Чтобы не ударила подло со спины. А вообще-то я уже окунулся в нее полностью. Ведь вступил на путь, которого следовало избегать однозначно. Я в игре, где понятия беда и неудача одинаково равны. Но если на беду ни как не влияю, то от неудачи вполне можно подстраховаться. Стоит только еще раз все взвесить, обдумать и просчитать. И хорош этим «грузиться». Ведь я знаю точно, что уже сил не хватит отказаться от больших денег, которые мне светят в совсем недалеком будущем. И которых мне вполне хватит на машину и безбедную студенческую жизнь. И пускай я их заработаю за счет тех же наркоманов, но тут уж извините. Так наша жизнь устроена. Выживают сильнейшие за счет слабых, тех же раздолбаев – наркоманов. Все по науке, все по Дарвину. Жизнь свирепая штука.

Она постоянно ставит нас в условия соблазна, испытывает физически и нравственно. Выводит на грань жизни и смерти. И если человек соблазнился сладким дурманом, и это ему понравилось. Так значит тому и быть. Он хозяин своей судьбы. И пусть он обвиняет сам себя, своих родителей, зарядивших его такими слабыми генами. А уж потом меня, доставившего ему удовольствие из далекого Афганистана. Вопрос решается просто. Хочешь получить «кайф» покупай. Не хочешь балдеть – не покупай. Все просто. Никто тебя к этому не принуждает, кроме твоей личной тяги. А коли купил и «улетел» маленькой счастливой птичкой к большому и горячему солнцу, то по возвращению не надо все это сваливать на какие то обстоятельства, тяжелые моменты в жизни, на соблазнительей – продавцов. Каждый отвечает за себя. И я не буду никого обвинять кроме себя, если окажусь за решеткой на долгие годы. Этому миру, нашей действительности плевать, кто и как окажется на дне жизни. То ли от водки, от которой ломаются все магазины. То ли от «дури», которую не так то просто найти и купить, и которая делает из человека грязное животное. Чего мне жалеть каких то неведомых уродов – наркоманов, если из меня вытравили жалость, отправив пацаном на войну. Где я убивал назначенных мне государством врагов, и мог вполне быть убитым этими же самыми врагами. Какая по большому счету разница между бичами, наркоманами и прочей нечистью, загнувшимися от своей несправедной жизни. И теми пацанами на афганской войне,

которые тоже отбыли в небытие. И тем и другим уже ничего не надо. Вот только у тех пацанов – солдат не было шанса. Им его не дали большие кремлевские дяди, отправив в чужую страну на смерть. Пацаны не смогли самостоятельно распорядиться своей судьбой. Их вычеркнули из жизни в угоду кому то и чему то. А те, кто будут употреблять мной привезенную «дурь», эту возможность имеют. А это в жизни очень даже не мало. У меня вот сейчас тоже есть шанс все прекратить. Все оставить как есть, и жить дальше, как все. И я выбрал. Как мне не дорога моя жизнь, как мне не дороги моя мама и родственники, я не останусь в общем стаде. Я буду делать свою жизнь самостоятельно. А не получится, то и виноват буду только я и никто другой. Я и сейчас то не виню никого за глубокую борозду, прошедшую по моей судьбе в самом начале жизни. Так что наркоманы извините, я с вами на равных. Мы помогаем сами себе исчезнуть с лица земли. И это по большому счету высшая справедливость. Ведь останутся здоровые люди во всех отношениях, от которых пойдет здоровое поколение. Чего это я философствую без меры? Хватит сопли размазывать. Не фиг этим заморачиваться. Ведь у меня «товар» в наличии и я его спихну однозначно. Доставил то его черт знает откуда, и уже вышел из общего строя. Мне страшно, но и остановиться уже не могу. И завтра, ровно в 23 – 00, буду на назначенном месте. И все получится. Не может не получиться. Ведь у меня есть цель, в достижении которой хороши все средства. Вот так солдат –

интернационалист, комсомолец и спортсмен. Что и говорить, а цинизм прет из меня конкретно. Прямо я не дите своей социалистической родины, а какое то отребье капиталистическое. Я еще не ведал, что такого отребья пруд пруди, и на самом кремлевском верху. Что подтвердят через четыре года события по развалу нашей социалистической родины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.